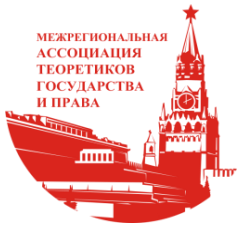


Юридическая мысль

2024 1 (133)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

9 772071 492787 >

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. по 2019 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревнова, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор;

А.А. Матюхин, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартьянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА
в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2024»
Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2024 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ruarpk@bk.ruizdatcat@eg-online.ru

в **Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»**
Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2024 г.)
Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-46-25

Адрес в Интернете: http://lawinst-spb.ru; http://matgip.ru
E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founderand Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;

A.A. Matyukhin, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3
Юридический институт (Санкт-Петербург)
Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru
119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12
МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.03.2024. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 10,44. Усл. п.л. 17,70. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Отпечатано в типографии “OneBook.ru” ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 1 (133), 2024
На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития»

XI International Scientific Conference
“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context of informatization and digitalization of Russian society in the interests of sustainable development”

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

приглашает принять участие в работе
XI Международной научно-теоретической конференции
«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития»

XI International Scientific Conference
“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context of informatization and digitalization of Russian society in the interests of sustainable development”

14–15 июня 2024 года (10.00–16.00)
Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства 14–15 июня 2024 года (Санкт-Петербург) **в очно-заочном формате** проводит XI Международную научно-теоретическую конференцию «Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития».

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, студенты, практикующие юристы.

Регистрация 14 июня 2024 года: 9.30–10.00 (московское время), начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00 – 14.00, окончание работы конференции: 16.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции (указав форму участия), пройдя электронную регистрацию до **5 июня 2024 года** по электронной почте: matgip2017@yandex.ru или lawinst-spb@mail.ru в целях составления программы конференции. Доклады, статьи, сообщения надо направить до 30 июня 2024 года в электронном виде по адресу: matgip2017@yandex.ru или SVKomarov2008@yandex.ru.

Информация о материалах, опубликованных в журналах по тематике конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ).

УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНФЕРЕНЦИИ – БЕСПЛАТНОЕ

Рассылка журнала в электронном виде вместе с сертификатом об участии будет производиться по мере выхода журнала в свет.

Авторам, заказавшим печатный вариант, рассылка будет производиться централизовано, посредством почты России, простой бандеролью после 20 августа 2024 года за счет авторов.

Информационные партнеры

Компания «Консультант-Плюс»

Журнал «Миграционное право»

Компания «Гарант»

Журнал «Теория государства и права»

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Современное российское право»

Журнал «Юридическая мысль»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

Юридическая мысль

2024 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 1 (133)
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Талыбов А.Р.
Проблема рисков в информационной цивилизации 11

Твердова Т.В.
Цифровизация общества и социально-правовые проблемы 30

Тимошкин А.К.
Понятие и содержание принципа разделения властей..... 41

Фомичев А.Б.
Ответственность за нарушения в сфере оборота лома
цветных и черных металлов 54

Хабибулаев А.Х.
Концепции правовой природы института морской
перевозки груза в отечественной доктрине дореволюционного периода 70

Щербаков М.В.
Механизмы нормативно-правового обеспечения безопасности личности
в России и зарубежных странах..... 79

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Лис И.И.
Специальное право субъекта административно-правового отношения 102

Ручкин Р.Л.
Понятие и природа несостоятельности (банкротства) юридических лиц:
история и современность 124

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Talibov A.R.
The problem of risks in information civilization..... 21

Tverdova T.V.
Digitalization of society and social and legal problems..... 35

Timoshkin A.K.
The concept and content of the principle of separation of powers..... 47

Fomichev A.B.
Responsibility for violations in the sphere of turnover
of scrap non-ferrous and ferrous metals 62

Khabibulaev A.Kh.
Concepts of the legal nature of the institution of sea transportation
of goods in the domestic doctrine of the pre-revolutionary period 74

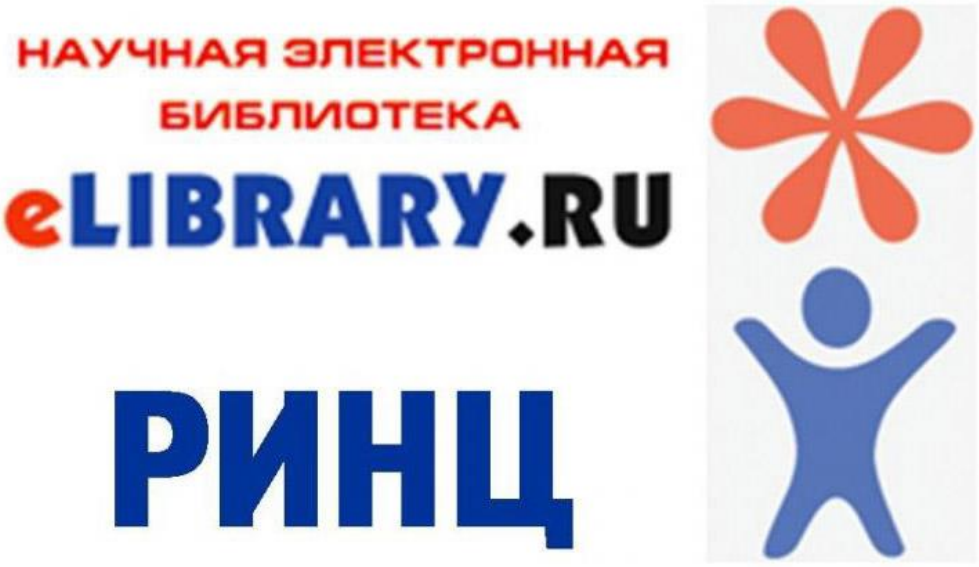
Shcherbakov M.V.
Mechanisms of regulatory and legal support for personal security
in Russia and foreign countries..... 91

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Lis I.I.
Special law of the subject of administrative-legal relations 113

Ruchkin R.L.
The concept and nature of insolvency (bankruptcy) of legal entities:
history and modernity 133

Индексация журнала



5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_11

ПРОБЛЕМА РИСКОВ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А.Р. Талыбов*

Аннотация. В статье анализируются состояние рисков в информационной цивилизации, в том числе современные вызовы и угрозы информационной безопасности в российском обществе.

Процесс цифровизации не просто дополняет нашу реальность, делая жизнь удобнее, но незаметно порабощает человека, превращая его в раба цифровых технологий и гаджетов. В связи с этим, в научных кругах все чаще появляется понятие «цифровое общество», смысл которого на данный момент до сих пор четко не определен. Отношение научного сообщества к феномену цифрового общества также неоднозначно: сторонники цифровизации видят в нем светлое будущее человечества, а представители технопессимизма предрекают порабощение людей искусственным интеллектом.

Ключевые слова: информационная цивилизация, риски, цифровое общество, информационные технологии, искусственный интеллект.

Конец XX – начало XXI вв. ознаменованы трансформацией мирового сообщества от индустриальной к информационной фазе развития.

Измененное под воздействием новых технологий общество получило название «информационного». Более того, в юридической литературе появилась идея о кибернетической (информационной) цивилизации [9], с которой в последнее десятилетие связывают большие

* **Талыбов Андрей Романович** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

ожидания [10]. Действительно, информационные технологии позволяют улучшить качество повседневной жизни, сделать рывок в развитии науки, здравоохранения и образования, расширить возможности для бизнеса, повысить качество государственных услуг и эффективность государственного управления.

При этом специалисты отмечают, что формирующееся информационное общество, кроме неоспоримых преимуществ, несет с собой также и новые проблемы и риски. Описанию этих рисков посвящено много публикаций и исследований [3, 4].

В качестве рисков рассматривают распространение кибертерроризма, невозможность обеспечения безопасности персональных и других видов данных; новые формы культурной агрессии, способной привести к утрате целыми сообществами своей культурной и национальной идентичности и самобытности; негативное влияние на психику людей вследствие «перегруза» информацией и потери различия между виртуальным миром и действительностью и т.п.

В целом в публикациях, обсуждающих облик будущего информационного общества, представлен весь спектр настроений и ожиданий: от крайнего оптимизма до полного пессимизма. Причем, как правило, высвечиваются лишь отдельные аспекты сложного процесса перехода к информационному обществу, что не позволяет понять общую картину и выработать рекомендации по решению имеющихся проблем. При этом нередко перемешиваются понятия «перспективы», «тенденции», «вызовы», «риски», «угрозы», что еще больше осложняет понимание того, с какого типа проблемами мы имеем дело.

Современный исторический период соответствует второй (завершающей) фазе последней из глобальных «эпох перемен», которые являлись следствием технологических революций.

Первая эпоха перемен («городская революция») связана с распространением *бронзовых* орудий (переход от неолита к бронзовому веку), с появлением ремесел, гончарных изделий, повозок на колесах.

Вторая эпоха перемен («осевое время» по К. Ясперсу [11]) связана с распространением *железных* орудий (переход к железному веку), давших резкий толчок в развитии земледелия, военного и строительного дела, наземного и морского транспорта.

Третья эпоха перемен (современная) явилась следствием *промышленной* революции, в результате которой ручной труд стал заменяться машинным на основе использования научно-технических достижений.

В каждую эпоху появлялись общества, лидирующие в освоении новых технологий, которые начинали оказывать экономическое и политическое влияние на другие общества. Расширение зон их экономического и политического влияния приводило к процессам «*глобализации*»:

– «городская революция» запустила процесс перехода от племенных союзов к ранним государствам;

– «осевое время» запустило процесс формирования обширных империй, поглощавших ранние государства;

– промышленная революция запустила процесс экономической и политической глобализации в масштабах всей планеты.

В свою очередь, процессы глобализации формировали новую социальную реальность, порождали новые формы социальной организации и самоорганизации, ломавшие прежние стереотипы и традиции. Это приводило к кризисам сознания, к психологической фрустрации, к необходимости замены прежних гуманитарных технологий, потерявших свою эффективность, на новые, более эффективные в сложившихся условиях (примером этому является появление мировых религий в «осевое время», пришедших на замену традиционным языческим религиям).

В эпохи перемен всегда возникают варианты развития (так, например, в эпоху раннего христианства существовало много его версий, которые идейно боролись друг с другом. В результате сформировалась каноническая версия христианства, утвержденная Вселенскими соборами, а все остальные версии были объявлены ересями).

В любом случае, логика последовательных стадий «эпох перемен» следующая:

во-первых, сначала происходит технологический рывок на основе открытия и широкого внедрения новых технологий, резко расширяющих производственные и военные возможности (это стадия рационализма, превосходство материального над духовным). В результате новые технологии изменяют материальный мир;

во-вторых, революция в военном деле на основе новых технологий приводит к завоеванию территорий, к расширению границ стран-лидеров. В свою очередь, расширение границ приводит к интенсификации торговли, к повышению экономической и информационной связности объединенных территорий. Происходит экономическая и политическая «глобализация» в пределах границ, охваченных новыми технологиями. Возникает новая социальная реальность;

в-третьих, новая социальная реальность ломает стереотипы сознания, делает неэффективными традиционные коммуникативные технологии. Общество становится неустойчивым. Возникает гуманитарный кризис, начинается поиск способов адаптации к новой социальной реальности. При этом заранее неизвестно, какой способ адаптации окажется успешным. Общество вступает в полосу гуманитарных рисков;

в-четвертых, в конечном итоге происходит перестройка духовной сферы, на первый план выходят гуманитарные вопросы, центром внимания становится не материальный мир, а человек. Революция в технологиях, запустившая «эпоху перемен», завершается кардинальной трансформацией в гуманитарной сфере: человек становится другим (это ярко видно, если сравнить человека языческой Античности и человека христианского Средневековья).

На первых двух стадиях акцент смещен на материальное переустройство мира (на основе новых технологий), на третьей и четвертой стадии акцент смещается на трансформацию человека и общества, их адаптацию к новым условиям.

Начало современной «эпохи перемен» – промышленная революция XIX века – запустила процесс замены ручного труда машинным. При этом машина лишь имитировала ручной труд, но делала это быстрее и производительнее; человек в принципе *мог* ее заменить, возврат к миру без машин в принципе был возможен.

На нынешней стадии современной «эпохи перемен» (цифровая революция XXI века) происходит постепенная замена интеллектуального труда цифровыми технологиями, замена человеческого интеллекта искусственным интеллектом. При этом идет интенсивное внедрение технологических операций, которые человек сам без компьютера *не может* выполнить: человек уже не автономен, он зависим от реализованных в социальной системе цифровых технологий.

Как следствие всего вышеперечисленного:

– цифровые технологии постепенно уничтожают автономность человека, способствуют формированию жесткого организационно-производственного механизма, в котором человек утрачивает реальную свободу выбора (переход к обществу-организму);

– возникает сильная зависимость общества от цифровых платформ и их создателей;

– новый цифровой мир оказывает мощное психологическое давление на человека.

Наступает бифуркационное время: либо искусственный интеллект и информационные технологии станут эффективными помощниками общества, повышающими качество жизни человека и степени его свободы, либо они (вернее, их создатели) станут жестокими «хозяевами», лишающими человека автономности и права на реальный выбор.

В настоящее время новые смыслы понятие «цифровая цивилизация» приобретает в связи с разработкой искусственного интеллекта, созданием Метавселенной (компания Meta признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации), работой над оцифровкой человеческого сознания и цифровым тоталитаризмом, реализующимся в непрестанном видеоконтроле за человеком. В этом контексте цифровая цивилизация воспринимается не как внешняя среда, но как неотъемлемая часть человеческой сущности. В связи с этим, процессы цифровизации воспринимаются неоднозначно, так как некоторые цифровые решения несут в себе потенциальную угрозу для человечества.

Также в настоящее время в научной литературе появилось понятие «цифровой человек» (Homo Digitals), под которым понимается новый социокультурный тип личности, чьи компетенции и ресурсы отличают его от обычных людей и создают ему преимущества для жизни в цифровом обществе [5, с. 6]. Он свободно владеет различными гаджетами, вебсерфингом, технологиями работы с цифровыми данными, приемами электронной коммерции, знает основы SMM, блокчейна, кибербезопасности, работы с нейросетями. Будущее Homo Digitals во многом будет зависеть от успешности реализации проекта по созданию Нейронета, глобальной компьютерной сети поколения Web 4.0, в основе которой будут

лежать интегрированные платформы гибридного искусственного интеллекта [7, с. 26].

Особенностью данного искусственного интеллекта будет выступать его нейро-сетевая квантовая сущность, а его назначение будет заключаться в дополнении и усилении человеческих способностей [2]. План мероприятий («дорожная карта») по созданию нейронета представлен на официальном сайте Национальной технологической инициативы, а ответственным федеральным органом исполнительной власти за его реализацию является Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Согласно Паспорту «дорожной карты» к 2035 году в России должен сформироваться полноценный рынок нейронет [8].

Разработки в области создания дополненной реальности на основе нейронета можно считать главным шагом на пути к развитию цифрового общества. Для построения нейронета необходимо создать коммуникационную модель мозг-компьютер-мозг, что может быть реализовано с помощью электронных имплантов, то есть чипирования. Их использование позволит создать нейрокомпьютерные интерфейсы ввода-вывода информации для контроля мозговой активности. Этот аспект цифровизации на данный момент является наиболее дискуссионным, вызывая споры о целесообразности научно-технического прогресса.

Следует согласиться с тем, что в складывающейся ситуации прогрессирования информационно-технологической зависимости, российское государство находится в межкоординационных отношениях (конституционных, социальных, экономических, политических, культурных, финансовых, военных, экологических и других) направленных на преодоление различных барьеров на пути обретения и дальнейшего государственного технологического суверенитета. Безусловно, в этом направлении необходим технологический прорыв, который будет способствовать стабилизации развития отношений по обеспечению государственного технологического суверенитета. Кроме этого Российская Федерация сталкивается с внешнеполитической напряженностью со стороны западных стран реализующих русофобскую политику. Однако, уже существуют инструменты для преодоления этого препятствия [2, с. 21]. Достаточно сослаться на Национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», которая включает в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление» [2, с. 26].

Сторонники технопессимизма сравнивают грядущую эру нейронета с цифровым тоталитаризмом, так как цифровой контроль над Homo Sapiens легко превратит его в управляемого биоробота-киборга (Homo Digital). Вместе с ними представители православной церкви обеспокоены тем, что чипирование является вмешательством в образ и подобие Бога, коим является человек, следовательно, лишает его благодати и вечной жизни [6, с.10].

В настоящее время значительная доля всех конфликтов между государствами перенесена в информационную сферу. Этот момент привел к трансформации подходов к понятию «военная мощь». «Грубая сила» оружия заменяется «мягкой силой» убеждения и психологических манипуляций. Применение этого принципа требует переосмысления подходов к формированию военной стратегии в новую эпоху. Доминирующая роль информации и информационных технологий, а также направленность на борьбу с принципиально новыми угрозами информационной эпохи заставили руководство некоторых западных стран, в частности США, более активно внедрять новые концепции формирования вооруженные силы. К таким понятиям относится понятие «кибервойны».

По мнению некоторых экспертов, ситуация в сфере обеспечения национальных интересов в сфере информации значительно ухудшилась после терактов в США 11 сентября 2001 г. и продолжает ухудшаться по сей день. Происходящее есть не что иное, как изменение баланса сил, перераспределение сфер влияния внутри принципиально новой сферы жизненных интересов современного общества – сферы информации. Ключевую роль в этом перераспределении сегодня играют США.

Современные достижения в области информационных технологий уже коснулись большинства сфер бизнеса, государственной и общественной деятельности практически во всех регионах мира. Информационные технологии и связанная с ними информационная революция стали одним из важнейших факторов, способствующих динамичной трансформации общества, его переходу от постиндустриального общества к информационному.

Важно отметить существенные особенности развития информационных технологий и влияния информационной революции.

1. Разработка новых технологий будет непрерывно стимулировать информационную революцию.

2. Информационная революция породит новые бизнес-модели, которые существенно трансформируют деловой и финансовый мир.

3. Информационная революция существенно затронет механизмы управления обществом и создаст новых политических игроков.

4. Информационная революция останется многоликой и будет формироваться социальными и культурными ценностями.

5. Сохранится многофакторная форма и характеристика национального подхода к восприятию информационной революции.

К основным тенденциям развития геополитической обстановки в мире можно отнести следующие:

– В ближайшие 10–20 лет США останутся в авангарде информационной революции.

– Информационная революция в Европе будет развиваться медленнее и несколько иным путем, отличным от ее развития в США и Канаде.

– В ближайшие 10–20 лет ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона продолжат стремительное развитие и масштабное использование информационных технологий.

– Геополитические тенденции, которым содействует информационная революция, могут обозначить новые вызовы национальной безопасности Соединенным Штатам и другим развитым странам мира.

Поскольку темпы перечисленных технологических революций возрастают, а их синергетическое воздействие увеличивается, растет и понимание последствий их воздействия на общество будущего. В ходе указанных технологических революций сохранится неравенство отдельных наций и регионов планеты; более того, ускорение темпов технологической революции приведет к углублению неравенства, и как следствие – к небывалому росту напряженности во всем мире.

Главной угрозой информационной безопасности для Российской Федерации являются планы некоторых западных стран, в основном США, использовать свое превосходство над Россией, возникшее в результате интеллектуального разрыва в организации и технологиях ведения информационных войн в условиях единого глобального информационное пространство. В настоящее время США наращивают работу по реализации своей стратегии национальной разведки. Целью проводимой работы является обеспечение подавляющего информационного превосходства путем навязывания информации, что стимулирует военно-политическое руководство других стран к принятию выгодных для США решений. Ключевыми элементами достижения целей национальной информационной стратегии являются управление восприятием целевой аудитории и формирование «общественного мнения» посредством манипулирования информацией. Основной формой достижения целей являются ненасильственные действия и начало «бархатных» революций.

Цели национальной политики США будут достигаться путем ведения стратегической информационной войны с применением наступательного информационного оружия. В последнее время в качестве такого оружия все чаще рассматривают не программно-аппаратные средства воздействия на информационные системы и информационные ресурсы противника, а средства и методы информационного манипулирования. В зарубежных средствах массовой информации последних лет количество статей и репортажей о средствах и методах манипуляции сознанием (в частности, о методах нейролингвистического программирования, гипноза и других методах суггестивного влияния), исследования психологии личности и др. значительно расширились. Появились некоторые новые концепции, такие как «виртуальная виртуальность», когда освещение события в прессе становится более важным, чем само событие.

В ходе ряда научных исследований по таким программам, как «МК-Ультра», «Артишок» и др., проведенным еще в 60–70 годах прошлого века, объективно установлено, что наиболее перспективными методами ведения информационной войны являются именно методы воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание.

Реализация подобных методов на государственном уровне требует пересмотра ключевых подходов к проведению внешней и внутренней политики государства в информационную эпоху.

Необходимость достижения подавляющего информационного превосходства над противником и совершенствования существующей в США системы проведения информационных и психологических операций была доказана после детального анализа американскими военными экспертами результатов операций против Югославии, Афганистана и Ирака. В ходе этих кампаний американские военные еще раз убедились в огромном потенциале средств манипулирования информацией.

В настоящее время состояние глобальных информационных сетей во многом неподконтрольно их создателям. Ежемесячно в сети появляются новые СМИ, сайты различных радикальных групп и т.д.

В последнее время информационное пространство все чаще используется террористами для координации своей деятельности, организации коммуникаций и привлечения финансирования. Осознавая потенциал новых информационных технологий, некоторые международные террористические организации недавно попытались установить связи с глобальными онлайн-сообществами хакеров. Террористы прорабатывают свою возможную будущую причастность к планированию и осуществлению терактов. Доказано, что террористы «Аль-Каиды» координируют свою деятельность именно с помощью глобальных сетей. Установление рабочих контактов между террористами и хакерами грозит резким скачком в технологическом развитии террористов, что может привести к тому, что террористы обретут в ближайшие годы возможность проводить масштабные атаки в информационной сфере.

Появление принципиально новых средств и способов донесения агитационного материала до аудитории при проведении информационно-психологических операций. В последние годы широко используются новые медиа, такие как спутниковое телевидение и радио, цифровое телевидение, электронная почта, виртуальная реальность и т. д. С октября 2001 г. в армии США действует специальный Центр стратегического воздействия, на который возложена координация проведения стратегических психологических операций, в том числе с применением новых средств.

Начало 2022 года стало точкой отсчета, разделившей почти все сферы жизни российского общества на «до» и «после». Затронули эти радикальные перемены и информационную безопасность. Россия оказалась в центре стремительно расширяющегося «кибершторма», создаваемого рядом факторов – от почти официальной «цифровой» агрессии недружественных государств до внутренних потенциальных угроз в виде недостатков собственной ИТ-инфраструктуры.

Неслучайно, официальные власти страны оценили уровень угрозы как беспрецедентный, требующий незамедлительных и самых решительных ответных мер.

Таким образом, к основным угрозам информационной безопасности в 2024 году можно отнести следующие:

1. DDoS-атаки. Распределенные атаки типа «отказ в обслуживании» стали самой распространенной угрозой информационной безопасности России. С начала 2022 года их жертвами стали: сайты Центризбиркома РФ, Президента РФ, «Госуслуг», Россельхознадзора, Роспотребнадзора и десят-

ков региональных СМИ; сервисы РЖД, «1С», Сбербанка; информационные ресурсы Петербургского международного экономического форума и видеохостинг Rutube; сети Росавиации и агрохолдинга «Мираторг»; ряд российских систем электронного документооборота (ЭДО); платежная система «Мир» и Национальная система платежных карт (НСПК). При этом DDoS-атаки стали масштабнее не только по охвату, но также по силе и по длительности.

2. Прекращение поддержки программного обеспечения. Компании крупного и среднего бизнеса, а также многие госструктуры, чувствовавшие себя в полной безопасности под защитой программного обеспечения с закрытым исходным кодом (closed source software, проприетарное ПО) ведущих мировых вендоров, первыми ощутили на себе печальные последствия изменения ИТ-ландшафта. После введения санкций выяснилось, что «железобетонные» гарантии поддержки SLA-лицензий могут буквально испариться буквально за несколько месяцев. Крупные зарубежные производители, вроде Microsoft и SAP, неоднократно заявляли, что планируют прекратить поддержку своих информационных продуктов для корпоративного сектора в России. «Кибер-суверенитет» России будет опираться на аналогичную продукцию от отечественных ИТ-компаний и разработку open-source решений.

3. Вредоносное программное обеспечение. Вредоносное ПО (malware/«малвари») – одна из самых старых угроз информационной безопасности, не потерявшая актуальность и сегодня. По данным нидерландского ИТ-сервиса Surfshark, в 2022–2023 году Россия стала самой «взламываемой» страной в мире, в разы обогнав соседей по антирейтингу – Францию, Индонезию и США. Вредоносные программы могут проникать на конечные машины с помощью социальной инженерии (например, фишинга) – пользователя обманом вынуждают открыть зараженную ссылку или файл, а также устанавливаться самостоятельно – через уязвимости в браузерах или операционных системах. После установки такая программа может «шпионить» за хозяином устройства, отправлять конфиденциальные данные злоумышленнику, шифровать файлы и даже превращать машину в «зомби» для сети ботнет, через которую проводятся DDoS-атаки. Последним трендом в области вредоносного ПО стало переключение акцента атак с ОС Windows на популярные операционные системы на Linux/Unix. По данным сервиса ИТ-разведки AV-ATLAS, число модификаций вредоносных программ под «Линукс» выросло за последний год на 646%.

4. Утечки данных. Исследователи из «Лаборатории Касперского» подсчитали, что в прошлом и позапрошлом годах более 150 000 россиян столкнулись с кражей учетных данных в различных сервисах. По сведениям ИТ-специалистов из компании DLBI, специализирующейся на защите корпоративных данных, с лета 2022 года в даркнете происходила массовая скупка баз данных с паролями от аккаунтов госслужащих и сотрудников крупных российских компаний.

Предполагаемая цель подобных действий – массированная распределенная кибератака на критически значимые объекты информационной инфраструктуры (КИИ) страны. Вопросом выявления и предупреждения

подобных нарушений кибербезопасности озаботилось само государство. Выполняя президентский указ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности РФ» [1], Минцифры обязалось до конца года создать открытый реестр с перечнем «недопустимых» ИТ-инцидентов, способных подорвать работу КИИ.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, процесс развития цифрового общества небыстрый, но реализуемый. Главная проблема при его создании заключается в том, какая роль будет отведена в нем человеку: биоробота или творца.

Во-вторых, в последние годы в России наблюдается снижение уровня подготовки специалистов в области информационных технологий, а также их массовый выезд за рубеж. Такая ситуация грозит тем, что в ближайшие годы Россия лишится необходимого интеллектуального потенциала, без которого невозможна разработка и внедрение новых информационных технологий в различные сферы государственной и общественной жизни, включая систему обороны страны.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Битерман О.Э., Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 2 (31). – С. 20–32.

3. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья //Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.

4. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Превентивная функция права в системе информационных рисков: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 1 (21). – С. 38–46.

5. *Василенко Л.А., Мещерякова Н.Н.* Социология цифрового общества. – Томск: Томский политехнический университет, 2021. – 226 с.

6. *Драгнев Ю.В.* Духовно-нравственное воспитание студентов вуза в условиях виртуализации через нейронет // Aktuální Pedagogika. – 2020. – № 1. – С. 7–10.

7. *Дятлов С.А.* Искусственный интеллект как институт развития цифровой нейро-сетевой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 2 (128). – С. 25–29.

8. Приложение № 4 // https://nti2035.ru/markets/docs/DK_neuronet.pdf?ysclid= lwntemaj8l809833562

9. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

10. *Шваб Клаус.* Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 285 с.

11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: [Сборник: пер. с нем.] / Карл Ясперс; [Вступ. ст. П. П. Гайденко, с. 5–26; Коммент. В. Н. Катасонова]. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Для цитирования: *Талыбов А.Р.* Проблема рисков в информационной цивилизации: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 11–20.
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_11

THE PROBLEM OF RISKS IN THE INFORMATION CIVILIZATION

Andrey R. Talybov*

Annotation. The article analyzes the state of risks in information civilization, including modern challenges and threats to information security in Russian society.

The process of digitalization not only complements our reality, making life more convenient, but quietly enslaves a person, turning him into a slave of digital technologies and gadgets. In this regard, the concept of "digital society" is increasingly appearing in scientific circles, the meaning of which is currently still not clearly defined. The attitude of the scientific community to the phenomenon of digital society is also ambiguous: supporters of digitalization see in it a bright future for humanity, while representatives of techno-pessimism predict the enslavement of people by artificial intelligence.

Key words: information civilization, risks, digital society, information technology, artificial intelligence.

End of XX – beginning of XXI centuries marked by the transformation of the world community from the industrial to the information phase of development.

The society changed under the influence of new technologies is called "information society". Moreover, the idea of a cybernetic (information) civilization has appeared in the legal literature [9], with which great expectations have been associated in the last decade [10]. Indeed, information technologies can improve the quality of everyday life, make a breakthrough in the development of science, healthcare and education, expand business opportunities, improve the quality of government services and the efficiency of public administration.

At the same time, experts note that the emerging information society, in addition to undeniable advantages, also brings with it new problems and risks. Many publications and studies are devoted to describing these risks [3, 4].

The risks considered are the spread of cyber terrorism and the inability to ensure the security of personal and other types of data; new forms of cultural aggression that can lead to the loss of entire communities of their cultural and national identity and originality; negative impact on the people's psyche due to "overload" of information and loss of distinction between the virtual world and reality, etc.

In general, publications discussing the shape of the future information society present the entire spectrum of sentiments and expectations: from ex-

* **Talybov Andrey Romanovich –** postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education of the Russian Academy of Economics, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

treme optimism to complete pessimism. Moreover, as a rule, only individual aspects of the complex process of transition to the information society are highlighted, which does not allow us to understand the overall picture and develop recommendations for solving existing problems. At the same time, the concepts of “prospects”, “trends”, “challenges”, “risks”, “threats” are often mixed up, which further complicates the understanding of what type of problems we are dealing with.

The modern historical period corresponds to the second (final) phase of the last of the global “eras of change”, which were a consequence of technological revolutions.

The first era of change (“urban revolution”) is associated with the spread of bronze tools (the transition from the Neolithic to the Bronze Age), with the emergence of crafts, pottery, and wheeled carts.

The second era of change (“Axial Age” according to K. Jaspers [11]) is associated with the spread of iron tools (the transition to the Iron Age), which gave a sharp impetus to the development of agriculture, military and construction, land and sea transport.

The third era of change (modern) was a consequence of the industrial revolution, as a result of which manual labor began to be replaced by machine labor based on the use of scientific and technological achievements.

In each era, societies emerged that led in the development of new technologies, which began to exert economic and political influence on other societies. The expansion of the zones of their economic and political influence led to the processes of “globalization”:

– the “urban revolution” launched the process of transition from tribal unions to early states;

– “Axial Age” launched the process of formation of vast empires that absorbed early states;

– the industrial revolution launched the process of economic and political globalization on a planetary scale.

In turn, the processes of globalization formed a new social reality, gave rise to new forms of social organization and self-organization that broke previous stereotypes and traditions. This led to crises of consciousness, to psychological frustration, to the need to replace old humanitarian technologies that had lost their effectiveness with new ones that were more effective in the current conditions (an example of this is the emergence of world religions in the “Axial Age”, which came which replaced traditional pagan religions).

In eras of change, development options always arise (for example, in the era of early Christianity there were many versions of it that ideologically fought with each other. As a result, the canonical version of Christianity was formed, approved by the Ecumenical Councils, and all other versions were declared heresies).

In any case, the logic of the successive stages of “eras of change” is as follows:

firstly, first there is a technological breakthrough based on the discovery and widespread introduction of new technologies that dramatically expand production and military capabilities (this is the stage of rationalism, the supe-

riority of the material over the spiritual). As a result, new technologies change the material world;

secondly, a revolution in military affairs based on new technologies leads to the conquest of territories and the expansion of the borders of leading countries. In turn, the expansion of borders leads to intensified trade and increased economic and information connectivity of the united territories. Economic and political "globalization" is taking place within the boundaries embraced by new technologies. A new social reality emerges;

thirdly, the new social reality breaks the stereotypes of consciousness and makes traditional communication technologies ineffective. Society is becoming unstable. A humanitarian crisis arises, and a search begins for ways to adapt to the new social reality. At the same time, it is not known in advance which adaptation method will be successful. Society is entering a period of humanitarian risks;

fourthly, ultimately, a restructuring of the spiritual sphere occurs, humanitarian issues come to the fore, and the center of attention becomes not the material world, but man. The revolution in technology, which launched the "era of change," ends with a radical transformation in the humanitarian sphere: a person becomes different (this is clearly visible if you compare a person of pagan Antiquity and a person of the Christian Middle Ages).

At the first two stages, the emphasis is shifted to the material reorganization of the world (based on new technologies); at the third and fourth stages, the emphasis shifts to the transformation of man and society, their adaptation to new conditions.

The beginning of the modern "era of change" – the industrial revolution of the 19th century – launched the process of replacing manual labor with machine labor. At the same time, the machine only imitated manual labor, but did it faster and more productively; a person could, in principle, replace it; a return to a world without cars was in principle possible.

At the current stage of the modern "era of change" (digital revolution of the 21st century), there is a gradual replacement of intellectual work with digital technologies, replacement of human intelligence with artificial intelligence. At the same time, there is an intensive introduction of technological operations that a person cannot perform without a computer: a person is no longer autonomous, he is dependent on the digital technologies implemented in the social system.

As a consequence of all of the above:

– digital technologies are gradually destroying human autonomy, contributing to the formation of a rigid organizational and production mechanism in which a person loses real freedom of choice (transition to a society-organism);

– there is a strong dependence of society on digital platforms and their creators;

– the new digital world puts powerful psychological pressure on people.

A bifurcation time is coming: either artificial intelligence and information technologies will become effective assistants to society, increasing the quality of human life and the degree of his freedom, or they (or rather, their creators) will

become cruel “masters”, depriving a person of autonomy and the right to real choice.

Currently, the concept of “digital civilization” is acquiring new meanings in connection with the development of artificial intelligence, the creation of the Metaverse (the Meta company is recognized as an extremist organization on the territory of the Russian Federation), work on the digitization of human consciousness and digital totalitarianism, realized in constant video monitoring of a person. In this context, digital civilization is perceived not as an external environment, but as an integral part of the human essence. In this regard, digitalization processes are perceived ambiguously, since some digital solutions pose a potential threat to humanity.

Also, the concept of “digital person” (Homo Digitals) has now appeared in the scientific literature, which is understood as a new socio-cultural type of personality, whose competencies and resources distinguish him from ordinary people and create advantages for him for life in a digital society [5 , p. 6]. He is fluent in various gadgets, web surfing, technologies for working with digital data, e-commerce techniques, knows the basics of SMM, blockchain, cybersecurity, and working with neural networks. The future of Homo Digitals will largely depend on the success of the project to create Neuronet, a global computer network of the Web 4.0 generation, which will be based on integrated platforms of hybrid artificial intelligence [7, p. 26].

A special feature of this artificial intelligence will be its neural network quantum essence, and its purpose will be to complement and enhance human abilities [2]. The action plan (“road map”) for creating a Neuronet is presented on the official website of the National Technology Initiative, and the responsible federal executive body for its implementation is the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. According to the Road Map Passport, a full-fledged Neuronet market should be formed in Russia by 2035 [8].

Developments in the field of creating augmented reality based on Neuronet can be considered the main step towards the development of a digital society. To build a Neuronet, it is necessary to create a brain-computer-brain communication model, which can be implemented using electronic implants, that is, chipping. Their use will make it possible to create brain-computer interfaces for input-output information to control brain activity. This aspect of digitalization is currently the most controversial, causing debate about the feasibility of scientific and technological progress.

It should be agreed that in the current situation of progressing information and technological dependence, the Russian state is in intercoordinating relations (constitutional, social, economic, political, cultural, financial, military, environmental and others) aimed at overcoming various barriers to the acquisition and further state technological sovereignty. Of course, a technological breakthrough is needed in this direction, which will help stabilize the development of relations to ensure state technological sovereignty. In addition, the Russian Federation is faced with foreign policy tensions from Western countries implementing Russophobic policies. However, tools already exist to overcome this obstacle [2, p. 21]. It is enough to refer to the National Program “Digital Economy of the Russian Federation”, which includes six federal projects:

“Regulatory regulation of the digital environment”, “Information infrastructure”, “Personnel for the digital economy”, “Information security”, “Digital technology" and "Digital public administration" [2, p. 26].

Supporters of techno-pessimism compare the coming era of the Neuronet with digital totalitarianism, since digital control over Homo Sapiens will easily turn it into a controlled cyborg biorobot (Homo Digital). Together with them, representatives of the Orthodox Church are concerned that microchipping is an interference in the image and likeness of God, which a person is, and therefore deprives him of grace and eternal life [6, p. 10].

Currently, a significant proportion of all conflicts between states have been transferred to the information sphere. This moment led to a transformation of approaches to the concept of “military power”. The “brute force” of weapons is replaced by the “soft power” of persuasion and psychological manipulation. The application of this principle requires a rethinking of approaches to the formation of military strategy in the new era. The dominant role of information and information technology, as well as the focus on combating fundamentally new threats of the information age, forced the leadership of some Western countries, in particular the United States, to more actively introduce new concepts for the formation of armed forces. Such concepts include the concept of “cyber warfare”.

According to some experts, the situation in the sphere of ensuring national interests in the field of information deteriorated significantly after the terrorist attacks in the United States on September 11, 2001 and continues to deteriorate to this day. What is happening is nothing more than a change in the balance of power, a redistribution of spheres of influence within a fundamentally new sphere of vital interests of modern society – the sphere of information. The United States plays a key role in this redistribution today.

Modern achievements in the field of information technology have already affected most areas of business, government and public activity in almost all regions of the world. Information technologies and the associated information revolution have become one of the most important factors contributing to the dynamic transformation of society, its transition from a post-industrial society to an information society.

It is important to note the significant features of the development of information technology and the impact of the information revolution.

The development of new technologies will continuously stimulate the information revolution.

The information revolution will give rise to new business models that will significantly transform the business and financial world.

The information revolution will significantly affect the mechanisms of governance of society and create new political players.

The information revolution will remain multifaceted and will be shaped by social and cultural values.

The multifactorial form and characteristics of the national approach to the perception of the information revolution will remain.

The main trends in the development of the geopolitical situation in the world include the following:

– In the next 10–20 years, the United States will remain at the forefront of the information revolution.

– The information revolution in Europe will develop more slowly and in a slightly different way, different from its development in the USA and Canada.

– In the next 10–20 years, a number of countries in the Asia-Pacific region will continue the rapid development and large-scale use of information technologies.

– Geopolitical trends, facilitated by the information revolution, may identify new national security challenges for the United States and other developed countries of the world.

As the pace of these technological revolutions increases and their synergistic impact increases, so does the understanding of the consequences of their impact on the society of the future. In the course of these technological revolutions, the inequality of individual nations and regions of the planet will continue; Moreover, the acceleration of the pace of the technological revolution will lead to deepening inequality, and as a result, to an unprecedented increase in tension throughout the world.

The main threat to information security for the Russian Federation is the plans of some Western countries, mainly the United States, to use their superiority over Russia, which arose as a result of the intellectual gap in the organization and technology of waging information wars in a single global information space. The United States is currently ramping up efforts to implement its national intelligence strategy. The goal of the work being carried out is to ensure overwhelming information superiority by imposing information, which stimulates the military-political leadership of other countries to make decisions beneficial to the United States. The key elements of achieving the goals of the national information strategy are managing the perception of the target audience and shaping “public opinion” through the manipulation of information. The main form of achieving goals is non-violent action and the beginning of “velvet” revolutions.

The goals of US national policy will be achieved through strategic information warfare using offensive information weapons. Recently, such weapons are increasingly being considered not as software and hardware means of influencing enemy information systems and information resources, but as means and methods of information manipulation. In the foreign media in recent years, the number of articles and reports on the means and methods of manipulating consciousness (in particular, on the methods of neurolinguistic programming, hypnosis and other methods of suggestive influence), research into personality psychology, etc. has expanded significantly. Some new concepts have emerged, such as "virtuality", where press coverage of an event becomes more important than the event itself.

In the course of a number of scientific studies on such programs as “MK-Ultra”, “Artichoke”, etc., carried out back in the 60–70s of the last century, it was objectively established that the most promising methods of waging information warfare are precisely the methods of influencing individuals. dual, group and social consciousness.

The implementation of such methods at the state level requires a revision of key approaches to the conduct of foreign and domestic policies of the state in the information age.

The need to achieve overwhelming information superiority over the enemy and improve the existing US system for conducting information and psychological operations was proven after a detailed analysis by American military experts of the results of operations against Yugoslavia, Afghanistan and Iraq. During these campaigns, the US military once again became convinced of the enormous potential of means of manipulating information.

Currently, the state of global information networks is largely beyond the control of their creators. Every month new media, websites of various radical groups, etc. appear on the Internet.

Recently, the information space has been increasingly used by terrorists to coordinate their activities, organize communications and attract funding. Recognizing the potential of new information technologies, some international terrorist organizations have recently attempted to establish links with global online hacker communities. Terrorists are exploring their possible future involvement in planning and carrying out terrorist attacks. It has been proven that al-Qaeda terrorists coordinate their activities precisely with the help of global networks. The establishment of working contacts between terrorists and hackers threatens a sharp leap in the technological development of terrorists, which could lead to terrorists gaining the ability to carry out large-scale attacks in the information sphere in the coming years.

The emergence of fundamentally new means and methods of conveying propaganda material to the audience during information and psychological operations. In recent years, new media have been widely used, such as satellite television and radio, digital television, email, virtual reality, etc. Since October 2001, the US Army has had a special Center for Strategic Impact, which is charged with coordinating the implementation of strategic psychological Russian operations, including the use of new means.

The beginning of 2022 became a starting point that divided almost all spheres of life of Russian society into “before” and “after”. These radical changes also affected information security. Russia finds itself at the center of a rapidly expanding “cyberstorm” created by a number of factors – from the almost official “digital” aggression of unfriendly states to internal potential threats in the form of shortcomings of its own IT infrastructure.

It is no coincidence that the country's authorities assessed the level of threat as unprecedented, requiring immediate and most decisive response measures.

Thus, the main threats to information security in 2024 include the following:

1. DDoS attacks. Distributed denial of service attacks have become the most common threat to Russian information security. Since the beginning of 2022, their victims have been: the websites of the Central Election Commission of the Russian Federation, the President of the Russian Federation, Gosuslug, Rosselkhoznadzor, Rospotrebnadzor and dozens of regional media; services of Russian Railways, 1C, Sberbank; information resources of the St. Petersburg International Economic Forum and video hosting Rutube; networks of the Federal Air Transport Agency and the Miratorg agricultural holding; a number of Russian electronic document management systems (EDM); payment system

"Mir" and the National Payment Card System (NSCP). At the same time, DDoS attacks have become larger not only in scope, but also in strength and duration.

2. Discontinuation of software support. Large and medium-sized companies, as well as many government agencies, who felt completely safe under the protection of closed source software (proprietary software) from the world's leading vendors, were the first to feel the sad consequences of the changing IT landscape. After the introduction of sanctions, it became clear that the “reinforced concrete” guarantees of support for SLA licenses could literally evaporate in just a few months. Large foreign manufacturers, such as Microsoft and SAP, have repeatedly stated that they plan to stop supporting their information products for the corporate sector in Russia. Russia's "cyber sovereignty" will rely on similar products from domestic IT companies and the development of open-source solutions.

3. Malicious software. Malware is one of the oldest threats to information security that is still relevant today. According to the Dutch IT service Surfshark, in 2022–2023 Russia became the most hacked country in the world, many times ahead of its neighbors in anti-rating – France, Indonesia and the United States. Malicious programs can penetrate endpoints using social engineering (for example, phishing) – the user is tricked into opening an infected link or file, and can install themselves through vulnerabilities in browsers or operating systems. Once installed, such a program can “spy” on the owner of the device, send confidential data to an attacker, encrypt files, and even turn the machine into a “zombie” for a botnet network through which DDoS attacks are carried out. The latest trend in the field of malware has been the shift in the focus of attacks from Windows OS to popular Linux/Unix operating systems. According to the IT intelligence service AV-ATLAS, the number of modifications of malware for Linux has increased by 646% over the past year.

4. Data leaks. Researchers from Kaspersky Lab estimate that last year and the year before, more than 150,000 Russians experienced theft of credentials in various services. According to information from IT specialists from the company DLBI, which specializes in protecting corporate data, since the summer of 2022, there has been a massive purchase of databases with passwords from the accounts of government officials and employees of large Russian companies on the darknet. The intended goal of such actions is a massive distributed cyber attack on critical information infrastructure facilities (CII) of the country. The state itself is concerned with the issue of identifying and preventing such cybersecurity violations. Fulfilling presidential decree No. 250 of 05/01/2022 “On additional measures to ensure information security of the Russian Federation” [1], the Ministry of Digital Development undertook to create an open register by the end of the year with a list of “unacceptable” IT incidents that could undermine the work of CII.

Thus, based on all of the above, the following conclusions can be drawn.

Firstly, the process of development of the digital society is slow, but achievable. The main problem in its creation is what role will be assigned to a person in it: a biorobot or a creator.

Secondly, in recent years in Russia there has been a decrease in the level of training of specialists in the field of information technology, as well as

their mass emigration abroad. This situation threatens that in the coming years Russia will lose the necessary intellectual potential, without which the development and implementation of new information technologies in various spheres of state and public life, including the country's defense system, is impossible.

Bibliography

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 1, 2022 No. 250 "On additional measures to ensure information security of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

2. Bitterman O.E., Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal basis for ensuring national projects in the field of development of artificial intelligence in the Russian Federation: article // Theory of State and Law. 2023. No. 2 (31). P. 20–32.

3. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article //Theory of State and Law. 2019. No. 3. P. 20–36.

4. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Preventive function of law in the system of information risks: article // Theory of State and Law. 2021. No. 1 (21). P. 38–46.

5. Vasilenko L.A., Meshcheryakova N.N. Sociology of digital society. Tomsk: Tomsk Polytechnic University, 2021. 226 p.

6. Dragnev Yu.V. Spiritual and moral education of university students in the conditions of virtualization via neuronet // Aktuální Pedagogika. 2020. No. 1. P. 7–10.

7. Dyatlov S.A. Artificial intelligence as an institute for the development of a digital neural network economy // News of the St. Petersburg State Economic University. 2021. No. 2 (128). Pp. 25–29.

8. Appendix No. 4 // https://nti2035.ru/markets/docs/DK_neuronet.pdf?ysclid=lwntemaj8l809833562

9. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Mocow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p.

10. Schwab Klaus. The fourth industrial revolution. Moscow: Publishing house Eksmo, 2016. 285 p.

11. Jaspers K. The meaning and purpose of history: [Collection: trans. from German] / Karl Jaspers; [Intro. Art. P. P. Gaidenko, p. 5–26; Comment. V. N. Katasonova]. 2nd ed. Moscow: Republic, 1994. 527 p.

For citation: Talibov A.R. The problem of risks in information civilization: article // Legal Thought. 2024. No. 1 (133). P. 21–29**.**

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_11

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_30

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Т.В. Твердова*

Аннотация. В статье анализируются негативные последствия для общества, которые, наряду с положительными, имеют место быть в нем по мере его цифровизации. Автор считает, что ничем не ограниченное развитие процесса и внедрения результатов в общественные отношения может повлечь за собой, помимо положительных, и негативные последствия для людей. Отсюда появляются риски в информационной среде, «цифровая зрелость» выступает в качестве основного показателя развитости информационно-технологической трансформации государства.

Ключевые слова: права, общество, право, последствия, технология, цифровизация, цифровая зрелость, кибернетическая (информационная) цивилизация.

Тема цифровизации становится все более актуальной и ее применение прочно охватило самые разные сферы жизнедеятельности общества [11, 12, 19]. Что же следует понимать под «цифровизацией»? Вряд ли удастся найти официальное определение этого слова – ни в словарях русского языка, ни в нормативных актах его нет. Правда, встречаются определения, отражающие понимание существа термина исследователями данной тематики. Так, есть мнение, что цифровизация – это процесс создания кибернетической (цифровой) цивилизации, включающий переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую [13, 14, 16, 17, 20]; преобразование информации в цифровую форму; внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни и производства, трансформирующих существующий процесс с целью повышения его эффективности, а цифровая трансформация – это процесс внедрения цифровых технологий, сопровождаемый оптимизацией системы управления основными технологическими процессами [11], изменение форм самореализации личности в цифровой среде [13]. Как видим, в правовом поле предлагаемые понятия не фигурируют. Вместе с тем, сложившиеся и интенсивно развивающиеся общественные отношения не должны долго оставаться без правового оформления.

Особенность современного регулирования общественных отношений отличается стремительным введением новых правовых норм, не всегда со-

* **Твердова Татьяна Викторовна,** доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса АНОВО «Московский международный университет», кандидат юридических наук, доцент, руководитель правового комитета Российского Союза аудиторов. E-mail: tverdovatv@mail.ru

ответствующих характеру общественных отношений. Так, в гражданском законодательстве появились объекты гражданского права нового поколения – цифровые права, указанные в части 1 статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Однако, складывается впечатление, что дополнение перечня таким объектом было спонтанным, поскольку юридическое понятие не раскрыто. При отсутствии нормативно закрепленного понятия возникают сомнения в гражданско-правовой природе цифровых прав, поскольку цифровые технологии применяются в разнообразных сферах.

Так как цель цифровизации – это создание, внедрение и применение определенных технологий с минимумом воздействия человека, а в перспективе – без него, то должен существовать правовой механизм, который смог бы определить понятие и пределы цифровизации. Нельзя исключать, что ничем не ограниченное развитие процесса внедрения результатов цифровизации в общество может повлечь за собой, помимо положительных, и негативные последствия для людей. Замена человеческого интеллекта на искусственный интеллект порождает риск деградации, если не всех членов общества, то значительное число социальных групп. Предотвратить это может, главным образом, правовое регулирование, поскольку именно право обладает для этого необходимыми функциями: социально-юридической, регулятивной, охранительной.

Сегодня в социуме востребовано все больше информации, в том числе юридически значимой. Так, информация о сделках, совершенных с недвижимостью, ограничения по ее отчуждению, обязательства в отношении недвижимости хранятся в цифровом формате в Едином государственном реестре недвижимости согласно Федеральному закону от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [6]. Сведения о созданных, реорганизуемых, ликвидированных юридических лицах сформированы также в цифровом формате в Едином государственном реестре юридических лиц и индивидуальных предпринимателях [7]. Нотариальные действия, связанные с оформлением, изменением, отменой завещания и многие другие фиксируются в цифровой базе [8]. Судебные акты отражаются и хранятся в формате «электронное правосудие» [9].

Вообще нормативная позиция сейчас склоняется к увеличению объема информации, подлежащей электронно-цифровому хранению взамен бумажных носителей. Но каковы последствия для общества, если к цифровой информации не будет доступа, например, в связи с технократическими проблемами и катастрофами? Это всегда большой риск утраты информации и невозможность ее воспроизведения [15, 18]. Нельзя исключить то, что при утрате определенных ресурсов информации возникнут социальные и правовые проблемы, например, в связи с невозможностью реализовать права владения и пользования недвижимым имуществом, принять наследство, прибегнуть к защите нарушенных прав в связи с утратой правоустанавливающих электронно-цифровых документов. Следовательно, должны быть разработаны технологии, которые резервируют и дублируют информацию в каком-то ином формате, как резервный вариант. Сейчас таких правовых актов на уровне федерального закона нет, но потребность в них неизбежно возникнет.

В современном мире глобальная информационная сеть, называемая Интернетом, стала неотъемлемой частью жизнедеятельности общества. Интернет состоит из множества взаимосвязанных компьютерных сетей и обеспечивает удаленный доступ к компьютерам, электронной почте, базам данных и т.д. Пользование им порождает возникновение различных отраслевых правоотношений. Так, любой член общества имеет право не давать согласие на хранение его персональных данных. Если такое согласие есть, то субъекты, наделенные законом обязанностью хранить эти данные без права передачи третьим лицам, должны обеспечить невозможность несанкционированного доступа кем бы то ни было. По требованию обладателя личных персональных данных информация о нем должна быть удалена. Это закреплено ч. 1 статьи 24 Конституции Российской Федерации, по смыслу которой для каждого гражданина существует свободное волеизъявление о применении в его интересах соответствующей цифровой технологии [1, 21]. При этом нельзя не отметить практическую сложность применения юридической защиты прав граждан и их законных интересов при нарушении владельца (собственника) базы данных законной обязанности обеспечить надежность сохранения информации от противоправных посягательств.

Частью 1 статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрируемом произведении или средствах массовой информации [5]. Однако для привлечения к уголовной ответственность нужно установить виновного. Чаще всего, просто невозможно выявить источник, неправомерно завладевший персональными данными, а затем передавший их третьему лицу, как правило, в корыстных целях. Это весьма затруднительно определить, прежде всего, потому что виновники «прикрыты» соответствующей цифровой технологией.

Решение проблемы эффективной защиты граждан от незаконного получения и распространения персональных данных имеет глубокое социальное значение, поскольку нарушаются конституционные гарантии [1, 21]. Известно из практики, что неправомерное завладение чужими персональными данными дает возможность недобросовестным лицам получать кредиты в финансовых организациях, указывая в качестве заемщика то лицо, чьи персональные данные, в том числе паспортные, получены неправомерно. Часть 1 статьи 159.1 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений [5]. Согласно статистике в 2022 году по этому составу преступления осуждено 1019 чел. [10].

Приведенные примеры касаются, главным образом, жизни людей, в которой задействовано уже немало цифровых технологий. Возникает вопрос, насколько это полезно обществу, если каждый его член подвергается гораздо большим рискам быть обманутыми, чем в прежний период «бумажных

носителей»? Для минимизации таких рисков необходимо усовершенствовать защиту персональных данных и законодательно предусмотреть запрет на применение хранения информации в цифровом ресурсе без защитной технологии и без резервирования цифровой информации на определенных носителях.

Значительная активизация цифровых технологий, помимо прочих, порождает проблему безнаказанности размещения в Интернет-пространстве информации оскорбительного и клеветнического характера. Сегодня уже появились некоторые цифровые способы найти автора, однако только в виде рекомендаций от тех пострадавших, которым в этом повезло. Эффективной технологии и нормативных правовых актов для решения указанной проблемы не существует. Даже если определить регистратора сайта, на котором размещена негативная информация, то регистратор не раскроет персональные данные «обидчика», а если и раскроет, то только в рамках уголовного дела, для возбуждения которого, как правило, одного заявления потерпевшего недостаточно, а иные доказательства собрать трудно а, нередко, невозможно.

Да, законодательством предусмотрены определенные виды ответственности за подобные деяния. За оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрируемом произведении или средствах массовой информации (ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ), установлена ответственность в виде административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до пятисот тысяч рублей [3].

Частью 2 ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за клевету, содержащуюся в публичном выступлении, в том числе, в средствах массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение, сеть Интернет и т.п.) [5]. Однако при существующих трудностях формирования доказательственной базы не приходится ждать широкого распространения применения указанных административных и уголовно-правовых норм.

Есть еще социально-правовая проблема для граждан. Активно развивающаяся цифровизация общества неизбежно влечет за собой снижение трудовой занятости населения. Работодатели определенных сфер экономики понимают большую эффективность применения не людских рук и умов, а автоматов и роботов, что побуждает их проводить сокращение кадров, а это – рост безработицы и, как следствие, недовольство в социуме. Трудовое законодательство предоставляет право работодателю избавиться от работников без особых затруднений.

Согласно п. 2 статьи 81 Трудового кодекса РФ работодатель вправе сократить штаты работников, а п. 3 статьи 81 предусматривает такое основание для увольнения работника по инициативе администрации, как несоответствие работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации [4]. Ведь применяемые автоматы и роботы должны управляться подготовленными специалистами, прошедшими соответствующее обучение, что доступно далеко не всем. Если сотрудник не предоставил руково-

дителю правоустаналивающий документ о наличии у него необходимой квалификации работы с цифровым оборудованием, то избавиться от него нетрудно.

Указанное выше лишь отчасти затрагивает социально-правовые проблемы, возникающие в процессе применения цифровых технологий. Бесспорно, что цифровизация – это неизбежное явление, как одна из составляющих общего прогресса цивилизации, которая будет продолжать развиваться и совершенствоваться. Но этот процесс должен сопровождаться эффективным правовым регулированием, своевременным принятием таких законов и подзаконных актов, которых обяжут разработчиков технологий одновременно создавать и внедрять способы цифровой защиты общества от негативного влияния на жизнь людей в самых разных сферах жизнедеятельности.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // www.consultant.ru

3. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // www.consultant.ru

4. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // www.consultant.ru

5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // www.consultant.ru

6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // www.consultant.ru

7. Постановление Правительства РФ от 19 июня 2002 г. N 438 «О Едином государственном реестре юридических лиц» // www.consultant.ru.

8. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления Федеральной нотариальной палатой от 25.03.2019, протокол № 03/19) // www.consultant.ru

9. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 декабря 2023 г. № 265 «О внесении изменений в Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251» // www.consultant.ru.

10. Статистика по ст. 159.1 ч.1: возможен ли условный срок или прекращение дела по ст. 159.1 ч.1 УК РФ? // Uslovku.ru/statya-159-1-ch–1-uk-rf.

11. *Алехина Дарья.* Проблемы цифровизации общества в современном мире» // dzen.ru/a/ZM1C83CfNUgoLRd4

12. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовое обеспечение действия «цифровой зрелости» в качестве основного показателя развитости информационно-технологической трансформации государства: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 77–86.

13. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Формы самореализации личности в информационно-цифровой среде: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 1 (26). – С. 31–46.

14. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

15. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Превентивная функция права в системе информационных рисков: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 1 (21). – С. 38–46.

16. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.

17. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Кибернетическая (информационная) цивилизация: постановка проблемы: статья // В сб.: Всероссийской научно-практич. конференции «Проблема муниципалитетов в разрезе правового обществоведения» (г. Уфа, 14 ноября 2019 г.) // Отв. ред. Ф. М. Раянов. – Уфа, 2019. – С. 43–50.

18. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.

19. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. 2019. № 4. С. 25–37.

20. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27.

21. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2024. – 333 с.

Для цитирования: *Твердова Т.В.* Цифровизация общества и социально-правовые проблемы: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 30–35.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_30

DIGITIZATION OF SOCIETY AND SOCIAL AND LEGAL PROBLEMS

Tatyana V. Tverdova*

Annotation. The article analyzes the negative consequences for society, which, along with the positive ones, take place in it as it becomes digitalized. The author believes that the unrestricted development of the process and the implementation of results in public relations can entail, in addition to positive, negative consequences for people. This is where risks appear in the information environment; “digital maturity” acts as the main indicator of the development of information and technological transformation of the state.

Key words: rights, society, law, consequences, technology, digitalization, digital maturity, cybernetic (information) civilization.

* **Tverdova Tatyana Viktorovna,** Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure of the Moscow International University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Legal Committee of the Russian Union of Auditors. E-mail: tverdovatv@mail.ru

The topic of digitalization is becoming increasingly relevant and its application has firmly covered a variety of spheres of society [11, 12, 19]. What should be understood by “digitalization”? It is unlikely that it will be possible to find an official definition of this word – it is not found either in Russian language dictionaries or in regulations. True, there are definitions that reflect the understanding of the essence of the term by researchers of this topic. Thus, there is an opinion that digitalization is the process of creating a cybernetic (digital) civilization, including the transition from an analogue form of information transmission to a digital one [13, 14, 16, 17, 20]; converting information into digital form; the introduction of digital technologies into various spheres of life and production, transforming the existing process in order to increase its efficiency, and digital transformation is the process of introducing digital technologies, accompanied by optimization of the control system for basic technological processes [11], changing the forms of personal self-realization in the digital environment [13]. As we see, the proposed concepts do not appear in the legal field. At the same time, established and intensively developing social relations should not remain for long without legal registration.

The peculiarity of modern regulation of social relations is characterized by the rapid introduction of new legal norms, which do not always correspond to the nature of social relations. Thus, objects of civil law of a new generation have appeared in civil legislation – digital rights specified in Part 1 of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation [2]. However, it seems that the addition of such an object to the list was spontaneous, since the legal concept was not disclosed. In the absence of a normatively established concept, doubts arise about the civil legal nature of digital rights, since digital technologies are used in a variety of areas.

Since the goal of digitalization is the creation, implementation and use of certain technologies with a minimum of human impact, and in the future without it, there must be a legal mechanism that could define the concept and limits of digitalization. It cannot be ruled out that the unrestricted development of the process of introducing the results of digitalization into society may entail, in addition to positive, negative consequences for people. Replacing human intelligence with artificial intelligence creates the risk of degradation, if not of all members of society, then of a significant number of social groups. This can be prevented mainly by legal regulation, since it is the law that has the necessary functions for this: socio-legal, regulatory, protective.

Today, society demands more and more information, including legally significant information. Thus, information about transactions made with real estate, restrictions on its alienation, obligations in relation to real estate are stored in digital format in the Unified State Register of Real Estate in accordance with the Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ “On State Registration of Real Estate "[6]. Information about created, reorganized, liquidated legal entities is also generated in digital format in the Unified State Register of Legal Entities and Individual Entrepreneurs [7]. Notarial actions related to registration, modification, cancellation of a will and many others are recorded in a digital database [8]. Judicial acts are reflected and stored in the “electronic justice” format [9].

In general, the regulatory position is now inclined towards increasing the volume of information subject to electronic digital storage instead of paper media. But what are the consequences for society if digital information is not accessible, for example due to technocratic problems and disasters? This is always a high risk of losing information and the impossibility of reproducing it [15, 18]. It cannot be ruled out that with the loss of certain information resources, social and legal problems will arise, for example, due to the inability to exercise the rights of ownership and use of real estate, accept an inheritance, resort to the protection of violated rights in connection with the loss of title-bearing electronic digital documents. Consequently, technologies must be developed that reserve and duplicate information in some other format, as a backup option. Currently there are no such legal acts at the level of federal law, but the need for them will inevitably arise.

In the modern world, the global information network, called the Internet, has become an integral part of the life of society. The Internet consists of many interconnected computer networks and provides remote access to computers, email, databases, etc. Its use gives rise to the emergence of various branch-left legal relations. Thus, any member of society has the right not to consent to the storage of his personal data. If there is such consent, then the entities charged by law with the obligation to store this data without the right to transfer it to third parties must ensure that unauthorized access by anyone is impossible. At the request of the owner of personal data, information about him must be deleted. This is enshrined in Part 1 of Article 24 of the Constitution of the Russian Federation, in the sense of which every citizen has a free expression of will to use the appropriate digital technology in his interests [1, 21]. At the same time, one cannot fail to note the practical difficulty of applying legal protection of the rights of citizens and their legitimate interests in case of violation of the owner (proprietor) of the database of the legal obligation to ensure the reliability of storing information from unlawful attacks.

Part 1 of Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes liability for the illegal collection or dissemination of information about the private life of a person, constituting his personal or family secret, without his consent, or the dissemination of this information in a public speech, publicly displayed work or mass media [5]. However, in order to bring to criminal responsibility, it is necessary to establish the culprit. Most often, it is simply impossible to identify the source who unlawfully took possession of personal data and then transferred it to a third party, usually for personal gain. This is very difficult to determine, first of all, because the culprits are “covered” by the corresponding digital technology.

Solving the problem of effectively protecting citizens from the illegal receipt and dissemination of personal data has deep social significance, since constitutional guarantees are violated [1, 21]. It is known from practice that the unlawful acquisition of someone else’s personal data makes it possible for unscrupulous persons to obtain loans from financial institutions, indicating as a borrower the person whose personal data, including passport data, was obtained illegally. Part 1 of Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for criminal liability for fraud in the field of lending, that is,

the theft of funds by a borrower by submitting knowingly false and (or) unreliable information to a bank or other lender [5]. According to statistics, in 2022, 1019 people were convicted of this crime [10].

The examples given relate mainly to people's lives, which already involve a lot of digital technologies. The question arises, how useful is this to society if each of its members is exposed to much greater risks of being deceived than in the previous period of "paper media"? To minimize such risks, it is necessary to improve the protection of personal data and legislatively prohibit the use of storing information in a digital resource without protective technology and without backing up digital information on certain media.

The significant intensification of digital technologies, among others, gives rise to the problem of impunity for posting offensive and defamatory information on the Internet. Today, some digital ways to find the author have already appeared, but only in the form of recommendations from those victims who are lucky in this. There is no effective technology and regulations to solve this problem. Even if you determine the registrar of the site on which negative information is posted, the registrar will not disclose the personal data of the "offender", and if it does, it will only be within the framework of a criminal case, for the initiation of which, as a rule, one statement from the victim is not enough, and other It is difficult and often impossible to collect evidence.

Yes, the law provides for certain types of liability for such acts. For insult contained in a public speech, publicly displayed work or mass media (Part 2 of Article 5.61 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), liability is established in the form of an administrative fine for citizens in the amount of three thousand to five thousand rubles; for officials – from thirty thousand to fifty thousand rubles; for legal entities – from one hundred thousand to five hundred thousand rubles [3].

Part 2 of Art. 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for liability for libel contained in public speech, including in the media (newspapers, magazines, radio, television, Internet, etc.) [5]. However, given the existing difficulties in forming an evidence base, one cannot expect widespread application of these administrative and criminal law norms.

There is also a social and legal problem for citizens. The actively developing digitalization of society inevitably entails a decrease in employment of the population. Employers in certain areas of the economy understand the greater efficiency of using not human hands and minds, but machines and robots, which prompts them to reduce personnel, and this means an increase in unemployment and, as a result, discontent in society. Labor legislation gives the employer the right to get rid of employees without much difficulty.

According to clause 2 of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation, the employer has the right to reduce the number of employees, and clause 3 of Article 81 provides such grounds for dismissing an employee at the initiative of the administration as the employee's incompatibility with the position held or the work performed due to insufficient qualifications, confirmed by certification results [4]. After all, the machines and robots used must be controlled by trained specialists who have undergone appropriate training, which is not available to everyone. If an employee has not provided the manager with

a legal document indicating that he has the necessary qualifications to work with digital equipment, then it is not difficult to get rid of him.

The above only partially addresses the social and legal problems that arise in the process of using digital technologies. There is no doubt that digitalization is an inevitable phenomenon, as one of the components of the overall progress of civilization, which will continue to develop and improve. But this process must be accompanied by effective legal regulation, the timely adoption of such laws and regulations, which will oblige technology developers to simultaneously create and implement ways to digitally protect society from negative impacts on people's lives in a variety of spheres of life.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru

2. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // www.consultant.ru

3. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on April 22, 2024) // www.consultant.ru

4. "Labor Code of the Russian Federation" dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on April 6, 2024) // www.consultant.ru

5. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 6, 2024) // www.consultant.ru

6. Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // www.consultant.ru

7. Decree of the Government of the Russian Federation of June 19, 2002 N 438 "On the Unified State Register of Legal Entities" // www.consultant.ru.

8. Methodological recommendations for registration of inheritance rights (approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber dated March 25, 2019, protocol No. 03/19) // www.consultant.ru

9. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated December 11, 2023 No. 265 "On amendments to the Procedure for filing documents in federal courts of general jurisdiction in electronic form, including in the form of an electronic document, approved by order of the Judicial Department at the Supreme Court Court of the Russian Federation dated December 27, 2016 No. 251" // www.consultant.ru.

10. Statistics according to Art. 159.1 part 1: is a suspended sentence or termination of the case possible under Art. 159.1 part 1 of the Criminal Code of the Russian Federation? // Uslovku.ru/statya-159-1-ch–1-uk-rf.

11. Alekhina Daria. Problems of digitalization of society in the modern world" // dzen.ru/a/ZM1C83CfNUgoLRd4

12. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal support for the action of "digital maturity" as the main indicator of the development of information and technological transformation of the state: article // Theory of State and Law. 2023. No. 4 (33). Pp. 77–86.

13. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Forms of personal self-realization in the information and digital environment: article // Theory of State and Law. 2022. No. 1 (26). Pp. 31–46.

14. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p.

15. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Preventive function of law in the system of information risks: article // Theory of State and Law. 2021. No. 1 (21). Pp. 38–46.
16. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal status of cyber-physical systems: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2020. No. 1. P. 22–35.
17. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Cybernetic (information) civilization: statement of the problem: article // In: All-Russian scientific-practical. conference “The problem of municipalities in the context of legal social science” (Ufa, November 14, 2019) // Rep. ed. F. M. Rayanov. Ufa, 2019. Pp. 43–50.
18. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article // Theory of state and law. 2019. No. 3. P. 20–36.
19. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. pp. 25–37.
20. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the context of the functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. P. 17–27.
21. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2024. 333 p.

For citation: Tverdova T.V. Digitalization of society and social and legal problems: article // Legal Thought. 2024. No. 1 (133). P. 35–40.
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_30

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_41

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

А.К. Тимошкин*

Аннотация. В статье рассматривается исторический контекст и развитие принципа разделения властей, начиная с древности и заканчивая современностью. В работе анализируются взгляды Ликурга, Макиавелли, Локка и Монтескье на этот принцип, выявляется его эволюция и влияние на политические системы различных стран. Автор приходит к выводу о необходимости уточнения конституционной формулировки данного принципа в контексте современной политической практики, предлагая уточнить термин "разделение властей", используя понятия "взаимодополнение», «взаимодействие», «взаимоограничение» органов государственной власти для более точного отражения сути этой концепции.

Ключевые слова: принцип разделения властей, исторический контекст, Ликург, Макиавелли, Локк, Монтескье, конституция, контроль власти, права и свободы граждан, совершенствование формулировок, взаимодополнение, взаимодействие, взаимоограничение.

«Разделение властей, принцип организации и осуществления государственной власти, согласно которому государственная власть осуществляется законодательными (представительными), исполнительными и судебными органами независимо друг от друга и при наличии механизмов, уравновешивающих объём их полномочий.» [8]. Такое определение нам предлагают авторы редакции публичного права Большой Российской энциклопедии [6]. Как представляется, такой подход отражает сущность принципа разделения властей в полной мере.

Данный принцип в Российской Федерации закреплен в статье 10 Конституции Российской Федерации: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [1, 2].

Во-первых, важный элемент разделения властей – наличие самостоятельными органами или же, вернее сказать, ветвями власти. Традиционно выделяют законодательную (и как грамотно замечено в определении иногда её называют представительной), исполнительную, судебную ветви власти. Во-вторых, наличие системы сдержек и противовесов этих ветвей. Подробнее разберём откуда взялась необходимость и как построилась такая концепция.

* **Тимошкин Александр Константинович**, магистр права. E-mail: timoshkin 2000@mail.ru

Точку отсчёта реализации принципа разделения властей можно определить по-разному. Можно сказать, что основа заложена Ликургом в Спарте ещё в 8 веке до н.э. [3]. Из «Государя» Н. Макиавелли следует, что власть там была разделена между царём, аристократией и народным собранием, но назвать это принципом разделения властей можно разве лишь в буквальном смысле, ведь, в сущности, они не делили властные функции, а осуществляли властные функции совместно. Это объяснимо ведь Спартанский полис, хоть и был большим для своего времени, но не так велик, как, например, Франция конца XVIII века, о которой речь пойдёт в дальнейшем. К тому же, археологи и историки до сих пор не уверены в достоверности той информации, что мы уже знаем о Ликурге [7].

Другой точкой отсчёта можно считать Древний Рим. В своём политическом устройстве, в республиканский период, власть была поделена между Сенатом, консулами и комициями (народным собранием), отдельные организации в своей сущности не могли полностью узурпировать функции друг друга, хотя всё же полноценным разделением властей это назвать сложно, так как прямого и чёткого деления функций такое деление не носило, а было следствием скорее политической конкуренции и сложившейся обстановки, впрочем республиканский период всё же сменился императорским.

Хоть опыт прошлого, а особенно римский, влиял на мыслителей Нового времени, но он скорее стал толчком к новой мысли, к которой подтолкнула современная философам обстановка. Первым основоположником идеи разделения властей по праву можно считать Дж. Локка. На время его творчества выпало непростой для Англии период – Славная революция. Внутренние противоречия на Британских островах, конфликт между буржуазией и аристократией, религиозные конфликты – всё это стало проблемами, которые необходимо было решать, используя новые концепции. Одной из таких идей стал принцип разделения властей, ведь абсолютная власть монарха не устраивала многих, но полный отказ от монархического строя не мог состояться и был ещё не выгоден. Свои идеи в вопросе разделения властей англичанин высказал в «Двух трактатах о правлении» [11], на них мы и будем опираться.

Дж. Локк предложил сам термин, который мы знаем по сей день. Его идея была в том, чтобы разделить три основные функции – законодательную, исполнительную и федеративную. Законодательная, в его понимании, власть предназначалась в объективизировании в законах человеческих законов природы, эту функцию реализовали в парламенте Англии (конечно, ещё до Дж. Локка британский парламент олицетворял эту идею). Законы нужно реализовывать, а значит нужна исполнительная власть. Также он выделял федеративную ветвь власти, которая решала бы вопросы международного характера (войны и мира, союзов и контактов с другими государствами).

Судебные функции он относил к части исполнительной, что изменит в последующим Ш-Л. Монтескьё. Сдержки и противовесы в его концепции также существовали, хотя исходя из изъявления воли народа представительный (законодательный) орган всё же был высшим в такой иерархии, хоть и ограничивался исполнительной ветвью.

Впрочем, сегодня мы скорее далеки от концепции Дж. Локка. Француз Шарль Луи Монтескьё дорабатывает его концепцию. «В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть, ведающая вопросами права гражданского. В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц.» [4].

Как можно увидеть Ш-Л. Монтескьё делит власть на законодательную, исполнительную и судебную. В его концепции судебная власть получает самостоятельное воплощение, и система сдержек и противовесов начинает работать почти привычным для нас образом. Он прямо пишет, что нельзя совмещать исполнительную власть с законодательной, самостоятельность судебной власти, и недопустимость их в одном лице. Система сдержек и противовесов как раз направлена на недопущение тирании. По его мнению законодательная власть сдерживает власть исполнительную тем, что сама выпускает для неё законы, исполнительная же (а с его точки зрения исполнительная власть это монарх), обладая правом отмены актов законодательной власти, сдерживает её, судебная в свою очередь ограничивается законами и отчасти монархом, но также ограничивает их сама. У Ш-Л. Монтескьё система выглядит скорее, как набор идей нежели инструкций к применению.

Мы можем говорить о том, что какая-то мысль становится частью права (юриспруденции в целом) только тогда, когда она находит своё юридическое выражение, в частности это может быть нормативное закрепление или применение такой мысли судами или иначе другими органами в правоприменении. Идеи француза нашли своё место в построении Американского государства. Отцы – основатели США взяли за основу идеи Ш-Л. Монтескьё и воплотили их в Конституции 1787 года. Однако кроме системы сдержек и противовесов, самого разделения властей была добавлена часть логики в построении федеративного государства. То есть, если Ш-Л. Монтескьё и Дж. Локк описывали государство унитарное, то сама идея США подразумевала федерацию, а для этого необходимо было включение в общую систему общей координации. Ведь во всех вышеописанных концепциях неотъемлемой задачей и целью являлась не только не допущение тирании, но и достижение скоординированности государственных органов, их совместной эффективной деятельности.

Так в системе Штатов необходимо было построить разделение властей с учётом, как и власти Штатов, так и федерального центра, это нашло отражение в иерархической системе и частично дублирующей общефедеральной системе в каждом Штате. Например, система судов существует внутри каждого Штата и специфичное, своё законодательство, которое, однако, не противоречит высшей власти Конституции и определяя иерархически высшее место Верховного Суда. В частности, дело «Марбери против Мэдисона» 1809 года закрепило за Верховным Судом положение орга-

на, оценивающего конституционность нормативных актов, что определило его господствующее в судебной власти положение.

Развитие идеи разделения властей не остановилось в XVIII–XIX веках. Часто можно увидеть, что выделяют СМИ как четвертую, неофициальную ветвь власти, которая влияет на государственные органы и осуществляя свою специфичную власть, таких теорий много, но своё практическое юридическое применение нашли далеко не все и большинство стран мира придерживаются классической модели, предложенной Ш-Л. Монтескьё. Так, например, его идеи дополнял и конкретизировал Ж.-Ж. Руссо.

Интересны мысли китайского революционера начала XX века Сунь Ятсена. Его деление добавляет к классической триаде экзаменационную и контрольную ветви власти [10]. Экзаменационная ветвь власти должна отвечать проверке компетенции государственных служащих, а контрольная следить за исполнением их действий законности и требованиям избирателей. Логика китайского революционера понятна, ведь построить либерально-демократическое общество в Китае, со своими традициями, в том числе и политическими, особыми порядками и устоями, просто скопировать западную модель, вряд ли получится, правильнее сказать, что такое заимствование не будет эффективным. Такое предложенное деление представляется интересным, однако, в рамках существующих российских институтов, контрольная ветвь, по сути, повторяет функции деятельности прокуратуры в части контролирующего, надзирающего органа. А экзаменацию могут проводить и иные ветви.

Конечно, идея Сунь Ятсена была именно в независимости и беспристрастности таких органов, но логика и практика применения подсказывает нам, что система сдержек в триаде так или иначе обеспечивает такие идеи внутри исполнительной ветви власти (за исключением прокуратуры, которую нельзя поставить в ряд исполнительных или судебных органов). Но запрос на недостаток триады, в части исполнения, нельзя не отметить.

Интересно и немаловажно посмотреть не только на сегодняшнее доктринальное определение разделения властей, но и взглянуть в прошлое. К тому же нас интересует не только зарубежное понимание, но и отечественное понимание. Для начала обратимся к энциклопедическому словарю Брокгзауза и Ефрона [12, с. 145]. Автор статьи – В. М. Гессен, определяет разделение властей через две сноски. Первая – правительство и вторая – соединение властей. Соединение властей в словаре не представлено отдельно, однако причина становится понятна из данного определения правительства.

Правительство как орган государственной власти в словаре определяется с различных позиций [13, с. 864].

1) «В абсолютных западно-европейских монархиях старого режима все без исключения функции государственной власти как бы они не были разнообразны по своему содержанию, имели одну и ту же юридическую природу все они являлись выражением неограниченной воли монарха...», автор делает акцент на том, что абсолютная монархия не знала разграничения властей на судебную, исполнительную и законодательную и правительство в руках монарха соединяла все функции за которыми понимаются ветви власти на тот момент.

2) Приводится идея XVIII века о самом разделении властей и правового государства, называя их основаниями политической философии того времени и подробно характеризуется разделение властей, называя её формой, по Ш-Л. Монтекскьё и Ж-Ж. Руссо.

3) Особое внимание уделяется правовому государству, раскрывается его содержание, причем правовое государство – также как и для нас теория равенства всех субъектов перед законом, мало чем отличается от нашего понимания этой концепции немецкой правовой школы XVIII–XIX вв.

4) В итоге В.М. Гессен определяет правительство как *«государственную власть, осуществляющую интересы государства в пределах, отмеженных ей правом».* Он связывает правительство и разделение властей с правовым государством, где последнее – ключевая категория. Из такого определения делается ряд выводов.

Во-первых, государство – субъект права, а не субъект власти, так как подчиняется закону в лице правительственной власти;

во-вторых, гражданин по такой же логике по отношению к государству субъект права;

в-третьих, публичное право – право, так как регулирует правоотношения между гражданином и государством;

в-четвертых, следовательно публичное право требует судебной защиты.

Предложенная статья в энциклопедическом словаре даёт нам понять несколько вещей. Уже на момент 1900 года, а стоит заметить революция 1905 года ещё не случилась, автор выражает хоть и не явную, но симпатию через выделение логики: главенства закона (а точнее права), правового равенства как государства, так и государства в установленных рамках и понимание разделения властей и правового государства не просто во взаимосвязанном состоянии, а как структуре, где правовое государство носит реализующий характер, а разделение властей носит функцию формы. Представленная концепция, хоть и вошла в словарь под авторством одного юриста, но отражает особое понимание дореволюционными российскими авторами европейских институтов, а также возможность изменения института разделения властей в зависимости от государства.

Также важно отметить, что не только правовое государство выступает важной частью функционирования разделения властей, но и форма правления выступает проявлением и механизмом разделения властей. Президентско-парламентская республика к примеру существующая во Франции ищет баланс между исполнительной и законодательной властью, в то время как не всегда стоит понимать президента как фигуру исключительно исполнительной власти, часто президент реализует мета функцию, стремящуюся уравновесить остальные ветви власти и не относящийся к какой-либо ветви прямо (например в США и России).

Парламентская республика делает акцент на власть законодательную. При этом заметим, что в абсолютных монархиях, как и говорил Ш-Л. Монтескьё, о разделении властей не может быть и речи, в конституционных монархиях, монарх выступает либо как фигура традиции, либо выполняя функции одной из ветвей власти.

Концепции разделения властей по сути своей базируется на одних принципах, основанных на идеях Ш-Л. Монтескьё, выявляя разные акценты и способы реализации, но суть одна – разделение функций государственной власти для эффективного общего управления и недопущения любой из ветвей злоупотреблений.

Исследовав историю становления и развития данного принципа, стоит отметить, что по своей природе государственная власть едина [5]. Следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что принцип разделения властей не отрицает единства власти. Он отрицает единовластие [9, с. 18].

Названные элементы содержания теории разделения властей, по нашему мнению, должны получить нормативно-правовую регламентацию. Это связано с тем, что содержательная характеристика концепции разделения властей значительно шире юридической формулы этого принципа, установленного статьей 10 Конституции Российской Федерации [1, 2]. Поэтому данную статью следует привести в соответствие с современным содержанием концепции на уровне федерального закона, поскольку отсутствие полной и ясной конституционной регламентации порождает отсутствие единообразного ее понимания и, как следствие, влечет серьезные противоречия и конфликты. Предлагая конкретизировать в федеральном законе текст статьи 10 Конституции РФ указанием на взаимодополнение, взаимодействие и взаимоограничение органов государственной власти, установленное на принципе сдержек и противовесов, мы допускаем возражения, основной аргумент которых, возможно, будет сводиться к тому, что принцип разделения властей реализуется и конкретизируется в других конституционных нормах. Мы, однако, исходим из того, что исследуемая статья является базовой и основополагающей для понимания и реализации этого принципа.

Полагаем, что содержанию этой теории не вполне соответствует ее традиционному названию – разделение властей. Более точно ее суть выражается в формуле взаимодополнения, взаимодействия и взаимоограничения органов государственной власти.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

3. *Макиавелли Н.* Государь. – М.: Рипол Классик, 1910. – 464 с.

4. *Монтескье Шарль Луи.* Избранные произведения. О духе законов. Книга XI. Глава VI/ Общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина. – М.: Гослитиздат, 1955. – 800 с.

5. *Нарутто С.В.* Теоретико-правовые проблемы конституционного принципа единства системы государственной власти в Российской Федерации // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 27–33.

6. Научно-аналитический журнал по проблемам публичного права «Публичное право» http://publicpravo.ru/composition-editorial-journal-public/

7. *Печатнова Л.* История Спарты, период архаики и классики. – СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2001. – 510 с.

8. Разделение властей // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал // URL: https://bigenc.ru/c/razdelenie-vlastei-db04cc/?v=42118 65.

9. *Селезнев Г.Н.* Вся власть – закону! (Законодательство и традиции указного права в России) / Под ред. Н.А. Васецкого. – М., 1997. – 142 с.

10. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Главная редакция восточной литературы, издательство «Наука», 1985. – С. 641–656.

11. Электронная библиотека «Гражданское общество в России». Дж. Локк «Два трактата о правлении» // URL: https://clck.ru/MKsgf

12. «Энциклопедический словарь» под издательством Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – Т. XXVI. – «Рабочая книжка – Резолюция». – С.145. – Санкт-Петербург, 1899.

13. Энциклопедический словарь» под издательством Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. – Т. XXIV А. «Полярные сияния – Прая». – С. 864. – Санкт-Петербург, 1900.

Для цитирования: *Тимошкин А.К.* Понятие и содержание принципа разделения властей: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 41–47.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_41

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE PRINCIPLE OF SEPARATION OF POWERS

Alexander K. Timoshkin*

Annotation. The article examines the historical context and development of the principle of separation of powers, from ancient times to modern times. The work analyzes the views of Lycurgus, Machiavelli, Locke and Montesquieu on this principle, identifying its evolution and influence on the political systems of various countries. The author comes to the conclusion that it is necessary to clarify the constitutional formulation of this principle in the context of modern political practice, proposing to clarify the term “separation of powers”, using the concepts of “complementarity”, “interaction”, “mutual limitation” of public authorities to more accurately reflect the essence of this concept.

Key words: principle of separation of powers, historical context, Lycurgus, Machiavelli, Locke, Montesquieu, constitution, control of power, rights and freedoms of citizens, improvement of formulations, complementarity, interaction, mutual restriction.

“Separation of powers, the principle of organizing and exercising state power, according to which state power is exercised by legislative (representative), executive and judicial bodies independently of each other and in the presence of mechanisms that balance the scope of their powers.” [8]. This definition is offered to us by the authors of the public law edition of the Great Russian Encyclopedia [6]. It seems that this approach fully reflects the essence of the principle of separation of powers.

* **Timoshkin Alexander Konstantinovich,** master of law. E-mail: timoshkin 2000@mail.ru

This principle in the Russian Federation is enshrined in Article 10 of the Constitution of the Russian Federation: “State power in the Russian Federation is exercised on the basis of division into legislative, executive and judicial. The legislative, executive and judicial authorities are independent” [1, 2].

Firstly, an important element of the separation of powers is the presence of independent bodies or, more accurately, branches of government. Traditionally, there are legislative (and as correctly noted in the definition, it is sometimes called representative), executive, and judicial branches of government. Secondly, the presence of a system of checks and balances on these branches. Let’s take a closer look at where the need came from and how such a concept was built.

The starting point for the implementation of the principle of separation of powers can be defined in different ways. We can say that the foundation was laid by Lycurgus in Sparta back in the 8th century BC [3]. From “The Prince” by N. Machiavelli it follows that power there was divided between the king, the aristocracy and the people’s assembly, but this can only be called the principle of separation of powers in the literal sense, because, in essence, they did not share power functions, but exercised power functions together. This is understandable because the Spartan polis, although it was large for its time, was not as large as, for example, France at the end of the 18th century, which will be discussed later. In addition, archaeologists and historians are still not sure of the reliability of the information that we already know about Lycurgus [7].

Another starting point can be considered Ancient Rome. In its political structure, during the republican period, power was divided between the Senate, consuls and comitia (people's assembly); individual organizations in their essence could not completely usurp the functions of each other, although it is still difficult to call this a full-fledged separation of powers, since direct and Such a division did not have a clear division of functions, but was rather a consequence of political competition and the current situation, however, the republican period was nevertheless replaced by the imperial one.

Although the experience of the past, and especially the Roman one, influenced the thinkers of the New Age, it rather became the impetus for a new thought, which was prompted by the contemporary situation for philosophers. J. Locke can rightfully be considered the first founder of the idea of separation of powers. During his creative work there was a difficult period for England – the Glorious Revolution. Internal contradictions in the British Isles, the conflict between the bourgeoisie and the aristocracy, religious conflicts – all these became problems that needed to be solved using new concepts. One of these ideas was the principle of separation of powers, because the absolute power of the monarch did not suit many, but a complete rejection of the monarchical system could not take place and was not yet beneficial. The Englishman expressed his ideas on the issue of separation of powers in “Two Treatises on Government” [11], and we will rely on them.

J. Locke proposed the term itself, which we know to this day. His idea was to separate three main functions – legislative, executive and federal. Legislative power, in his understanding, was intended to objectify human laws of nature in laws; this function was implemented in the Parliament of England (of

course, even before J. Locke, the British Parliament personified this idea). Laws need to be implemented, which means executive power is needed. He also identified a federal branch of government that would resolve issues of an international nature (war and peace, alliances and contacts with other states).

He attributed judicial functions to the executive part, which he would change in subsequent Sh-L. Montesquieu. Checks and balances in his concept also existed, although based on the expression of the will of the people, the representative (legislative) body was still the highest in such a hierarchy, although it was limited to the executive branch.

However, today we are rather far from the concept of J. Locke. The Frenchman Charles Louis Montesquieu refines his concept. “In every state there are three types of power: legislative power, executive power in charge of issues of international law, and power in charge of issues of civil law. By virtue of the first power, a prince or institution makes laws, temporary or permanent, and amends or repeals existing laws. By virtue of the second power, he declares war or makes peace, sends or receives ambassadors, ensures security, prevents invasions. By virtue of the third power, he punishes crimes and resolves conflicts between private individuals.” [4].

How can you see Sh-L. Montesquieu divides power into legislative, executive and judicial. In his concept, the judicial power receives independent embodiment, and the system of checks and balances begins to work in an almost familiar way for us. He directly writes that it is impossible to combine the executive power with the legislative power, the independence of the judicial power, and the inadmissibility of them in one person. The system of checks and balances is precisely aimed at preventing tyranny. In his opinion, the legislative branch restrains the executive power by the fact that it itself issues laws for it, the executive branch (and from his point of view, the executive power is the monarch), having the right to cancel acts of the legislative branch, restrains it, the judicial branch, in turn, is limited by laws and partly by the monarch , but also limits them itself. At Sh-L. The Montesquieu system looks more like a set of ideas than instructions for use.

We can say that some thought becomes part of the law (jurisprudence in general) only when it finds its legal expression, in particular this may be the normative consolidation or application of such a thought by the courts or otherwise by other bodies in law enforcement. The Frenchman's ideas found their place in the construction of the American state. The Founding Fathers of the United States took the ideas of Sh-L. Montesquieu as a basis and embodied them in the Constitution of 1787. However, in addition to the system of checks and balances, the separation of powers itself, part of the logic was added in building a federal state. That is, if Sh-L. Montesquieu and J. Locke described a unitary state, but the very idea of the USA implied a federation, and for this it was necessary to be included in the general system of general coordination. Indeed, in all the concepts described above, the integral task and goal was not only to prevent tyranny, but also to achieve coordination of state bodies and their joint effective activities.

So in the system of the States it was necessary to build a separation of powers, taking into account both the power of the States and the federal cen-

ter; this was reflected in the hierarchical system and the partially duplicating federal system in each State. For example, the system of courts exists within each State and has its own specific legislation, which, however, does not contradict the supreme power of the Constitution and determines the hierarchically highest place of the Supreme Court. In particular, the 1809 case Marbury v. Madison established the Supreme Court as the body that evaluates the constitutionality of regulations, which determined its dominant position in the judicial branch.

The development of the idea of separation of powers did not stop in the 18th–19th centuries. You can often see that the media is singled out as the fourth, unofficial branch of government, which influences government bodies and exercises its specific power, there are many such theories, but not all have found their practical legal application and most countries in the world adhere to the classical model proposed by Sh-L . Montesquieu. For example, his ideas were supplemented and concretized by J.-J. Rousseau.

The thoughts of the Chinese revolutionary of the early 20th century, Sun Yat-sen, are interesting. Its division adds the examination and control branches of government to the classical triad [10]. The examining branch of government must meet the test of the competence of civil servants, and the control branch must monitor the execution of their actions by law and the requirements of voters. The logic of the Chinese revolutionary is understandable, because it is unlikely that it will be possible to build a liberal democratic society in China, with its own traditions, including political ones, special orders and foundations, simply copying the Western model; it would be more correct to say that such borrowing will not be effective. This proposed division seems interesting, however, within the framework of existing Russian institutions, the control branch, in fact, repeats the functions of the prosecutor's office in terms of a controlling, supervisory body. And other branches can also conduct the examination.

Of course, Sun Yat-sen's idea was precisely the independence and impartiality of such bodies, but the logic and practice of application tells us that the system of checks in the triad somehow ensures such ideas within the executive branch of government (with the exception of the prosecutor's office, which cannot be placed among the executive or judicial organs). But the request for a lack of the triad, in terms of execution, cannot be ignored.

It is interesting and important to look not only at today's doctrinal definition of the separation of powers, but also to look into the past. In addition, we are interested not only in foreign understanding, but also in domestic understanding. To begin with, let us turn to the encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron [12, p. 145]. The author of the article, V. M. Gessen, defines the separation of powers through two footnotes. The first is the government and the second is the combination of authorities. The combination of powers is not presented separately in the dictionary, but the reason becomes clear from this definition of government.

The government as a public authority is defined in the dictionary from various positions [13, p. 864].

1) "In the absolute Western European monarchies of the old regime, all functions of state power without exception, no matter how diverse in content,

had the same legal nature, they were all an expression of the unlimited will of the monarch...", the author focuses on the fact that the absolute monarchy did not know the division of powers into judicial, executive and legislative, and the government in the hands of the monarch united all the functions that were understood as branches of government at that time.

2) The idea of the 18th century about the very separation of powers and the rule of law is presented, calling them the foundations of the political philosophy of that time, and the separation of powers is described in detail, calling it a form, according to Sh-L. Montexquieu and J-J. Rousseau.

3) Particular attention is paid to the rule of law, its content is revealed, and the rule of law – just like for us, the theory of equality of all subjects before the law, is not much different from our understanding of this concept of the German legal school of the 18th–19th centuries.

4) As a result, V.M. Hesse defines government as "state power that carries out the interests of the state within the limits delimited by law." It links government and the separation of powers with the rule of law, where the latter is a key category. A number of conclusions are drawn from this definition.

Firstly, the state is a subject of law, and not a subject of power, since it is subject to the law in the person of government authority;

secondly, a citizen, by the same logic in relation to the state, is a subject of law;

thirdly, public law is law, since it regulates legal relations between a citizen and the state;

fourthly, therefore public law requires judicial protection.

The proposed article in the encyclopedic dictionary makes us understand several things. Already at the time of 1900, and it is worth noting that the revolution of 1905 had not yet happened, the author expresses, although not explicit, sympathy through highlighting the logic: the supremacy of law (or rather law), the legal equality of both the state and the state within the established framework and understanding The separation of powers and the rule of law are not simply in an interconnected state, but as a structure where the rule of law is of an implementing nature, and the separation of powers has the function of form. The presented concept, although it was included in the dictionary under the authorship of one lawyer, reflects the special understanding of European institutions by pre-revolutionary Russian authors, as well as the possibility of changing the institution of separation of powers depending on the state.

It is also important to note that not only the rule of law is an important part of the functioning of the separation of powers, but also the form of government is a manifestation and mechanism of the separation of powers. The presidential-parliamentary republic, for example, existing in France, seeks a balance between the executive and legislative powers, while it is not always worth understanding the president as a figure of exclusively executive power; often the president implements a meta function that seeks to balance the other branches of government and does not belong to any branches directly (for example in the USA and Russia).

A parliamentary republic places emphasis on legislative power. At the same time, we note that in absolute monarchies, as said Sh-L. Montesquieu,

there can be no talk of separation of powers; in constitutional monarchies, the monarch acts either as a figure of tradition, or performing the functions of one of the branches of government.

The concept of separation of powers is essentially based on the same principles based on the ideas of Sh-L. Montesquieu, identifying different emphases and methods of implementation, but the essence is the same – the division of functions of state power for effective general management and the prevention of any branch of abuse.

Having examined the history of the formation and development of this principle, it is worth noting that by its nature state power is united [5]. We should agree with those researchers who believe that the principle of separation of powers does not deny the unity of power. He denies autocracy [9, p. 18].

The named elements of the content of the theory of separation of powers, in our opinion, should receive legal regulation. This is due to the fact that the substantive characteristics of the concept of separation of powers are much broader than the legal formula of this principle established by Article 10 of the Constitution of the Russian Federation [1, 2]. Therefore, this article should be brought into line with the modern content of the concept at the level of federal law, since the lack of complete and clear constitutional regulation gives rise to a lack of uniform understanding of it and, as a consequence, entails serious contradictions and conflicts. Proposing to specify in the federal law the text of Article 10 of the Constitution of the Russian Federation by indicating the complementarity, interaction and mutual restriction of public authorities established on the principle of checks and balances, we allow objections, the main argument of which may come down to the fact that the principle of separation of powers is being implemented and specified in other constitutional norms. We, however, proceed from the fact that the article under study is basic and fundamental for understanding and implementing this principle.

We believe that the content of this theory does not fully correspond to its traditional name – separation of powers. More precisely, its essence is expressed in the formula of complementarity, interaction and mutual limitation of government bodies.

Bibliography

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru

2. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).

3. Machiavelli N. The Sovereign. Moscow: Ripol Classic, 1910. 464 p.

4. Montesquieu Charles Louis. Selected works. About the spirit of laws. Book XI. Chapter VI/ General ed. and entry Art. M.P. Baskin. Moscow: Goslitizdat, 1955. 800 p.

5. Narutto S.V. Theoretical and legal problems of the constitutional principle of the unity of the system of state power in the Russian Federation // Jurisprudence. 1999.No. 4. P. 27–33.

6. Scientific and analytical journal on problems of public law “Public Law” http://publicpravo.ru/composition-editorial-journal-public/

7. Pechatnova L. History of Sparta, archaic and classical periods. St. Petersburg: Publishing Center “Humanitarian Academy”, 2001. 510 p.

8. Separation of powers // Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal // URL: https://bigenc.ru/c/razdelenie-vlastei-db04cc/?v=4211865.

9. Seleznev G.N. All power belongs to the law! (Legislation and traditions of decree law in Russia) / Ed. ON THE. Vasetsky. Moscow, 1997. 142 p.

10. Sun Yat-sen. Selected works. 2nd ed., rev. and additional Moscow: Main Editorial Board of Oriental Literature, Nauka Publishing House, 1985. Pp. 641–656.

11. Electronic library “Civil society in Russia”. J. Locke “Two Treatises on Government” // URL: https://clck.ru/MKsgf

12. “Encyclopedic Dictionary” published by F.A. Brockhausa, I.A. Efron. T. XXVI. – “Workbook – Resolution.” St. Petersburg, 1899.

13. Encyclopedic Dictionary" published by F.A. Brockhausa, I.A. Efron. T. XXIV A. “Aurorae – Praia.” St. Petersburg, 1900.

For citation: Timoshkin A.K. The concept and content of the principle of separation of powers: article // Legal Thought. 2024. No. 1 (133). P. 47–53.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_41

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_54

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЛОМА ЦВЕТНЫХ И ЧЕРНЫХ МЕТАЛЛОВ

А.Б. Фомичев*

Аннотация. В статье рассматривается ответственность за нарушение в сфере оборота лома цветных и черных металлов.

Индустрия лома чёрных и цветных металлов занимает важное, но до сих пор незаслуженно недооценённое место в экономике Российской Федерации. Эта отрасль – крупный налогоплательщик, создатель рабочих мест, реальный фактор социальной стабильности в обществе, улучшения контроля над экологической ситуацией. Однако после распада в 1993 г. государственной системы планирования и стимулирования заготовки лома, альтернативных мер господдержки не было введено. В этой связи за последние 30 лет сбор лома в стране сократился с 70 до 35 млн. тонн, хотя уровень металлофонда увеличился. Уменьшилось внутреннее потребление в России, но имеется значительный экспортный потенциал. Кроме того, необходимо устранять накопленный за это время экологический ущерб в размере захороненных на свалках 250 млн. тонн лома.

Однако, незаконное предпринимательство, в том числе в сфере оборота лома и отходов черных и цветных металлов, является одним из серьезных факторов угрозы экономической безопасности России.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Налоговый кодекс РФ, ответственность, лом цветных и черных металлов, лицензия.

Отрасль лома черных и цветных металлов является стратегически важной для социально-экономического развития нашего государства, этот факт подчеркнут в «Стратегии развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года и Стратегии развития цветной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года» [5].

Деятельность по заготовке лома черных и цветных металлов представляет собой высокую важность для развития национальной экономики по следующим причинам.

* **Фомичев Александр Борисович** – магистрант кафедры теории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Во-первых, поставляется ценное металлургическое сырье вторичного происхождения, что позволяет экономить исчерпаемые ресурсы железной руды, бокситов, коксующегося угля и других минералов; также экономится значительный объем энергоресурсов, производимых из других исчерпаемых ресурсов – нефти, газа, угля.

Во-вторых, лом черных металлов является важным технологическим компонентом процесса производства стали в электропечах и бессемеровским способом.

В-третьих, собираются и утилизируются опасные отходы, осуществляется очистка и рекультивация земель, на которых образовался металлолом, а это обеспечивает защиту окружающей среды.

Стоимость металлургической продукции прямо влияет на цену потребительских товаров, в том числе автомобилей, жилых домов, электроники, нефтепродуктов. Конкурентоспособность товаров, произведенных на территории России, обеспечивает занятость населения и поступление налогов в бюджет. Поэтому отрасль вторичного сырья для черной и цветной металлургии существенно важна для российской экономики.

На рынке лома черных и цветных металлов сформировалась устойчивая олигополия. 20% поставок металлолома на рынок формируют компании с государственным участием, 50% – сбор физическими лицами, оставшиеся 30% – производственные предприятия и частные компании. Поставки потребителям – металлургическим и трубным заводам и на экспорт – осуществляются крупными трейдерами. Крупные трейдеры контролируют деятельность мелких трейдеров, прямо не участвующих в поставках на металлургические предприятия; последние, в свою очередь, организуют работу по сбору металлолома от физических лиц и производственных предприятий и осуществляют рекультивацию земель в местах хранения вторичного сырья.

Характер функционирования рынка металлолома в России представляет собой тройственную олигополию.

Первый уровень олигополии образуют государственные компании и крупные частные фирмы, операционная деятельность которых приводит к образованию вторичного сырья. Эти компании контролируют половину рынка поставок металлолома тем, что на конкурсных условиях продают трейдерам образующийся металлом.

Второй уровень олигополии создают крупные трейдеры, которые контролируют поставки металлолома конечным потребителям и которые через мелких трейдеров контролируют сбор лома физическими лицами.

Третья по счету олигополия на рынке металлолома складывается благодаря действиям крупнейших металлургических предприятий и трубных заводов, которые, будучи конечными потребителями вторичного сырья, определяют уровень цен и объем закупок лома черных и цветных металлов.

Наличие тройственной олигополии определяет наличие мощных факторов, которые способны влиять, в том числе через правительственные органы, на объем поставок металлолома на внутренний и внешний рынок, баланс спроса и предложения и, соответственно, уровень цен.

Однако, незаконное предпринимательство, в том числе в сфере оборота лома и отходов черных и цветных металлов, является одним из серьезных факторов угрозы экономической безопасности России.

Реализация металлолома – это вид деятельности, занятие которым требует получения специального разрешения. Получить указанное разрешение могут только предприниматели и юридические лица, прошедшие государственную регистрацию. Но есть те, кто не стремится соблюсти законодательно утвержденные требования к сфере обращения металлолома.

За нелегальный оборот черного и цветного металлолома действующее законодательство Российской Федерации предусматривает уголовную и административную ответственность.

Уголовная ответственность за нарушение закона в сфере обращения цветных и черных металлов наступает в следующих случаях:

– ст.171 УК РФ (Незаконная предпринимательская деятельность), то есть работа без регистрации либо без лицензии, если она необходима для данного вида деятельности. За это деяние предусматривается наказание в виде штрафа в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арест на срок до шести месяцев;

– ст.175 УК РФ (Покупка или сбыт имущества, о котором заранее известно, что оно добыто преступным образом). Указанное деяние влечет за собой штраф в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительные работами на срок до двух лет, либо принудительные работы на срок до двух лет, либо лишение свободы на тот же срок;

– ст.199 УК РФ (Уклонение от уплаты налогов). Максимальное наказание, предусмотренное статьей – лишение свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [1].

К уголовно наказуемым деяниям относится еще и использование чужого паспорта для регистрации приема металлолома – согласно статье 327 УК РФ – за применение заведомо ложного документа предусмотрено максимальное наказание в виде ареста на шесть месяцев [1].

Серьезной проблемой, требующей усиления мер уголовно-правового реагирования, следует назвать повсеместное распространение пунктов приема металлолома, действующих без разрешительного документа.

Причин сложившейся ситуации достаточно много, и они по своей природе неоднородны. Одной из таковых следует назвать довольно строгие лицензионные требования, которые предъявляются к лицам, желающим заниматься деятельностью по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных или цветных металлов.

Так, соискатель разрешительного документа должен иметь в собственности или ином законном владении земельные участки, здания, строения, сооружения, помещения и т. д.

Для осуществления деятельности по обороту лома металла заинтересованному лицу необходимо обеспечить наличие на каждом объекте приема таких материалов оборудования для проведения радиационного контроля. Кроме того, хотя бы на одном из пунктов приема лома черного металла должен находиться пресс для пакетирования лома (с усилием прессования не менее 2500 кН), либо пресс-ножницы (с усилием реза не менее 3000 кН), либо установка для дробления и сортировки легковесного лома (с мощностью привода не менее 495 кВт), оборудование для сортировки или измельчения стружки; а в случае приема лома цветных металлов – оборудование для определения химического состава лома и отходов цветных металлов и пресс для пакетирования лома и отходов цветных металлов.

Стоимость перечисленного оборудования и технических средств достаточно внушительна. По состоянию на февраль 2021 года стоимость соответствующих требованиям по техническим характеристикам пресса для пакетирования лома составляет от 1 750 000 до 2 000 000 рублей, пресс-ножниц – в среднем 3 300 000 рублей.

Кроме того, предусматривается необходимость наличия у соискателя лицензии и площадки с твердым (асфальтовым, бетонным) покрытием для хранения лома металлов.

Помимо этого, лицо, занимающееся заготовлением лома металла, должно иметь в штате минимальный набор сотрудников с определенной квалификацией: контролер лома и отходов металла (2-го разряда) и прессовщик лома и отходов металла ((1-го разряда) – хотя бы на одном объекте по приему лома), а также обеспечить на каждом пункте нахождение ответственных за проведение контроля на взрывобезопасность и радиационного контроля лома и отходов цветных металлов.

Наличие и содержание указанного количества работников влечет за собой необходимость оформления трудовых отношений с этими лицами, порождающую обязанность работодателя отчислять соответствующие налоги и сборы, что также является одним из оснований того, что анализируемый вид предпринимательства приобретает теневую форму.

Существование нелегального бизнеса в сфере оборота металлолома обусловлено довольно жесткими лицензионными требованиями со стороны законодателя, но это только часть преступной мотивации лиц, занимающихся данным видом незаконного предпринимательства.

Представляется, что основной детерминантой совершения указанных противоправных действий следует считать возможность получения неконтролируемого дохода в значительных объемах за относительно короткие сроки.

Функционирование нелегальных пунктов приема лома и отходов черного и цветного металлов способствует совершению хищений, нередко и в особо крупных размерах, а также иных деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономической деятельности, общественную безопасность и другие охраняемые уголовным законом интересы.

Данное обстоятельство обусловлено, в том числе, игнорированием законодательных предписаний об обязательной фиксации анкетных данных и сведений о документе, удостоверяющем личность лица, сдающего лом

или отходы в специальной книге учета, которая должна вестись на каждом объекте приема металлолома. Уверенность в невозможности установления личности сбытчика лома служит дополнительным стимулом для лиц, добывающих металл противоправным путем.

Кроме того, физические лица осуществляют отчуждение лома и отходов черных и цветных металлов с указанием основания возникновения права собственности на такие предметы.

Реализация лома и отходов цветных металлов физическими лицами может производиться только в отношении строго ограниченных видов металлолома, перечень которых устанавливается органами государственной власти в рамках отдельно взятого субъекта Российской Федерации.

Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности незаконной деятельности по заготовке, хранению, переработке и реализации лома черных и цветных металлов.

Следует отметить, что в законодательных органах неоднократно поднимался вопрос о необходимости усиления наказания за подобные деяния, вплоть до установления уголовной ответственности за незаконный сбыт металлолома в отношении лиц, которые занимаются добычей такого материла незаконными средствами.

В настоящее время в административном законодательстве [2] (ст. 14.26 КоАП РФ) предусмотрена ответственность за нарушение правил обращения с ломом и отходами цветных и черных металлов и их отчуждения, а также за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии) (ст. 14.1 КоАП РФ). При наличии признаков причинения крупного ущерба гражданам, организациям, государству, либо при извлечении дохода в крупном размере действия лиц, занимающихся незаконным оборотом металлолома, квалифицируются по ст. 171 УК РФ [1].

При построении уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконный оборот металлолома, как и большинства преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности, следует использовать средства административной преюдиции.

Определяя размер дохода в крупном размере, выступающего в качестве альтернативного составообразущего признака деятельности по незаконному обороту лома цветных металлов, целесообразно руководствоваться примечанием к ст. 171.2 УК РФ, в соответствии с которым таковым следует признавать доход, превышающий 1 500 000 рублей [1]. Особо крупным размером предлагается считать доход, превышающий 6 000 000 рублей.

Значения приведенных пороговых сумм, характеризующих признаки объективной стороны преступления, обусловлены повышенной общественной опасностью анализируемого деяния, объемами нелегально получаемого дохода, а также требованиями внутренней согласованности норм УК РФ. В качестве обстоятельств, отягчающих ответственность, должны выступать совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, а также извлечение дохода в особо крупном размере. Наибольшей общественной опасностью будет обладать незаконная предпринимательская деятельность по обороту металлолома, совершенная организованной группой. Кроме то-

го, не стоит исключать возможность использования лицом своего служебного положения с целью организации и ведения рассматриваемого вида предпринимательства.

Указанные обстоятельства должны рассматриваться в качестве особо квалифицирующих признаков состава.

Административная ответственность за незаконный прием лома включает в себя:

– наказание за предпринимательскую деятельность без лицензии. Это деяние наказывается по ст.14.1 КоАП РФ штрафом для организаций до 50 тысяч рублей, а для предпринимателей – до 5 тысяч рублей. К штрафу может быть предусмотрена конфискация металлолома;

– работа без государственной регистрации бизнеса также наказывается по ст.14.1 КоАП РФ штрафом до 2-х тысяч рублей;

– кроме того, ст.14.1 КоАП РФ предусматривает еще одно наказание – за нарушение лицензионных требований. Если данные нарушения признаются к тому же грубыми, то предпринимателя накажут штрафом до 8 тысяч рублей или приостановлением деятельности до 90 суток, а организацию – на 200 тысяч рублей или приостановкой работы на срок до 90 суток;

– если нарушены правила обращения и отчуждения металлолома (приемки, учета, хранения и транспортировки), то это влечет за собой наказание по статье 14.26 КоАП РФ: на предпринимателей налагается штраф до 5 тысяч рублей, а на юридические лица – до 100 тысяч рублей. К штрафу дополнительно может быть предусмотрена конфискация предметов, которые послужили причиной привлечения к административной ответственности [2].

В настоящее время преобладающая доля в объеме заготовки лома черных и цветных металлов приходится на регионы со сложными и очень сложными природно-климатическими условиями. Изменения мирового климата приводят к тому, что условия деятельности крупных поставщиков лома, нефтегазодобывающих компаний, в частности, еще в большей степени усложнятся из-за потепления и связанного с ним ухудшения условий операционной деятельности.

Экономические условия для операторов рынка также усложнятся ввиду опережающего роста производственных расходов и экспортного диспаритета цен на металлургическую продукцию. Рентабельность компаний, непосредственно занятых сбором и переработкой лома, остается низкой ввиду высокой волатильной мировой конъюнктуры металлургического рынка, а также по причине изъятия металлургическими предприятиями прибыли с рынка вторичных отходов.

Наибольший объем заготовки металлолома был достигнут в 2006 г. и составил 31,3 млн т. В среднесрочной перспективе ожидается сохранение объема заготовки металлолома в пределах 27–29 млн. т в год, а при неблагоприятной мировой конъюнктуре возможно снижение до уровня 26 млн. т в год. С другой стороны, при благоприятных ценовых условиях на металлургическом рынке объем заготовки металлолома в России может достигнуть 30 млн. т.

Увеличение налогового бремени и снижение реальных доходов населения, а также низкий уровень цен на нефть – факторы, которые сохра-

нятся в среднесрочной перспективе, не дадут возможности стимулировать внутренний спрос, что, в конечном счете, приведет к стагнации внутреннего спроса на продукцию металлургических предприятий России и, соответственно, сохранится давление на закупочные цены на лом черных и цветных металлов. Предпосылки для расширения объема заготовки металлолома в среднесрочной перспективе не сложатся.

В структуре товарного металлолома сокращается доля качественного для ломозаготовителей, так называемого «тяжелого» лома. Изменение строительных технологий, общая экономия расходов на производственное строительство, внедрение новых технологий в производстве потребительских товаров приведут к сокращению доли черных и цветных металлов в продукции всех видов назначения, в первую очередь путем их замены на композиционные материалы [6].

Эта тенденция будет складываться постепенно, но уже в среднесрочной перспективе станет очевидным, что качество, т.е. удельный вес заготавливаемого лома будет снижаться, а количество примесей – пластиковых, стеклянных и иных – вырастет. Это потребует, с одной стороны, дополнительного оборудования для переработки «легкого» лома, а другой стороны, станет причиной увеличения себестоимости металлолома.

Потребность в дополнительном регулировании отрасли лома черных и цветных металлов очевидна. С одной стороны, недобросовестная конкуренция и нелегальный оборот вторичного сырья наносят репутационный и экономический ущерб стабильно работающим операторам рынка. С другой стороны, высокая волатильность внутренних цен на металлолом не позволяет решить проблемы прозрачности и управляемости рынка.

Металлоломная индустрия, несомненно, имеет большое значение. Причём не только как источник обеспечения сырьём металлургии, создания рабочих мест и пополнения бюджетов всех уровней, но и как деятельность, которая положительно влияет на экологическую ситуацию в стране, помогает очистить большие территории, позволяет вовлечь в хозяйственный оборот много ценного сырья.

Развитие данной индустрии происходит удовлетворительно: есть нормативно-правовая база, создана необходимая инфраструктура по сбору и переработке лома, в отрасли есть конкуренция, работают крупные, средние и малые компании, отечественное машиностроение выпускает много наименований техники и оборудования для отрасли.

Важно также отметить, что с 1 октября 2023 года расчеты с физическими лицами стали возможны только в безналичной форме. Такой порядок, меняющий правила обращения со вторсырьем, установлен в целях упорядочения работы ломозаготовительной отрасли и обеспечения прозрачности потоков платежей.

Ежегодно в стране собирают 30 миллионов тонн черного металла. Половину этого объема сдают физические лица. Это не только огромный ресурс, но и большой риск: в «серой» зоне расчетов за лом находятся 500 миллиардов рублей, треть финансового оборота отрасли за год. Из-за избытка наличности ломозаготовку считают высокорисковым бизнесом. Как результат – повышенное внимание надзорных органов и невыгодные тарифы

банков. Переход на безналичный расчет за лом поможет решить эти проблемы.

Новые правила для тех, кто сдает и принимает металлолом, прописаны в Федеральном законе от 10 июля 2023 года № 304-ФЗ «О внесении изменения в статью 13.1 ФЗ "Об отходах производства и потребления"» [4] (от 24.06.1998 № 89-ФЗ). В 85 регионах за сдачу черных и цветных металлов с физ. лицами рассчитываются только в безналичной форме.

Первоначальный вариант закона, который весной отклонил Совет Федерации, был более мягким. Требования касались сумм более 10 тысяч рублей за сдачу лома и отходов черных металлов и более 120 тысяч – за сдачу цветных. Предполагалось, что лимиты на время – до 1 июля 2024 года – упростят жизнь клиентам, которые несут на пункты бытовой металлолом. Из итоговой редакции закона убрали переходный период и градацию объемов вторсырья.

Таким образом, постепенное обеление индустрии ломопереработки и снижение давления на нее теневого сектора – естественный процесс. Принятие закона о безналичной оплате позволит улучшить экономику предприятий отрасли. В банковском секторе заготовителей металлолома будут расценивать как надежных клиентов с чистой репутацией.

Следовательно, по новому закону, оплату за лом черных и цветных металлов уже начали получать через банковский счет, и не важно, что принесли в пункт приема – старую сковороду или тонну металлоконструкций.

По мнению некоторых участников данного рынка, из-за введения безналичного расчета часть населения перестанет сдавать лом. Среди активных клиентов пунктов приема много тех, кто не хочет оставлять цифровые следы: из-за долгов, отсутствия постоянной работы и по другим причинам. Многим ни к чему внимание контролирующих органов, в первую очередь налоговой службы. По российскому законодательству «собиратели» обязаны платить НДФЛ, 13-процентный налог с дохода от сдачи металлолома [3]. Раньше это было невозможно отследить, теперь же у госструктур появятся инструменты, которые позволят контролировать собираемость налогов при обращении со вторсырьем.

Библиографический список

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 10 июля 2023 года № 304-ФЗ «О внесении изменения в статью 13.1 ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ Минпромторга России от 05.05.2014 № 839 «Об утверждении Стратегии развития черной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспек-

тиву до 2030 года и Стратегии развития цветной металлургии России на 2014–2020 годы и на перспективу до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Мингалева Ж.А.* Роль современных технологий в развитии «зеленой» экономики и экологически чистых городов // Вестник Московского университета. – Серия 6. – Экономика. – 2020. – № 5. – С. 259–270.

Для цитирования: *Фомичев А.Б.* Ответственность за нарушения в сфере оборота лома цветных и черных металлов: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 54–62.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_54

RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS IN THE SPHERE OF TURNOVER OF SCRAP NON-FERROUS AND FERROUS METALS

Alexander B. Fomichev*

Annotation. The article discusses liability for violations in the sphere of circulation of scrap non-ferrous and ferrous metals.

The ferrous and non-ferrous metal scrap industry occupies an important, but still undeservedly underestimated place in the economy of the Russian Federation. This industry is a large taxpayer, a creator of jobs, a real factor of social stability in society, and improved control over the environmental situation. However, after the collapse of the state system of planning and incentives for scrap procurement in 1993, no alternative government support measures were introduced. In this regard, over the past 30 years, scrap collection in the country has decreased from 70 to 35 million tons, although the level of the metal stock has increased. Domestic consumption in Russia has decreased, but there is significant export potential. In addition, it is necessary to eliminate the environmental damage accumulated during this time in the amount of 250 million tons of scrap buried in landfills.

However, illegal business, including in the sphere of turnover of scrap and waste of ferrous and non-ferrous metals, is one of the serious factors threatening the economic security of Russia.

Key words: Criminal Code of the Russian Federation, Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, Tax Code of the Russian Federation, liability, scrap of non-ferrous and ferrous metals, license.

The ferrous and non-ferrous metal scrap industry is strategically important for the socio-economic development of our state, this fact is emphasized in the “Strategy for the Development of Ferrous Metallurgy in Russia for

* **Fomichev Alexander Borisovich** – master’s student of the Department of Theory of State and Law of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education of the Russian Academy of Economics, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

2014–2020 and for the Future until 2030" and the Strategy for the Development of Non-Ferrous Metallurgy in Russia for 2014–2020 and for the future until 2030" [5].

The activity of procuring scrap ferrous and non-ferrous metals is of great importance for the development of the national economy for the following reasons.

Firstly, valuable metallurgical raw materials of secondary origin are supplied, which allows saving exhaustible resources of iron ore, bauxite, coking coal and other minerals; a significant amount of energy resources produced from other exhaustible resources – oil, gas, coal – is also saved.

Secondly, ferrous metal scrap is an important technological component of the steel production process in electric furnaces and the Bessemer method.

Thirdly, hazardous waste is collected and disposed of, and the lands where scrap metal is generated are cleaned and reclaimed, and this ensures environmental protection.

The cost of metallurgical products directly affects the price of consumer goods, including cars, residential buildings, electronics, and petroleum products. The competitiveness of goods produced on the territory of Russia ensures employment of the population and the receipt of taxes to the budget. Therefore, the industry of secondary raw materials for ferrous and non-ferrous metallurgy is essential for the Russian economy.

A stable oligopoly has formed in the ferrous and non-ferrous scrap metal market. 20% of the supply of scrap metal to the market is formed by companies with state participation, 50% is collected by individuals, the remaining 30% is by manufacturing enterprises and private companies. Supplies to consumers – metallurgical and pipe factories and for export – are carried out by large traders. Large traders control the activities of small traders who are not directly involved in supplies to metallurgical enterprises; the latter, in turn, organize work to collect scrap metal from individuals and manufacturing enterprises and carry out land reclamation in areas where secondary raw materials are stored.

The nature of the functioning of the scrap metal market in Russia is a triple oligopoly.

The first level of oligopoly is formed by state-owned companies and large private firms, whose operating activities lead to the formation of secondary raw materials. These companies control half of the scrap metal supply market by selling the resulting metal to traders on competitive terms.

The second level of oligopoly is created by large traders who control the supply of scrap metal to end consumers and who, through small traders, control the collection of scrap by individuals.

The third oligopoly in the scrap metal market is emerging thanks to the actions of the largest metallurgical enterprises and pipe factories, which, being the final consumers of secondary raw materials, determine the price level and volume of purchases of scrap ferrous and non-ferrous metals.

The presence of a triple oligopoly determines the presence of powerful factors that can influence, including through government agencies, the volume

of scrap metal supplies to the domestic and foreign markets, the balance of supply and demand and, accordingly, the price level.

However, illegal business, including in the sphere of turnover of scrap and waste of ferrous and non-ferrous metals, is one of the serious factors threatening the economic security of Russia.

Selling scrap metal is a type of activity that requires obtaining a special permit. Only entrepreneurs and legal entities that have undergone state registration can obtain this permit. But there are those who do not strive to comply with the legally approved requirements for the sphere of scrap metal circulation.

The current legislation of the Russian Federation provides for criminal and administrative liability for illegal trafficking in ferrous and non-ferrous scrap metal.

Criminal liability for violation of the law in the sphere of circulation of non-ferrous and ferrous metals occurs in the following cases:

– Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation (Illegal business activity), that is, work without registration or without a license, if it is necessary for this type of activity. This act is punishable by a fine in the amount of up to three hundred thousand rubles or in the amount of the wages or other income of the convicted person for a period of up to two years, or compulsory labor for a term of up to four hundred and eighty hours, or arrest for a term of up to six months;

– Art. 175 of the Criminal Code of the Russian Federation (Purchase or sale of property, which is known in advance that it was obtained in a criminal manner). The specified act entails a fine in the amount of up to forty thousand rubles or in the amount of wages or other income of the convicted person for a period of up to three months, or compulsory labor for a period of up to four hundred eighty hours, or correctional labor for a period of up to two years, or forced labor for a term of up to two years, or imprisonment for the same term;

– Art. 199 of the Criminal Code of the Russian Federation (Tax evasion). The maximum punishment provided for in the article is imprisonment for a term of up to two years with or without deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities for a term of up to three years [1].

The use of someone else's passport to register the receipt of scrap metal is also a criminal offense – according to Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation – for the use of a knowingly false document, a maximum penalty of arrest for six months is provided [1].

A serious problem that requires strengthening criminal legal response measures is the widespread proliferation of scrap metal collection points operating without a permit.

There are many reasons for the current situation, and they are heterogeneous in nature. One of these should be called quite strict licensing requirements that apply to persons wishing to engage in activities related to the procurement, storage, processing and sale of scrap ferrous or non-ferrous metals.

Thus, the applicant for a permit must own or otherwise legally possess land plots, buildings, structures, structures, premises, etc.

To carry out activities related to the circulation of scrap metal, the interested party must ensure that at each facility for receiving such materials,

equipment for conducting radiation monitoring is available. In addition, at least one of the ferrous metal scrap collection points must have a scrap baling press (with a pressing force of at least 2500 kN), or a shear press (with a cutting force of at least 3000 kN), or an installation for crushing and sorting lightweight materials. scrap (with a drive power of at least 495 kW), equipment for sorting or grinding chips; and in the case of receiving scrap non-ferrous metals – equipment for determining the chemical composition of scrap and non-ferrous metal waste and a press for packaging scrap and non-ferrous metal waste.

The cost of the listed equipment and technical means is quite impressive. As of February 2021, the cost of a press for scrap baling that meets the technical requirements ranges from 1,750,000 to 2,000,000 rubles, press shears – an average of 3,300,000 rubles.

In addition, it is stipulated that the applicant must have a license and a site with a hard (asphalt, concrete) surface for storing scrap metal.

In addition, a person engaged in the procurement of scrap metal must have a minimum set of employees with certain qualifications: a scrap and metal waste controller (2nd category) and a scrap and metal waste presser ((1st category) – at least at one site for receiving scrap), and also ensure that at each point there are those responsible for carrying out explosion safety control and radiation control of scrap and waste of non-ferrous metals.

The presence and maintenance of the specified number of employees entails the need to formalize labor relations with these persons, giving rise to the employer's obligation to pay appropriate taxes and fees, which is also one of the reasons that the analyzed type of entrepreneurship takes on a shadow form.

The existence of illegal business in the field of scrap metal turnover is due to fairly stringent licensing requirements from the legislator, but this is only part of the criminal motivation of persons engaged in this type of illegal business.

It seems that the main determinant of the commission of these illegal actions should be considered the possibility of obtaining uncontrolled income in significant amounts in a relatively short period of time.

The operation of illegal collection points for scrap and waste of ferrous and non-ferrous metals contributes to theft, often on an especially large scale, as well as other acts that encroach on public relations in the field of economic activity, public safety and other interests protected by criminal law.

This circumstance is due, among other things, to ignoring legislative requirements on the mandatory recording of personal data and information about the identity document of the person handing over scrap or waste in a special accounting book, which must be kept at each scrap metal collection facility. Confidence in the impossibility of identifying the scrap dealer serves as an additional incentive for persons extracting metal illegally.

In addition, individuals carry out the alienation of scrap and waste of ferrous and non-ferrous metals, indicating the basis for the emergence of ownership rights to such items.

Sales of scrap and waste of non-ferrous metals by individuals can be carried out only in relation to strictly limited types of scrap metal, the list of which is established by government authorities within a single subject of the Russian Federation.

The listed circumstances indicate an increased degree of public danger from illegal activities in the procurement, storage, processing and sale of scrap ferrous and non-ferrous metals.

It should be noted that the legislative bodies have repeatedly raised the issue of the need to strengthen punishment for such acts, up to the establishment of criminal liability for the illegal sale of scrap metal in relation to persons who are engaged in the extraction of such material by illegal means.

Currently, administrative legislation [2] (Article 14.26 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) provides for liability for violation of the rules for handling scrap and waste of non-ferrous and ferrous metals and their alienation, as well as for carrying out business activities without state registration or without special permits (licenses) (Article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation). If there are signs of causing major damage to citizens, organizations, the state, or when generating income on a large scale, the actions of persons involved in the illegal circulation of scrap metal are qualified under Art. 171 of the Criminal Code of the Russian Federation [1].

When constructing a criminal law on liability for illegal trafficking in scrap metal, as well as most crimes in the field of special types of business activities, administrative prejudice should be used.

When determining the amount of income on a large scale, acting as an alternative composition-forming feature of the illegal trafficking of non-ferrous metal scrap, it is advisable to be guided by the note to Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, according to which income exceeding 1,500,000 rubles should be recognized as such [1]. It is proposed to consider income exceeding 6,000,000 rubles as particularly large.

The values of the given threshold amounts, characterizing the signs of the objective side of the crime, are determined by the increased social danger of the analyzed act, the volume of illegally obtained income, as well as the requirements for internal consistency of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. Circumstances aggravating liability should include the commission of an act by a group of persons by prior conspiracy, as well as the generation of income on a particularly large scale. The greatest public danger will be posed by illegal business activities involving the circulation of scrap metal, committed by an organized group. In addition, one should not exclude the possibility of a person using his official position for the purpose of organizing and running the type of business in question.

These circumstances should be considered as particularly qualifying features of the composition.

Administrative liability for illegal acceptance of scrap includes:

– punishment for doing business without a license. This act is punishable under Article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with a fine for organizations of up to 50 thousand rubles, and for entrepreneurs – up to 5 thousand rubles. The fine may include confiscation of scrap metal;

– work without state registration of a business is also punishable under Article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with a fine of up to 2 thousand rubles;

– in addition, Article 14.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation provides for another punishment – for violation of licensing requirements. If these violations are also recognized as gross, then the entrepreneur will be punished with a fine of up to 8 thousand rubles or suspension of activities for up to 90 days, and the organization – with a fine of 200 thousand rubles or suspension of work for up to 90 days;

– if the rules for the handling and disposal of scrap metal (acceptance, accounting, storage and transportation) are violated, then this entails punishment under Article 14.26 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: a fine of up to 5 thousand rubles is imposed on entrepreneurs, and a fine of up to 100 thousand rubles on legal entities . In addition to the fine, confiscation of items that served as the reason for bringing to administrative responsibility may be provided [2].

Currently, the predominant share in the volume of ferrous and non-ferrous scrap metal procurement occurs in regions with complex and very complex natural and climatic conditions. Changes in the global climate lead to the fact that the operating conditions of large suppliers of scrap, oil and gas companies, in particular, will become even more complicated due to warming and the associated deterioration in operating conditions.

Economic conditions for market operators will also become more complicated due to the rapid growth of production costs and export disparity in prices for metallurgical products. The profitability of companies directly involved in the collection and processing of scrap remains low due to the highly volatile global metallurgical market conditions, as well as due to metallurgical enterprises withdrawing profits from the secondary waste market.

The largest volume of scrap metal procurement was achieved in 2006 and amounted to 31.3 million tons. In the medium term, the volume of scrap metal procurement is expected to remain within the range of 27–29 million tons per year, and in case of unfavorable global conditions, a decrease to the level of 26 million is possible .t per year. On the other hand, under favorable price conditions on the metallurgical market, the volume of scrap metal procurement in Russia can reach 30 million tons.

An increase in the tax burden and a decrease in real incomes of the population, as well as low oil prices – factors that will persist in the medium term will not provide an opportunity to stimulate domestic demand, which will ultimately lead to stagnation of domestic demand for metallurgical products of Russian enterprises and, accordingly, pressure will remain on purchase prices for scrap ferrous and non-ferrous metals. The prerequisites for expanding the volume of scrap metal procurement will not develop in the medium term.

In the structure of commercial scrap metal, the share of quality scrap for scrap producers, the so-called “heavy” scrap, is decreasing. Changes in construction technologies, overall cost savings on industrial construction, and the introduction of new technologies in the production of consumer goods will lead to a reduction in the share of ferrous and non-ferrous metals in products of all types, primarily through their replacement on composite materials [6].

This trend will develop gradually, but in the medium term it will become obvious that quality, i.e. the specific gravity of the harvested scrap will decrease,

and the amount of impurities – plastic, glass and others – will increase. This will require, on the one hand, additional equipment for processing "light" scrap, and on the other hand, it will cause an increase in the cost of scrap metal.

The need for additional regulation of the ferrous and non-ferrous scrap metal industry is obvious. On the one hand, unfair competition and illegal trade in secondary raw materials cause reputational and economic damage to stable market operators. On the other hand, the high volatility of domestic prices for scrap metal does not allow solving the problems of transparency and market control.

The scrap metal industry is undoubtedly significant. Moreover, not only as a source of supplying metallurgy with raw materials, creating jobs and replenishing budgets at all levels, but also as an activity that has a positive effect on the environmental situation in the country, helps to clean up large territories, and allows them to be involved in economic turnover. a lot of valuable raw materials.

The development of this industry is progressing satisfactorily: there is a regulatory framework, the necessary infrastructure for the collection and processing of scrap has been created, there is competition in the industry, large, medium and small companies operate, the domestic mechanical engineering industry produces many types of machinery and equipment for the industry.

It is also important to note that from October 1, 2023, settlements with individuals became possible only in non-cash form. This procedure, which changes the rules for handling recyclable materials, was established in order to streamline the work of the scrap collection industry and ensure transparency of payment flows.

Every year, 30 million tons of ferrous metal are collected in the country. Half of this volume is donated by individuals. This is not only a huge resource, but also a big risk: in the "gray" zone of payments for scrap there are 500 billion rubles, a third of the industry's financial turnover for the year. Due to excess cash, scrap collection is considered a high-risk business. The result is increased attention from supervisory authorities and unfavorable tariffs for banks. Switching to non-cash payments for scrap will help solve these problems.

New rules for those who hand over and accept scrap metal are spelled out in Federal Law No. 304-FZ of July 10, 2023 «On amending Article 13.1 of the Federal Law "On Production and Consumption Waste"» [4] (dated June 24 1998 No. 89-FZ). In 85 regions for the delivery of ferrous and non-ferrous metals from individuals. persons pay only in non-cash form.

The original version of the law, which was rejected by the Federation Council in the spring, was softer. The demands concerned amounts of more than 10 thousand rubles for the delivery of scrap and waste ferrous metals and more than 120 thousand for the delivery of non-ferrous metals. It was assumed that the time limits – until July 1, 2024 – would make life easier for customers who bring household scrap metal to points. The transition period and gradation of recyclable volumes were removed from the final version of the law.

Thus, the gradual whitening of the scrap processing industry and the reduction of pressure on it from the shadow sector is a natural process. The adoption of a law on non-cash payments will improve the economics of enter-

prises in the industry. In the banking sector, scrap metal suppliers will be regarded as reliable clients with a clean reputation.

Consequently, according to the new law, payment for scrap ferrous and non-ferrous metals has already begun to be received through a bank account, and it does not matter what was brought to the collection point – an old frying pan or a ton of metal structures.

According to some participants in this market, due to the introduction of non-cash payments, part of the population will stop handing over scrap. Among the active clients of reception points, there are many who do not want to leave digital traces: due to debts, lack of permanent work and for other reasons. Many people do not care about the attention of regulatory authorities, primarily the tax service. According to Russian legislation, “collectors” are required to pay personal income tax, a 13 percent tax on income from the delivery of scrap metal [3]. Previously, this was impossible to track, but now government agencies will have tools that will allow them to control tax collection when handling recyclable materials.

Bibliography

1. “Criminal Code of the Russian Federation” dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on December 30, 2023) // SPS “Consultant-Plus”.

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offences" dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 25, 2023) (with amendments and additions, entered into force on January 5, 2024) // SPS "ConsultantPlus".

3. Tax Code of the Russian Federation (part two) dated 08/05/2000 No. 117-FZ (as amended on 04/22/2024) // SPS “ConsultantPlus”.

4. Federal Law of July 10, 2023 No. 304-FZ “On Amendments to Article 13.1 of the Federal Law “On Production and Consumption Wastes” // SPS “ConsultantPlus”.

5. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated 05.05.2014 No. 839 “On approval of the Development Strategy of Ferrous Metallurgy of Russia for 2014–2020 and for the future until 2030 and the Strategy for the Development of Non-ferrous Metallurgy of Russia for 2014–2020 and for the future until 2030" // SPS "ConsultantPlus".

6. Mingaleva Zh.A. The role of modern technologies in the development of a “green” economy and environmentally friendly cities // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. 2020. No. 5. Pp. 259–270.

For citation: Fomichev A.B. Responsibility for violations in the sphere of turnover of scrap non-ferrous and ferrous metals: article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 62–69.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_54

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_70

КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИНСТИТУТА МОРСКОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

А.Х. Хабибулаев*

Аннотация. Статья посвящена осмыслению правовой природы института морской перевозки груза в отечественной доктрине конца XIX – начала XX вв. В дореволюционный период исследуемый институт, обладая спецификой международного публичного права, международного частного права, гражданского права, административного права, а также в силу тесной связи с остальными смежными институтами морского права, сложился как институт, который не может быть урегулирован в рамках одной отрасли права без учета всех особенностей его исторической и правовой специфики. В целом автор приходит к выводу о сформированности в рассматриваемый период самостоятельной концепции международной публично-правовой природы института морской перевозки груза в разных интерпретациях, которые не получили окончательного подтверждения, а морское торговое право оставалось являться структурной частью торгового права.

Ключевые слова: международное право, морская перевозка груза, морское торговое право, торговое мореплавание.

Институт морской перевозки груза являлся и остается правовым феноменом. На протяжении всей истории своего развития он обладал комплексной, смешанной неопределенной правовой природой, фактически, это правовой институт sui generis. Поэтому его современная правовая природа может быть раскрыта через его правовое основание с учетом исторического опыта, в том числе отдельных его этапов.

Обращение к истории мореплавания Древнего мира показывает, что морские перевозки не имели правового основания, даже на уровне обычного права, что подтверждается, в том числе, чередой военно-морских конфликтов, которые продолжались вплоть до XX в. [2, с. 59]. Произвол государств наравне с морским разбоем традиционно входил в риски морской торговли. Данные обстоятельства свидетельствуют, что изначально правовым основанием торгового мореплавания является не волеизъявление сторон, а реальная возможность выхода в море, обусловленная публичным правом на международном уровне.

* **Хабибулаев Али Хасбулаевич,** доцент кафедры конституционного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: khabibulaev_ali@mail.ru

В основу правоотношений морской перевозки были заложены такие принципы как свобода морей, свобода морской торговли, эксклюзивность национальности судна и др., относящиеся к международному публичному праву [4, с. 95]. Кроме того, если обратиться к современной истории, то отсутствие согласования воль правительств государств в рассматриваемой сфере приводит к тому, что торговое мореплавание становится неосуществимым. Об этом свидетельствует как система двусторонних международных соглашений о торговле и мореплавании всех морских держав, начиная с XVIII в., так и наличие международных конвенций, ратификация большей части из которых произошла лишь во второй половине XX столетия. Работа в данном направлении продолжается и в настоящее время.

Таким образом, в основе морской перевозки грузов лежит отнюдь не воля сторон, а властное дозволение, причем не только со стороны отдельного государства, но всего мирового сообщества.

Исторически нормы, регулирующих институт морской перевозки грузов, зарождались из международных морских обычаев и носили исключительно международный характер. В совокупности они получили свое развитие в рамках торгового права как комплексной отрасли права. О сложном характере института морской перевозки упоминается уже в первых работах отечественных исследователей относительно торгового мореплавания во второй половине XIX в., которые являются предметом настоящего исследования.

Анализ теоретических отечественных концепций относительно определения правовой природы института морской перевозки груза рассматриваемого периода позволяет констатировать, что в большей части они сводятся к пониманию данного института как составной части морского или торгового права, либо морского торгового права с некоторыми особенностями.

Так, К.И. Малышев отстаивал идею о том, что институт морской перевозки является составной часть торгового права, обладающего международно-правовым характером. В обосновании своей позиции он указывал, что морская перевозка грузов направлена не реализацию торговых правоотношений, которые в отличие от гражданско-правовых, возможны с элементами публичного права; институты торгового права, равно как и сама торговля, имеют международный характер. Именно торговое право применяло коллизионный метод правового регулирования, поскольку для упорядочения морской торговли судом часто должно применяться иностранное право [6, с. 49–50].

А.Ф. Федоров, рассматриваемый институт включал в более широкое понятие «морское торговое право», выступая также за его публично-правовые начала. Однако в зависимости от вида регулируемых правоотношений он разделял морское торговое право на частное, публичное и международное. «К частному морскому торговому праву принадлежат нормы, регулирующие отношения по морской торговле между частными лицами как членами одного и того же государства; к публичному – нормы, касающиеся отношений государства, как целого, к деятельности по морской торговле частных лиц; а к международному – нормы частного и публичного характера, обнимающие отношения по морской торговле как между государствами, так и между тем или другим государством и подданными другого государ-

ства, а равно различных государств как частными лицами» [8, с. 2]. Его позиция по вопросу невозможности слияния морского торгового права с национальным торговым и/или гражданским правом была аналогична позиции К.И. Малышева, объяснялась космополитическим характером морской перевозки грузов и необходимости применять иноместные нормы права.

Третья группа авторов отстаивала идею о включении рассматриваемого института в морское право как комплексную отрасль, содержащую нормы и публичного, и частного права. Так, О.Н. Нерсесов выделял государственное, международное и частное морское право, причем к частному морскому праву относил только купеческое мореходство, т.е. каботажное плавание, не считая внутренних морей и рек. Кроме того, ученый настаивал на включение в морское право вопроса о коллизии разноместных морских законов, который должен был решиться, по его мнению, изданием единого морского законодательства [7, с. 1].

Г.Ф. Шершеневич также разделял морское право на публичное (административное), частное (гражданское через торговое) и международное (торговое мореплавание в мирное и военное время). Морское право он рассматривал как комплексную отрасль, занимающую пограничное положение, поскольку «о стороны национального законодательства транспортные обязательства урегулированы гражданским, торговым и административным правом, а со стороны международного права теми отраслями, которые содержали регламентацию мореплавания в мирное и военное время» [9, с. 338].

Интересная с научной точки зрения позиция А.И. Доливо-Добровольского, который выделял частное, административное, публично-международное и частно-международное морское право. Он не разделял мнения вышеназванных ученых о необходимости тщательной изоляции гражданского и торгового права друг от друга, равно как не считал, что гражданскому праву чужды публично-правовые элементы. Закрепление частно-международного морского права вызвано необходимостью ликвидации всех споров о конфликте законов. Ученый отрицал идею закрепления морского торгового права в национальной системе права, объясняя свою позицию столкновением обычного, писаного и естественного права при регулировании правоотношений по морской перевозки грузов, и отстаивал идею его международного характера [3, с. 35].

Включение морского торгового права в национальную систему права, А.И. Доливо-Добровольский называл «аномалией» странной для XX в., поскольку судно, осуществляя морские перевозки, сосредотачивало в себе интересы многих национальностей, при этом в ходе плавания было вынуждено подчиняться такому количеству законодательств, сколько иностранных портов было у него на пути. В результате этих рассуждений, он пришел к заключению, что международное торговое право, куда входил и институт морской перевозки груза, должно развиваться исключительно в рамках международного права, это законодательство должно быть единым для всех народов, в противном случае из-за неустранимых противоречий будет утрачен весь смысл данной деятельности.

Полную поддержку данной идеи можно встретить в исследованиях Д.И. Азаревича, который весь объем норм, в том числе и обычных, регули-

рующих морскую перевозку, включает в морское торговое право как часть общего международного права» [1, с. 6–7].

Крайне интересной является позиция В.Э. Грабаря о правовой природе морской торговли и института морской перевозки груза. Рассматривая отдельно международное частное право, в рамках которого, в том числе он выделял и учение о столкновении (коллизии) гражданских законов разных государств, а также содействие судов в международном гражданском обороте, ученый, между тем, раскрывает международное гражданское право как обособившуюся отрасль международного права наравне с международным административным и международным уголовным правом. Причем спор об отнесении международного частного права к национальному или международному праву, по его мнению, мог касаться лишь вопроса коллизионного права. Это отступление важно в том ключе, что наравне с международным частным правом В.Э. Грабарь раскрывал и международное административное право, которое было призвано защищать внутригосударственные интересы. Анализируя работы отечественных и зарубежных юристов-международников, к содержанию международного административного права ученый отнес вопросы морского транспорта, торговли, железнодорожных перевозок, судоходства по международным рекам, почту, телеграф и др. По проблемам столкновения разноместных законодательств автор указывал на то, что «в международном административном праве имеется еще особый отдел коллизионного права» [5, с. 292]. Морское торговое право, согласно представлениям В.Э. Грабаря, составляло часть международного административного права.

Таким образом, в основе морской перевозки грузов лежит властное дозволение со стороны как отдельного взятого государства, так и всего мирового сообщества. Этот вывод подтверждает исторический анализ норм российского и зарубежного законодательства в области морских грузоперевозок, и факты исторического характера. Угасание морской торговли Древней Руси, эпизодическое торговое мореплавание во времена Московского государства, практически полное блокирование морской торговли в начале-середине XIX в. вплоть до перехода на «континентальную систему», современное состояние «санкционной войны» – все эти события являются прямыми доказательствами верности заявленного утверждения.

В отечественной доктрине XIX – начала XX в. сформировалась самостоятельная концепция международной публично-правовой природы института морской перевозки груза. Другими словами, к советскому периоду морское торговое право рассматривалось в нескольких направлениях: как самостоятельная отрасль национальной правовой системы, как подотрасль торгового права, как институт гражданского права, как институт международного частного права, как подотрасль международного административного права, как отрасль международного права. Однако ни одна из этих концепций не получила окончательного подтверждения, а на основании действующего законодательства (проект Уложения о торговом мореплавании так и не был утвержден) морское торговое право являлось структурной частью торгового права.

Библиографический список

1. *Азаревич Д.* Очерки по торговому праву. Вып. 1. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1897. – 88 с. [Электронный ресурс] // URL: http://elib.fa.ru/AVTOGRAF/azarevich.pdf/info (дата обращения: 01.11.2022).

2. *Акимов Н.Н.* Международная морская перевозка грузов как институт международного частного права // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 11 (212). – С. 59–63.

3. *Доливо-Добровольский А.И.* Закон и обычай в эволюции морского права // Вестник права. – 1902. – № 2. – С. 32–55.

4. *Евграфова И.В., Бутакова Н.А.* Доктрина «свободного моря» в сочинениях Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 4 (167). – С. 94–96.

5. *Иваненко В.С.* Профессор Владимир Эммануилович Грабарь: малоизвестные страницы научной биографии (к 155-летию со дня рождения) // Российский ежегодник международного права. – 2020. – Т. 2020. – С. 288–296.

6. *Малышев К.И.* Об учебной разработке торгового права в России (Вступительная лекция по торговому праву в С.-Петербургском университете 20 сентября 1875 г.) // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – Кн. 6. – Ноябрь-Декабрь. – С. 44–65.

7. *Нерсесов Н.О.* Морское право. – М., 1894. – 28 с. [Электронный ресурс] // URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/16017 (дата обращения: 01.11.2022).

8. *Федоров А.Ф.* Морское право. – Одесса, 1913. – 353 с. [Электронный ресурс] // URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/36548 (дата обращения: 01.11.2022).

9. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права. – Изд. 9-е, второе посмертное. – М.: Московское научное издательство, 1919. – 373 с.

Для цитирования: *Хабибулаев А.Х.* Концепции правовой природы института морской перевозки груза в отечественной доктрине дореволюционного периода: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 70–74.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_70

CONCEPTS OF THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF SEA TRANSPORTATION OF GOODS IN THE DOMESTIC DOCTRINE OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Ali Kh. Khabibulaev*

Annotation. The article is devoted to understanding the legal nature of the institution of sea transportation of goods in the domestic doctrine of the late XIX – early XX centuries. In the pre-revolutionary period, the institution under study, having the specifics of public international law, private international law, civil law, administrative law, and also due to its close connection with other related institutions of maritime law, has developed as an institution that cannot be regulated within one branch of law without taking into account all the features of its historical and legal specifics. In conclusion, the author comes to the conclusion that during the period under review, an

* **Khabibulaev Ali Khasbulaevich**, Associate Professor of the Department of Constitutional Law and Process of Law Institute (St. Petersburg), candidate of Law Sciences (PhD). E-mail: khabibulaev_ali@mail.ru

independent concept of the international public law nature of the institution of maritime transportation of goods was formed in various interpretations, which did not receive final confirmation, and maritime commercial law remained a structural part of commercial law.

Key words: international law, maritime shipping, maritime commercial law, merchant shipping.

The institution of maritime transportation of goods has been and remains a legal phenomenon. Throughout the history of its development, it has had a complex, mixed, indefinite legal nature; in fact, it is a legal institution sui generis. Therefore, its modern legal nature can be revealed through its legal basis, taking into account historical experience, including its individual stages.

An appeal to the history of navigation of the Ancient World shows that maritime transport had no legal basis, even at the level of common law, which is confirmed, among other things, by a series of naval conflicts that continued until the twentieth century. [2, p. 59]. The arbitrariness of states, along with maritime robbery, has traditionally been included in the risks of maritime trade. These circumstances indicate that the initial legal basis for merchant shipping is not the will of the parties, but the real possibility of going to sea, stipulated by public law at the international level.

The legal relations of maritime transportation were based on such principles as freedom of the seas, freedom of maritime trade, exclusivity of the nationality of the vessel, etc., related to public international law [4, p. 95]. In addition, if we look at modern history, the lack of coordination of the wills of state governments in this area leads to the fact that merchant shipping becomes unfeasible. This is evidenced by both the system of bilateral international agreements on trade and navigation of all maritime powers, starting from the 18th century, and the presence of international conventions, the ratification of most of which occurred only in the second half of the 20th century. Work in this direction continues to this day.

Thus, the basis for the carriage of goods by sea is not the will of the parties, but the authoritative permission, not only from an individual state, but from the entire world community.

Historically, the rules governing the institution of maritime transportation of goods arose from international maritime customs and were exclusively international in nature. Taken together, they were developed within the framework of trade law as a complex branch of law. The complex nature of the institution of maritime transportation was mentioned already in the first works of domestic researchers regarding merchant shipping in the second half of the 19th century, which are the subject of this study.

An analysis of theoretical domestic concepts regarding the determination of the legal nature of the institution of maritime transportation of goods during the period under review allows us to state that for the most part they come down to understanding this institution as an integral part of maritime or trade law, or maritime trade law with some features.

So, K.I. Malyshev defended the idea that the institution of maritime transportation is an integral part of trade law, which has an international legal character. In substantiating his position, he pointed out that the carriage of goods by sea

is not aimed at the implementation of trade legal relations, which, unlike civil law, are possible with elements of public law; The institutions of trade law, as well as trade itself, are international in nature. It was trade law that applied the conflict of laws method of legal regulation, since in order to streamline maritime trade, foreign law must often be applied by the court [6, p. 49–50].

A.F. Fedorov, the institution in question included “maritime trade law” in the broader concept, also advocating its public law principles. However, depending on the type of regulated legal relations, he divided maritime trade law into private, public and international. “Private maritime commercial law includes rules governing relations in maritime trade between private individuals as members of the same state; to the public – norms relating to the relations of the state as a whole to the maritime trade activities of private individuals; and to the international – norms of a private and public nature, embracing relations in maritime trade both between states, and between one or another state and the subjects of another state, as well as different states as private individuals" [8, p. 2]. His position on the impossibility of merging maritime trade law with national trade and/or civil law was similar to the position of K.I. Malyshev, was explained by the cosmopolitan nature of maritime transportation of goods and the need to apply foreign rules of law.

The third group of authors defended the idea of including the institution under consideration in maritime law as a complex branch containing rules of both public and private law. So, O.N. Nersesov distinguished state, international and private maritime law, and classified only merchant shipping as private maritime law, i.e. coastal navigation, not counting inland seas and rivers. In addition, the scientist insisted on including in maritime law the issue of conflict of different maritime laws, which should have been resolved, in his opinion, by issuing a unified maritime legislation [7, p. 1].

G.F. Shershenevich also divided maritime law into public (administrative), private (civil through trade) and international (merchant shipping in peacetime and war). He considered maritime law as a complex branch occupying a borderline position, since “from the side of national legislation, transport obligations are regulated by civil, commercial and administrative law, and from the side of international law, by those branches that contained the regulation of navigation in peacetime and wartime” [9, p. 338].

Interesting from a scientific point of view, the position of A.I. Dolivo-Dobrovolsky, who distinguished private, administrative, public-international and private-international maritime law. He did not share the opinion of the above-mentioned scientists on the need for careful isolation of civil and commercial law from each other, nor did he believe that public law elements were alien to civil law. The consolidation of private international maritime law is caused by the need to eliminate all disputes about conflict of laws. The scientist denied the idea of consolidating maritime trade law in the national legal system, explaining his position by the clash of customary, written and natural law in regulating legal relations regarding the carriage of goods by sea, and defended the idea of its international character [3, p. 35].

Inclusion of maritime trade law into the national legal system, A.I. Dolivo-Dobrovolsky called it an “anomaly” strange for the 20th century, since the

ship, carrying out sea transportation, concentrated the interests of many nationalities, while during the voyage it was forced to obey as many laws as there were foreign ports on its way. As a result of these considerations, he came to the conclusion that international trade law, which included the institution of maritime transportation of goods, should develop exclusively within the framework of international law, this legislation should be uniform for all peoples, otherwise it will be lost due to irremovable contradictions the whole point of this activity.

Full support for this idea can be found in the studies of D.I. Azarevich, who includes the entire volume of rules, including ordinary ones, regulating maritime transportation in maritime trade law as part of general international law" [1, p. 6–7].

Extremely interesting is the position of V.E. Grabar on the legal nature of maritime trade and the institution of maritime transportation of goods. Considering separately private international law, within the framework of which, among other things, he highlighted the doctrine of the collision (conflict) of civil laws of different states, as well as the assistance of courts in international civil circulation, the scientist, meanwhile, reveals international civil law as a separate branch of international law on a par with international administrative and international criminal law. Moreover, the dispute about classifying private international law as national or international law, in his opinion, could only concern the issue of conflict of laws. This digression is important in the sense that, along with private international law, V.E. Grabar also revealed international administrative law, which was designed to protect domestic interests. Analyzing the works of domestic and foreign international lawyers, the scientist included the issues of maritime transport, trade, railway transportation, navigation on international rivers, mail, telegraph, etc. in the content of international administrative law. Regarding the problems of conflict of different local legislations, the author pointed out that "in international administrative law also has a special department of conflict of laws" [5, p. 292]. Maritime trade law, according to the views of V.E. Grabar, formed part of international administrative law.

Thus, the basis for the carriage of goods by sea is the authoritative permission on the part of both an individual state and the entire world community. This conclusion is confirmed by a historical analysis of the norms of Russian and foreign legislation in the field of maritime cargo transportation, and facts of a historical nature. The extinction of the maritime trade of Ancient Rus', episodic merchant shipping during the time of the Muscovite state, the almost complete blocking of maritime trade in the early to mid–19th century. up to the transition to the "continental system", the current state of the "sanctions war" – all these events are direct evidence of the correctness of the stated statement.

In the domestic doctrine of the 19th – early 20th centuries. an independent concept of the international public legal nature of the institution of maritime transportation of goods was formed. In other words, by the Soviet period, maritime trade law was considered in several directions: as an independent branch of the national legal system, as a sub-branch of trade law, as an institution of civil law, as an institution of private international law, as a sub-

branch of international administrative law, as a branch of international law. However, none of these concepts received final confirmation, and on the basis of the current legislation (the draft Code of Merchant Shipping was never approved), maritime trade law was a structural part of trade law.

Bibliography

1. Azarevich D. Essays on trade law. Vol. 1. Warsaw: Typ. Warsaw educational district, 1897. 88 p. [Electronic resource] // URL: http://elib.fa.ru/AVTOGRAF/ azarevich.pdf/info (access date: 11/01/2022).

2. Akimov N.N. International maritime transportation of goods as an institution of private international law // Justice of Belarus. 2019. No. 11 (212). Pp. 59–63.

3. Dolivo-Dobrovolsky A.I. Law and custom in the evolution of maritime law // Bulletin of Law. 1902. No. 2. P. 32–55.

4. Evgrafova I.V., Butakova N.A. The doctrine of the "free sea" in the writings of Hugo Grotius // Eurasian Legal Journal. 2022. No. 4 (167). Pp. 94–96.

5. Ivanenko V.S. Professor Vladimir Emmanuilovich Grabar: little-known pages of scientific biography (on the 155th anniversary of his birth) // Russian Yearbook of International Law. 2020. T. 2020. Pp. 288–296.

6. Malyshev K.I. On the educational development of trade law in Russia (Introductory lecture on trade law at St. Petersburg University on September 20, 1875) // Journal of Civil and Criminal Law. 1875. Book. 6. November-December. Pp. 44–65.

7. Nersesov N.O. Maritime law. Moscow, 1894. 28 p. [Electronic resource] // URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/16017 (access date: 11/01/2022).

8. Fedorov A.F. Maritime law. Odessa, 1913. 353 p. [Electronic resource] // URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/36548 (access date: 11/01/2022).

9. Shershenevich G.F. Textbook of commercial law. Ed. 9th, second posthumous. Moscow: Moscow Scientific Publishing House, 1919. 373 p.

For citation: Khabibulaev A.Kh. Concepts of the legal nature of the institution of sea transportation of goods in the domestic doctrine of the pre-revolutionary period: article // Legal Thought. 2024. No. 1 (133). P. 74–78.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_70

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_79

МЕХАНИЗМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

М.В. Щербаков*

Аннотация. В статье анализируются механизмы нормативно-правового обеспечения безопасности личности в Российской Федерации и в ряде зарубежных стран. Развитие общества обусловило не только осознание ценности и неотъемлемости основных прав и свобод личности, но и весьма остро поставило вопрос об их защите от противоправных посягательств, как на национальном, так и на международном уровне. Устав Организации Объединенных Наций, закрепляя принцип уважения прав личности, впервые указал и возможности для их защиты.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Организация Объединенных Наций, свобода личности, безопасность личности, нормативно-правовое регулирование.

Безопасность человека и гражданина проявляется во всех сферах общественных отношений, значимых для существования и развития личности. В настоящее время целесообразно говорить о гражданине, отличая его от человека (личности), в контексте некоторых политических прав, связанных с участием в управлении делами государства (избирательные права, право на доступ к государственной или муниципальной службе), а также некоторых социальных прав (право на социальное обеспечение, в том числе пенсионное). Что касается остальных прав, то всем физическим лицам вне зависимости от гражданства принадлежат общепризнанные гражданские (личные), экономические, культурные права, а также ряд политических и социальных прав.

Реализация прав и их защита едва ли принципиально разделимы, поскольку *оба механизма преследуют общие цели*. К таким целям правореализации и правозащиты относятся:

* **Щербаков Михаил Владимирович** – магистрант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

– создание условий для соблюдения интересов личности, связанных с ее правами;

– получение материальных и нематериальных благ, являющихся закономерным результатом реализации права и в некоторых случаях – его защиты;

– обеспечение эффективной корреляции между гарантированными и защищаемыми правами и соответствующими им обязанностями иных субъектов права; – доступ к необходимым инструментам реализации и защиты прав;

– предупреждение возможных нарушений прав человека, а в некоторых ситуациях – пресечение имеющих место нарушений, устранение их неблагоприятных последствий путем восстановления нарушенных прав.

Реализацию субъективного права можно определить как осуществление составляющих его содержание правомочий в целях реализации гарантированных им (правом) правовых интересов.

В этом смысле механизм реализации и защиты прав человека и гражданина представляет собой систему методов и инструментов осуществления того или иного права, организованных функционально и хронологически.

Такой механизм включает в себя нормативные и организационные средства.

К числу *нормативных средств* относятся соответствующие положения законодательства и международного права, устанавливающие права и свободы человека и гражданина и гарантирующие их обеспечение и осуществление (например, Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Международный пакт о гражданских и политических правах).

К *организационным средствам* механизма реализации и защиты прав человека и гражданина можно отнести разного рода публичные институты и процессуальные приемы, используемые для такой защиты и реализации (это, например, судебные органы, прокуратура, омбудсмен, Европейский суд по правам человека), а также процессуальные институты обжалования действия административных органов, судебные иски, жалобы в международные инстанции.

Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина разнообразны. В зависимости от особенностей этих механизмов их подразделяют на несколько классификационных групп.

Так, *по степени автономности личности* при осуществлении прав и их защите можно выделить следующие виды механизмов реализации и защиты прав человека и гражданина.

– Осуществляемые индивидом самостоятельно, вне зависимости от других субъектов (в том числе публичных институтов). Это, например, отказ от встречного исполнения обязательства, удержание аванса, взыскание неустойки. Очевидно, такие механизмы в большей степени характерны для гражданско-правовых отношений, основанных на автономии воли участников без вмешательства лиц со стороны.

– Инициируемые индивидом по собственному желанию, но реализуемые в дальнейшем посредством применения специальных публичных ин-

ститутов. Например – судебная защита права: по общему правилу лицо самостоятельно начинает соответствующую процедуру, но ее ход и результат во многом зависят от эффективности соответствующий публичной системы (исковое производство).

По уровню *правовой регламентации* можно выделить два основных вида механизмов реализации и защиты прав человека: международные и внутригосударственные.

Внутригосударственные механизмы также можно дифференцировать по уровню государственной власти (государственные и местные, федеральные, региональные, муниципальные); по отношению к государственной власти (государственные и общественные); по принципу разделения властей (законодательные, исполнительные, судебные, контрольные) и т. д.

Международные механизмы реализации и защиты прав человека также разнообразны: они подразделяются на универсальные, региональные и локальные (по географическому охвату); судебные, квазисудебные и несудебные; общие и специальные.

Признание Конституцией Российской Федерации [14] приоритета общепризнанных принципов и норм международного права повлекло активную законотворческую деятельность, направленную на создание эффективного механизма противодействия нарастающей криминализации общества в части посягательств на «естественные», «незыблемые» и «неотчуждаемые» права и свободы человека.

Начало целенаправленной деятельности мирового сообщества по защите прав и свобод личности связано с подписанием Берлинского генерального акта 1885 г., Брюссельского Генерального акта и Декларации 1890 г., установившими международные средства противодействия рабству «во всех его формах на суше и море». Следующим этапом по обеспечению свободы человека явилось создание 12 июня 1924 г. Советом Лиги Наций Временной комиссии о рабстве и подписание по итогам работы данной комиссии в Женеве 25 сентября 1926 г. Конвенции о рабстве, декларирующей комплекс мер «практического осуществления намерений в отношении рабства» [24, с. 525].

В целях противодействия использованию принудительного труда на Генеральной конференции Международной организации труда 28 июня 1930 г. была принята Конвенция, в соответствии с которой принудительный труд подразумевал всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг.

Последовательная разработка норм международного права по обеспечению безопасности человека предопределила принятие Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщей Декларации прав человека, согласно которой каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность, никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии, рабство и работорговля запрещены во всех их видах [1].

30 апреля 1957 г. вступила в силу Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством, касающаяся отмены:

– «долговой кабалы, возникающей вследствие заклада должником в обеспечение долга своего личного труда или труда зависимого от него лица, если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен»;

– «крепостного состояния, то есть пользования землей, при котором пользователь обязан жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, выполнять определенную работу для такого другого лица за вознаграждение или без такового и не может изменить это свое состояние»;

– «любого института или обычая, в силу которых женщину выдают замуж без права отказа с ее стороны за вознаграждение или натурой...».

Наметившиеся в международном праве положительные тенденции по законодательной регламентации «естественного состояния человека от рождения» предопределили формирование правовых основ обеспечения безопасности личности в национальной системе права. В России 12 января 1918 г. была принята Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, в соответствии с которой провозглашались «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком» и «полное устранение деления общества на классы» [2].

В качестве приоритетного направления в международной и внутренней политике в Конституции РСФСР 1918 г. были обозначены признание, разработка и реализация мер, противодействующих «варварской политике буржуазной цивилизации» и «порабощению сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах мира» [28, с. 199–201].

В соответствии с международными и конституционными принципами разрабатывались нормы уголовного законодательства, устанавливающие наказание в виде лишения свободы в отношении «частных лиц, нарушивших порядок предоставления работы».

Декрет СНК от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» устанавливал ответственность за нарушение предписаний указанного закона до одного года лишения свободы [7]. Формирование основ уголовно-правовой защиты личности завершилось принятием УК РСФСР 1922 г., в содержании которого была выделена гл. V, посвященная преступлениям против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности [9]. Специальной регламентации последовательно подвергались конкретные виды убийства, телесные повреждения и насилия над личностью, оставление в опасности, иные посягательства на личность и ее достоинство. Обеспечению безопасности здоровья населения известным образом содействовал уголовно-правовой запрет на нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок (гл. VIII).

Забота о сохранении здоровья трудящимся прослеживается в Декрете СНК от 27 апреля 1922 г. «О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда» [8]. В развитие положений Декларации 1918 г. и Конституции РСФСР 1918 г. Конституция РСФСР 1925 г. в ст. 13 устанавливает недопустимость «какого бы то ни было угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия» [3].

В процессе регламентации «форм хозяйства» и регулирования «мелкого частного хозяйства» в ст. 9 Конституции РСФСР 1937 г. подчеркивалась несовместимость их деятельности с «эксплуатацией чужого труда». В гл. XI «Основные права и обязанности граждан» указывалось, что «непреложным законом» является «равноправие граждан РСФСР независимо от их национальности и расы», какое то ни было установление прямых или косвенных преимуществ граждан «карается законом» [4].

Законодательному оформлению в Особенной части Уголовного кодекса РСФСР подлежали убийства, доведение до самоубийства, телесные повреждения, другие насильственные действия, незаконное лишение свободы, оставление в опасности, иные посягательства на личность и ее достоинство (гл. VIII УК РСФСР) [9]. Защита жизни и здоровья личности уголовно-правовыми средствами обеспечивается посредством принятия новых нормативно-правовых актов. Руководствуясь нормами международного и конституционного права, Верховный Совет СССР от 25 декабря 1958 г. принимает Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» предусматривает самостоятельную статью, регламентирующую запрет на нарушение национального и расового равноправия. Совершение указанного преступления влечет наказание от шести месяцев до трех лет лишения свободы или ссылку на срок от двух до пяти лет (ст. 11) [6]. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. закрепил главу, обеспечивающую защиту жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Глава III последовательно устанавливает запрет на совершение преступлений против жизни, здоровья, противоправных деяний, ставящих в опасность жизнь и здоровье [10]. Особого внимания в указанном перечне заслуживают преступления против личной свободы, преступления против чести, достоинства и личной тайны.

Специальной регламентации подлежали преступления против политических и трудовых прав граждан (гл. IV). Уголовно-правовой охране интересов личности наряду с иными объектами способствует гл. XI, раскрывающая преступления, составляющие пережитки местных обычаев [10].

Сохраняя преемственность принципов Конституции РСФСР 1918 г., Конституции РСФСР 1925 г., Конституции РСФСР 1937 г., Конституция РСФСР 1978 г. в гл. II «Государство и личность» провозглашает равноправие «во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни», «интернационализм», «сближение всех наций и народностей», «интернациональный долг – содействие развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержание и укрепление всеобщего мира» и промульгирует ответственность за «установление преимуществ и всякую проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения» [5].

В настоящее время к конституционно-правовым нормам, закрепляющим права человека и гражданина, включая право на личную безопасность относятся: право человека на жизнь (ст. 20 Конституции РФ); право на свободу от пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ст. 21 Конституции РФ); право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) [14].

Ст. 20 Конституции РФ закрепляет право каждого на жизнь, предусматривает обязанность государства прилагать усилия, направленные на предотвращение условий, которые могут привести к утрате жизни, на пресечение преступных посягательств на жизнь, и наказание за действия, влекущие за собой смерть людей.

Право граждан на свободу от пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания направлено на охрану здоровья. Именно в результате пытки, насилия, другого жестокого обращения или наказания можно причинить существенный вред здоровью человека.

Данное право пришло в Конституцию Российской Федерации из Международных пактов (ст. 5 Всеобщей Декларации прав человека [1]; ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах [12]; ст. 3 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод [13] и др.).

Российская Конституция признала данное право человека и гражданина, закрепив его в ч. 2. ст. 21: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» [14].

Право неприкосновенности личности впервые юридически было закреплено в 1215 году в Великой Хартии вольностей [19]. Наиболее четко оно было сформулировано в эпоху буржуазных революций. Так, право неприкосновенности личности находит закрепление в Британском Хабеас Корпус Акте (1679 г.) [16], во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (п. 2, 7) [18], в Билле о правах США 1791 г. (поправки 4 и 5) [17].

Право неприкосновенности личности – важнейшее демократическое право, получившее правовое признание не только на уровне конституций отдельных государств, но и в международных актах. В частности, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [1] и Международный Пакт о гражданских и политических правах человека 1966 г. [12] закрепляют право каждого человека на свободу и, соответственно, личную неприкосновенность.

В настоящее время крайне сложно найти государство, конституция которого не говорила бы в той или иной форме о праве неприкосновенности личности.

Так Конституция РФ в целом направлена на обеспечение нормального существования человека. Поскольку, и экономика, и политика, и культура, и идеология, и личная свобода служат, в конечном счете, одной цели – воспроизводству жизни и нормальных условий существования человека. Поэтому Конституцию, закрепляющую основы общественного строя и политики, правового положения граждан, организации и деятельности государства, можно назвать нормативным актом, содержащим одно универсальное право человека и гражданина – право на нормальное существование личности [14].

Поскольку Конституция РФ является ядром российского права, то конституционные нормы, закрепляющие права на жизнь, здоровье и фи-

зическую свободу, являются ядром института личной безопасности граждан. Их функциональное назначение заключается в гарантировании реализации отраслевых норм института личной безопасности граждан.

Каждая правовая норма должна быть действенной, эффективной, а для этого должны существовать гарантии ее реализации, соответственно, любая правовая норма может рассматриваться в качестве объекта гарантирования; в то же время она может рассматриваться в качестве гарантии других правовых норм, исходя из ее роли в системе права.

Законодательная практика утвердительно ответила на теоретическое предположение о том, что есть нормы, имеющие своим функциональным назначением обеспечение реализации других норм.

Гарантирующие нормы – это нормы Конституции, назначение которых состоит в обеспечении предписаний других норм. По своей сущности они являются установлениями общего характера, указывающими государству, его органам, общественным организациям и гражданам определенный вариант поведения, направленного на обеспечение реальных условий для осуществления тех прав, которые записаны в охраняемой ими норме [26, с. 9].

Статьи 20, 21, 22 Конституции РФ являются гарантирующими нормами [14]. Их назначение состоит в обеспечении предписаний отраслевых норм, регулирующих сферу личной безопасности граждан. По существу, они являются установлениями общего характера, которые указывают государству, его органам, общественным организациям и гражданам определенный вариант поведения, направленного на обеспечение условий беспрепятственного пользования правами на жизнь, здоровье и физическую свободу.

Особенность данных конституционных правовых норм заключается в их универсальности, поскольку их реализация выступает необходимой предпосылкой для осуществления всех остальных субъективных прав граждан, ведь чтобы воспользоваться каким-либо субъективным правом, прежде всего, нужно быть живым, здоровым и физически свободным.

По сути, являясь ядром института личной безопасности граждан, конституционные нормы, закрепляющие универсальные права человека и гражданина на жизнь, здоровье и физическую свободу, выступают конституционно-правовыми гарантиями личной безопасности граждан. Они обеспечивают условия реализации не только отраслевых прав, входящих в институт личной безопасности граждан, но и остальных субъективных прав, так как для их осуществления, в первую очередь, необходимо быть живым, здоровым и физически свободным.

В зарубежных странах также немаловажную роль в процессе формирования эффективных систем, методов и форм обеспечения безопасности личности также играет законодательство.

Например, в Германии весомым международным правовым актом является Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), которая регламентирует право на жизнь и указывает на то, что право каждого лица на жизнь охраняется законом, никто не может быть умышленно лишен жизни, иначе как во исполнение смертель-

ного приговора, вынесенного судом за совершенные преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание [13].

Необходимо отметить, что существенную роль в регулируемых правоотношениях в сфере обеспечения безопасности личности играют Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. [11], Международный Пакт о гражданских и политических правах [12], Европейская стратегия безопасности «Безопасная Европа в лучшем мире» [20] и др.

К основополагающему нормативно-правовому акту Германии в сфере обеспечения безопасности личности относится Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland), в котором говорится о том, что достоинство человека неприкосновенно, уважение и его защита – обязанность всякой государственной власти (п. 1 ст. 1 Закона), кроме того, указывается на то, что немецкий народ считает неприкосновенные и неотчуждаемые права человека основой всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле (п. 2 ст. 1 Закона) [25].

Также в ст. 2 Закона указывается на то, что каждый имеет право на свободное развитие своей личности (в случае если он не нарушает прав других лиц и не посягает на конституционный порядок или нравственный закон), а также право на жизнь и физическую неприкосновенность, верховенство личности абсолютно. Вмешательство в эти права допускается только на основании закона [25].

Следовательно, указанными статьями на государство официально возлагается ответственность за каждого человека, который находится на его территории, и обязанность защитить жизнь и здоровье каждого, то есть обеспечить его безопасность.

Под безопасностью понимается неприкосновенность объективного (формально выраженного) закона, прав и законных интересов личности, учреждений и организаций, государства, а также других формирований.

Еще одним значимым нормативно-правовым актом в сфере обеспечения безопасности личности в Германии является «Стратегия безопасности Германии» (Eine Sicherheitsstrategie für Deutschland) утвержденная Решением фракции Бундестага от 6 мая 2008 г., целью принятия которой является минимизация возникновения потенциальных угроз безопасности в Германии и возможность быстрого и эффективного реагирования на них, а также установление стабильности и исключение возможности возникновения кризиса [27].

К наиболее опасным угрозам безопасности Стратегия относит такое явление, как транснациональный терроризм, для борьбы с которым необходимо внедрение новой политики безопасности в государстве, выраженной в международном сотрудничестве и взаимодействии внешней политике. Политика безопасности должна предотвращать террористические операции и защищать одновременно глобальную инфраструктуру. В ходе реализации данной политики подразумевается создание коллективной системы безопасности на территории Европы. Также к одной из сфер немецкой политики безопасности относится ориентирование на воздей-

ствия и изменения климата и преодоление защитно-релевантных последствий [27].

Таким образом, исходя из вышеуказанных источников права Германии, можно сделать вывод о том, что правовые основы и гарантии обеспечения безопасности личности в целом ориентированы на международно-правовое законодательство.

Внутренние нормативно-правовые акты Германии, регулирующие эту сферу, весьма разобщены и ориентированы на Основной закон Германии (имеющий общий характер).

В Российской Федерации, в отличие от Германии, система законодательства в сфере обеспечения безопасности личности выглядит наиболее разработанной и структурированной.

Федеральные нормативно-правовые акты Российской Федерации и нормативные акты её субъектов практически всегда аналогичны по строению и соответствуют друг другу по содержанию с включением соответствующих особенностей субъекта, в целом в России соблюдается принцип единообразия, за счет которого во многом и обеспечивается эффективная, централизованная политика обеспечения безопасности личности.

Отметим, что все вышеперечисленные международные документы впоследствии оказали влияние на конституционное законотворчество различных стран, в том числе, например, Казахстана, где в частях 1 и 3 ст. 4 Конституции указано:

«1. Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Совета и Верховного суда Республики»

«3. Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона» [22].

Уважение принципов и норм международного права Республикой Казахстан, как записано в статье 8 её Конституции, означает, что страна выражает официальное согласие сотрудничать с другими государствами на основе признания суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного разрешения международных споров [22].

Абсолютного приоритета норм международного права не признает ни одно государство в мире. Являющийся приоритетным в системе актов международного права Устав ООН гарантирует им суверенное равенство и территориальную целостность [23, с. 27].

Тем не менее, ни одно государство не может считаться правовым без соблюдения общепризнанных международных стандартов в сфере закрепления прав человека и создания механизма их защиты.

Конституционные суды (Испания, Германия, Россия, Италия); Конституционные Советы (Франция, Казахстан); медиатор – посредник (Франция); омбудсмены (Швеция, Великобритания и др.) – это лишь некоторые из форм существующих правозащитных механизмов. Мировое сообщество,

признавая необходимость международных механизмов защиты прав человека, не ограничивается одним лишь подписанием конвенций, а активно поддерживает деятельность ООН по созданию специализированных учреждений.

Например, Международная организация труда (МОТ) является ответственной за защиту прав трудящихся, деятельность профсоюзов, развитие иных социально-экономических прав личности. Организация образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация по миграции (МОМ), соответственно, защищают права граждан в указанных сферах.

Республика Казахстан является официальным членом ООН, ОБСЕ, ЮНЕСКО, ВОЗ, МОМ, Интерпол и ряда других международных организаций и учреждений, имеющих непосредственное отношение к защите прав человека. Вступив в данные организации, Казахстан официально принял на себя обязательства по соблюдению международных договоров и конвенций, разработанных ими в целях обеспечения прав личности. За короткий в историческом плане период с момента обретения суверенитета Казахстан сформировал достаточно обширную международно-правовую базу.

Республикой Казахстан заключено свыше 2300 международных договоров, различных по уровню, предмету регулирования, порядку вступления и важности поднимаемых вопросов. Говоря о реализации норм международных договоров на территории республики, сложно однозначно утверждать об их неукоснительном выполнении. В этом отношении существуют определенные трудности. Естественно, как и любое другое государство, Казахстан в ходе обеспечения исполнения своих международных обязательств стремится преодолеть имеющиеся проблемные вопросы. Эти вопросы связаны как с несовершенством правовых механизмов, так и с отсутствием политической воли [15, с. 3].

Институт Уполномоченного по правам человека специально в целях обеспечения гарантий защиты прав и свобод граждан был учрежден в Казахстане в 2002 году.

Важно отметить, что после обнародования в 1991 году Парижских принципов, регламентирующих процессы формирования национальных учреждений по правам человека, институты омбудсмена появились во многих странах Восточной Европы. Маастрихтский договор 1992 г. ввел в систему органов Европейского Союза институт омбудсмена. Совет Европы учредил должность комиссара по правам человека Совета Европы.

Упрочение омбудсменовской идеи в мире – закономерный итог демократизации общества. Омбудсмен является дополнительным институтом по отношению к иным правозащитным механизмам, гарантом против нарушений прав граждан государственными органами и должностными лицами. Он представляет собой редкий тип государственно-правовых институтов, который, не изменяя своей основной природе и содержанию, обладает способностью к модификациям. Каждый омбудсмен работает в условиях, характерных для его страны. С учетом этого организации и способы функционирования института омбудсмена различны. Национальные особенности отдельных стран, оригинальные правовые и административные систе-

мы влекут за собой многообразие форм данного института [21], однако с момента своего возникновения данный институт исторически связан с концепцией парламентаризма и является реализацией идеи представительной демократии с ее принципом разделения властей, верховенством закона и ведущей роли парламента в утверждении и развитии отношений социальной справедливости и правопорядка.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что безопасность личности занимает особое место не только в системе национальной безопасности России, но и на международном уровне, и является конечной целью всех процессов обеспечения государственной и общественной безопасности.

Безопасность человека допускает отклонения в сторону повышенной защиты государственных или общественных ценностей, но только в том случае, если это не нарушает существа охраняемых конституцией прав и свобод и носит временный характер. Любые ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина не могут быть оправданы интересами общественной или государственной безопасности, если при этом утрачивается безопасность самого индивида.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа [Принята III Всероссийским съездом Советов] // https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/?ysclid=lwx68vullm248241157

3. Конституция (Основной закон) РСФСР в редакции от 18 мая 1929 г. // https: //constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/?ysclid=lwx6osf1ok543572489

4. Конституция (Основной закон) РСФСР в редакции от 21 января 1937 г. // https: //constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/?ysclid=lwx6tzx9g3697782232

5. Конституция РСФСР в редакции от 12 апреля 1978 г. // https: // constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/?ysclid=lwx6w86suq666703464

6. Закон СССР от 25.12.1958 "Об уголовной ответственности за государственные преступления" // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1. Ст. 8.

7. Декрет Совета Народных Комиссаров (О восьмичасовом рабочем дне) // https: //constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5306/?ysclid=lwx6ecgmam369157788

8. Декрет Совета Народных Комиссаров «О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда». 27 апреля 1922 г. // Распубликован в № 101 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 9 мая 1922 г. // https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351166

9. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf

10. "Уголовный кодекс РСФСР" (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. "Международный пакт о гражданских и политических правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

14. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

15. *Ахметов А.А.* Вопросы реализации норм международных договоров на территории Республики Казахстан: Автореф. дисс. … канд.юрид.наук. – Алматы, 2008. – 27 с.

16. Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (Habeas Corpus Act) от 26 мая 1679 г. // СПС «КонсультантПлюс».

17. Билль о правах США 1791 г. // СПС «КонсультантПлюс».

18. Декларация прав человека и гражданина: принята депутатами Генеральных штатов 24 августа 1789 года // СПС «КонсультантПлюс».

19. Документы. Англия. Великая хартия вольностей: текст // https: // vostlit.info/ Texts/Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_ 1215.phtml?id=12823&ysclid=lwx7a8bpie476152307

20. Европейская стратегия безопасности «Безопасная Европа в лучшем мире» // URL: http://www.consilium.europa.eu

21. *Калиева Г.С.* Административно-правовые основы деятельности Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан: Дисс. канд.юрид.наук. – Алматы, 2009. – 168 с.; *Сагынбекова, Г. М.* Международные механизмы защиты прав личности / Г. М. Сагынбекова. // Молодой ученый. – 2010. – № 8 (19). – Т. 2. – С. 91–93 // URL: https://moluch.ru/archive/19/1973/

22. Конституция Республики Казахстан // https://www.akorda.kz/ru/official docu ments/constitution

23. *Котов А.* Действие и развитие Конституции Республики Казахстан // Юрист. – № 8. – 2004. – С. 26–29.

24. Международные акты о правах человека: сб. документов / сост. и авт. вступ. ст. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – 2-е изд., доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2002. – 944 с.

25. Основной закон Федеративной Республики Германия (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) от 23 мая 1949 г. // URL: http://www.gesetzesweb.de

26. *Рудинский Ф.М.* Жизнь и здоровье советского человека как объект конституционной охраны // Советское государство и право. 1979. № 1. С. 9–12.

27. Стратегия безопасности Германии: решение фракции Бундестага от 6 мая 2008 г. // URL: http://www.cdu.de

28. *Чистяков, О. И.* Конституция РСФСР 1918 года / О. И. Чистяков. – М.: Зерцало-М, 2003. – 224 с.

Для цитирования: *Щербаков М.В.* Механизмы нормативно-правового обеспечения безопасности личности в России и зарубежных странах: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 79–90.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_79

MECHANISMS OF REGULATORY AND LEGAL SUPPORT FOR PERSONAL SECURITY IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Mikhail V. Shcherbakov*

Annotation. The article analyzes the mechanisms of legal and regulatory support for personal security in the Russian Federation and in a number of foreign countries. The development of society has led not only to the awareness of the value and inalienability of fundamental rights and freedoms of the individual, but also very acutely raised the issue of their protection from unlawful attacks, both at the national and international levels. The Charter of the United Nations, while enshrining the principle of respect for individual rights, also indicated for the first time the possibilities for their protection.

Key words: Constitution of the Russian Federation, United Nations, personal freedom, personal security, legal regulation.

The security of a person and a citizen is manifested in all spheres of social relations that are significant for the existence and development of the individual. Currently, it is advisable to talk about a citizen, distinguishing him from a person (individual), in the context of some political rights associated with participation in the management of state affairs (voting rights, the right to access state or municipal services), as well as some social rights (the right for social security, including pensions). As for other rights, all individuals, regardless of citizenship, have generally recognized civil (personal), economic, cultural rights, as well as a number of political and social rights.

The realization of rights and their protection are hardly fundamentally separable, since both mechanisms pursue common goals. Such goals of legal implementation and human rights protection include:

– creation of conditions for respecting the interests of the individual related to his rights;

– receipt of material and intangible benefits that are a natural result of the implementation of the right and, in some cases, its protection;

– ensuring effective correlation between guaranteed and protected rights and the corresponding obligations of other legal entities; – access to the necessary tools for the implementation and protection of rights;

– preventing possible violations of human rights, and in some situations – suppressing existing violations, eliminating their adverse consequences by restoring violated rights.

* **Shcherbakov Mikhail Vladimirovich –** master's student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

The implementation of a subjective right can be defined as the exercise of the powers that constitute its content in order to realize the legal interests guaranteed by it (the law).

In this sense, the mechanism for the implementation and protection of human and civil rights is a system of methods and tools for the implementation of a particular right, organized functionally and chronologically.

Such a mechanism includes regulatory and organizational means.

Regulatory means include the relevant provisions of legislation and international law that establish the rights and freedoms of man and citizen and guarantee their implementation and implementation (for example, the Constitution of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the International Covenant on Civil and Political Rights).

The organizational means of the mechanism for the implementation and protection of human and civil rights include various kinds of public institutions and procedural techniques used for such protection and implementation (for example, the judiciary, the prosecutor's office, the ombudsman, the European Court of Human Rights), as well as procedural institutions appeals against the actions of administrative bodies, lawsuits, complaints to international authorities.

The mechanisms for the implementation and protection of human and civil rights are varied. Depending on the characteristics of these mechanisms, they are divided into several classification groups.

Thus, according to the degree of autonomy of the individual in the exercise of rights and their protection, the following types of mechanisms for the implementation and protection of human and civil rights can be distinguished.

– Carried out by the individual independently, regardless of other entities (including public institutions). This is, for example, refusal to counterfulfill an obligation, withholding an advance payment, or collecting a penalty. Obviously, such mechanisms are more characteristic of civil legal relations based on the autonomy of the will of the participants without the intervention of outsiders.

– Initiated by the individual at his own request, but subsequently implemented through the use of special public institutions. For example, judicial protection of rights: as a general rule, a person independently begins the corresponding procedure, but its progress and result largely depend on the effectiveness of the corresponding public system (claim proceedings).

Based on the level of legal regulation, two main types of mechanisms for the implementation and protection of human rights can be distinguished: international and domestic.

Intrastate mechanisms can also be differentiated by the level of government (state and local, federal, regional, municipal); in relation to state power (state and public); according to the principle of separation of powers (legislative, executive, judicial, control), etc.

International mechanisms for the implementation and protection of human rights are also diverse: they are divided into universal, regional and local (according to geographical scope); judicial, quasi-judicial and non-judicial; general and special.

Recognition by the Constitution of the Russian Federation [14] of the priority of generally recognized principles and norms of international law entailed active legislative activity aimed at creating an effective mechanism to counter the growing criminalization of society in terms of attacks on “natural,” “immutable” and “inalienable” human rights and freedoms.

The beginning of the purposeful activities of the world community to protect individual rights and freedoms is associated with the signing of the Berlin General Act of 1885, the Brussels General Act and the Declaration of 1890, which established international means of combating slavery “in all its forms on land and sea.” The next stage in ensuring human freedom was the creation on June 12, 1924 by the Council of the League of Nations of the Temporary Commission on Slavery and the signing, following the results of the work of this commission in Geneva on September 25, 1926, of the Slavery Convention, declaring a set of measures for the “practical implementation intentions regarding slavery" [24, p. 525].

In order to combat the use of forced labor, the General Conference of the International Labor Organization adopted the Convention on June 28, 1930, according to which forced labor meant all work or service required of a person under threat of any penalty for which that person did not volunteer her services.

The consistent development of international law to ensure human security predetermined the adoption by the UN General Assembly on December 10, 1948 of the Universal Declaration of Human Rights, according to which every person has the right to freedom and security of person, no one should be held in slavery or servitude, slavery and the slave trade prohibited in all their forms [1].

On April 30, 1957, the Supplementary Convention for the Abolition of Slavery, the Slave Trade and Institutions and Practices similar to Slavery came into force, relating to the abolition of:

✓ “debt bondage arising as a result of the debtor pledging his personal labor or the labor of a person dependent on him to secure the debt, if the duration of this work is not limited and its nature is not defined”;

✓ “serfdom, that is, the use of land in which the user is obliged to live and work on land owned by another person, to perform certain work for such another person with or without compensation and cannot change this state”;

✓ “any institution or custom by virtue of which a woman is given in marriage without the right of refusal on her part for payment or in kind...”.

The positive trends emerging in international law regarding the legislative regulation of the “natural state of man from birth” predetermined the formation of the legal framework for ensuring personal security in the national legal system. In Russia, on January 12, 1918, the Declaration of the Rights of the Working and Exploited People was adopted, according to which the “abolition of all exploitation of man by man” and the “complete elimination of the division of society into classes” were proclaimed [2].

As a priority direction in international and domestic policy, the Constitution of the RSFSR of 1918 identified the recognition, development and implementation of measures to counter the “barbaric policy of bourgeois civilization” and “the enslavement of hundreds of millions of the working population in Asia, in the colonies in general and in small countries of the world” [28, p. 199–201].

In accordance with international and constitutional principles, norms of criminal legislation were developed that established punishment in the form of imprisonment in relation to “private individuals who violated the procedure for providing work.”

The Decree of the Council of People's Commissars of October 29, 1917 “On the eight-hour working day” established liability for violating the provisions of this law up to one year in prison [7]. The formation of the foundations of criminal legal protection of the individual ended with the adoption of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, in the content of which Ch. V, dedicated to crimes against life, health, freedom and dignity of the individual [9]. Specific types of murder, bodily injury and violence against the person, leaving in danger, and other attacks on the person and her dignity were consistently subject to special regulation. Ensuring the safety of public health was in a certain way facilitated by the criminal law prohibition on violating the rules protecting public health, public safety and public order (Chapter VIII).

Concern for maintaining the health of workers can be traced in the Decree of the Council of People's Commissars of April 27, 1922 “On penalties for violating labor protection regulations” [8]. In development of the provisions of the Declaration of 1918 and the Constitution of the RSFSR of 1918, the Constitution of the RSFSR of 1925 in Art. 13 establishes the inadmissibility of “any kind of oppression of national minorities or restrictions on their equality” [3].

In the process of regulating “forms of farming” and regulating “small private farming” in Art. 9 of the Constitution of the RSFSR of 1937 emphasized the incompatibility of their activities with the “exploitation of other people’s labor.” In ch. XI “Fundamental Rights and Responsibilities of Citizens” it was stated that the “immutable law” is “the equality of rights of citizens of the RSFSR, regardless of their nationality and race”, any establishment of direct or indirect advantages of citizens is “punishable by law” [4].

Legislation in the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR was subject to murder, incitement to suicide, bodily harm, other violent acts, unlawful deprivation freedom, leaving in danger, other attacks on the person and her dignity (Chapter VIII of the Criminal Code of the RSFSR) [9]. Protection of the life and health of individuals by criminal legal means is ensured through the adoption of new regulations. Guided by the norms of international and constitutional law, the Supreme Soviet of the USSR on December 25, 1958 adopted the USSR Law “On criminal liability for state crimes" provides for an independent article regulating the prohibition of violation of national and racial equality. The commission of this crime entails a punishment of six months to three years of imprisonment or exile for a term of two to five years (Article 11) [6]. The Criminal Code of the RSFSR of 1960 established a chapter ensuring the protection of life, health, freedom and dignity of the individual. Chapter III consistently establishes a ban on committing crimes against life, health, and unlawful acts that endanger life and health [10]. Crimes against personal freedom, crimes against honor, dignity and personal secrets deserve special attention in this list.

Crimes against the political and labor rights of citizens were subject to special regulation (Chapter IV). The criminal legal protection of the interests of

the individual, along with other objects, is promoted by Ch. XI, revealing crimes that are remnants of local customs [10].

While maintaining the continuity of the principles of the Constitution of the RSFSR of 1918, the Constitution of the RSFSR of 1925, the Constitution of the RSFSR of 1937, the Constitution of the RSFSR of 1978 in Ch. II "State and Personality" proclaims equality "in all areas of economic, political, social and cultural life", "internationalism", "bringing together all nations and nationalities", "international duty – promoting the development of friendship and cooperation with the peoples of other countries, maintaining and strengthening universal peace" and promulgates responsibility for "establishing advantages and any preaching of racial or national exclusivity, hostility or neglect" [5].

Currently, the constitutional and legal norms that establish human and civil rights, including the right to personal security, include: the human right to life (Article 20 of the Constitution of the Russian Federation); the right to freedom from torture, violence, other cruel or degrading treatment or punishment (Article 21 of the Constitution of the Russian Federation); the right to freedom and personal integrity (Article 22 of the Constitution of the Russian Federation) [14].

Art. 20 of the Constitution of the Russian Federation enshrines everyone's right to life, provides for the obligation of the state to make efforts aimed at preventing conditions that could lead to loss of life, to suppress criminal attacks on life, and to punish actions that lead to the death of people.

The right of citizens to freedom from torture, violence, and other cruel or degrading treatment or punishment is aimed at protecting health. It is as a result of torture, violence, other cruel treatment or punishment that significant harm to a person's health can be caused.

This right came to the Constitution of the Russian Federation from International Covenants (Article 5 of the Universal Declaration of Human Rights [1]; Article 6 of the International Covenant on Civil and Political Rights [12]; Article 3 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [13] and etc.).

The Russian Constitution recognized this right of man and citizen, enshrining it in Part 2 of Art. 21: "No one shall be subjected to torture, violence or other cruel or degrading treatment or punishment" [14].

The right to personal integrity was first legally enshrined in 1215 in the Magna Carta [19]. It was most clearly formulated in the era of bourgeois revolutions. Thus, the right to personal integrity is enshrined in the British Habeas Corpus Act (1679) [16], in the French Declaration of the Rights of Man and Citizen of 1789 (clauses 2, 7) [18], in the US Bill of Rights of 1791. (Amendments 4 and 5) [17].

The right to personal integrity is the most important democratic right, which has received legal recognition not only at the level of the constitutions of individual states, but also in international acts. In particular, the Universal Declaration of Human Rights of 1948 [1] and the International Covenant on Civil and Political Human Rights of 1966 [12] enshrine the right of every person to liberty and, accordingly, security of person.

Currently, it is extremely difficult to find a state whose constitution does not speak in one form or another about the right to personal integrity.

Thus, the Constitution of the Russian Federation as a whole is aimed at ensuring the normal existence of humans. Because economics, politics, culture, ideology, and personal freedom ultimately serve one goal – the reproduction of life and normal conditions of human existence. Therefore, the Constitution, which establishes the foundations of the social system and politics, the legal status of citizens, the organization and activities of the state, can be called a normative act containing one universal right of man and citizen – the right to the normal existence of the individual [14].

Since the Constitution of the Russian Federation is the core of Russian law, the constitutional norms establishing the rights to life, health and physical freedom are the core of the institution of personal security of citizens. Their functional purpose is to guarantee the implementation of industry standards of the institution of personal safety of citizens.

Each legal norm must be effective, efficient, and for this there must be guarantees for its implementation; accordingly, any legal norm can be considered as an object of guarantee; at the same time, it can be considered as a guarantee of other legal norms, based on its role in the legal system.

Legislative practice has responded affirmatively to the theoretical assumption that there are norms whose functional purpose is to ensure the implementation of other norms.

Guaranteeing norms are norms of the Constitution, the purpose of which is to ensure the requirements of other norms. In essence, they are general regulations that indicate to the state, its bodies, public organizations and citizens a certain type of behavior aimed at ensuring real conditions for the implementation of those rights that are written in the norm they protect [26, p. 9].

Articles 20, 21, 22 of the Constitution of the Russian Federation are guaranteeing norms [14]. Their purpose is to ensure the requirements of industry standards governing the sphere of personal safety of citizens. Essentially, they are general provisions that indicate to the state, its bodies, public organizations and citizens a certain type of behavior aimed at ensuring conditions for the unhindered enjoyment of the rights to life, health and physical freedom.

The peculiarity of these constitutional legal norms lies in their universality, since their implementation is a necessary prerequisite for the exercise of all other subjective rights of citizens, because in order to take advantage of any subjective right, first of all, you need to be alive, healthy and physically free.

In fact, being the core of the institution of personal security of citizens, constitutional norms that enshrine the universal rights of man and citizen to life, health and physical freedom act as constitutional and legal guarantees of the personal security of citizens. They provide conditions for the implementation not only of sectoral rights included in the institution of personal security of citizens, but also of other subjective rights, since in order to exercise them, first of all, it is necessary to be alive, healthy and physically free.

In foreign countries, legislation also plays an important role in the process of developing effective systems, methods and forms of ensuring personal security.

For example, in Germany, a significant international legal act is the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome,

November 4, 1950), which regulates the right to life and indicates that the right of every person to life is protected by law; no one can be intentionally deprived of life, other than in execution of a death sentence passed by a court for crimes committed, for which the law provides for such punishment [13].

It should be noted that the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of December 16, 1966 [11], the International Covenant on Civil and Political Rights [12], the European Security Strategy “Secure” play a significant role in regulated legal relations in the field of ensuring personal security. Europe in a better world" [20], etc.

The fundamental legal act of Germany in the field of ensuring personal security is the Basic Law of the Federal Republic of Germany of May 23, 1949 (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland), which states that human dignity is inviolable, respect and its protection are the duty of every state power (clause 1 of article 1 of the Law), in addition, it is indicated that the German people consider inviolable and inalienable human rights to be the basis of any human community, peace and justice on earth (clause 2 of article 1 of the Law) [25].

Also in Art. 2 of the Law states that everyone has the right to the free development of his personality (provided he does not violate the rights of others and does not encroach on the constitutional order or moral law), as well as the right to life and physical integrity, the supremacy of the individual is absolute. Interference with these rights is permitted only on the basis of the law [25].

Consequently, these articles officially impose responsibility on the state for every person who is on its territory, and the obligation to protect the life and health of everyone, that is, to ensure their safety.

Security means the inviolability of objective (formally expressed) law, the rights and legitimate interests of individuals, institutions and organizations, the state, as well as other formations.

Another significant regulatory act in the field of ensuring personal security in Germany is the “German Security Strategy” (Eine Sicherheitsstrategie für Deutschland), approved by the Decision of the Bundestag faction of May 6, 2008, the purpose of which is to minimize the emergence of potential security threats in Germany and the possibility rapid and effective response to them, as well as establishing stability and eliminating the possibility of a crisis [27].

The Strategy includes the phenomenon of transnational terrorism among the most dangerous threats to security, to combat which it is necessary to introduce a new security policy in the state, expressed in international cooperation and interaction in foreign policy. Security policies must prevent terrorist operations while protecting global infrastructure. The implementation of this policy implies the creation of a collective security system in Europe. Also, one of the areas of German security policy includes focusing on climate impacts and changes and overcoming protective-relevant consequences [27].

Thus, based on the above sources of German law, we can conclude that the legal framework and guarantees for ensuring personal security are generally oriented towards international legal legislation.

German internal regulations governing this area are very fragmented and are focused on the German Basic Law (which is of a general nature).

In the Russian Federation, unlike Germany, the legislative system in the field of ensuring personal security appears to be the most developed and structured.

Federal regulations of the Russian Federation and regulations of its subjects are almost always similar in structure and correspond to each other in content with the inclusion of the relevant features of the subject; in general, the principle of uniformity is observed in Russia, due to which an effective, centralized security policy is largely ensured personality.

Let us note that all of the above international documents subsequently influenced the constitutional law-making of various countries, including, for example, Kazakhstan, where in parts 1 and 3 of Art. 4 of the Constitution states:

"1. The current law in the Republic of Kazakhstan is the norms of the Constitution, laws corresponding to it, other normative legal acts, international treaty and other obligations of the Republic, as well as normative resolutions of the Constitutional Council and the Supreme Court of the Republic"

"3. International treaties ratified by the Republic take precedence over its laws and are applied directly, except in cases where it follows from the international treaty that its application requires the publication of a law" [22].

Respect for the principles and norms of international law by the Republic of Kazakhstan, as stated in Article 8 of its Constitution, means that the country expresses official agreement to cooperate with other states on the basis of recognition of sovereign equality and non-interference in each other's internal affairs, and the peaceful resolution of international disputes [22].

No state in the world recognizes the absolute priority of international law. The UN Charter, which is a priority in the system of acts of international law, guarantees their sovereign equality and territorial integrity [23, p. 27].

However, no state can be considered legal without observing generally accepted international standards in the field of consolidating human rights and creating a mechanism for their protection.

Constitutional courts (Spain, Germany, Russia, Italy); Constitutional Councils (France, Kazakhstan); mediator – intermediary (France); Ombudsmen (Sweden, Great Britain, etc.) are just some of the forms of existing human rights mechanisms. The world community, recognizing the need for international mechanisms for the protection of human rights, does not limit itself to just signing conventions, but actively supports the UN activities in creating specialized institutions.

For example, the International Labor Organization (ILO) is responsible for the protection of workers' rights, the activities of trade unions, and the development of other socio-economic rights of the individual. The Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), the World Health Organization (WHO), and the International Organization for Migration (IOM), respectively, protect the rights of citizens in these areas.

The Republic of Kazakhstan is an official member of the UN, OSCE, UNESCO, WHO, IOM, Interpol and a number of other international organizations and institutions directly related to the protection of human rights. By joining these organizations, Kazakhstan officially assumed obligations to com-

ply with international treaties and conventions developed by them in order to ensure individual rights. In a historically short period from the moment it gained sovereignty, Kazakhstan has formed a fairly extensive international legal framework.

The Republic of Kazakhstan has concluded over 2,300 international treaties, varying in level, subject of regulation, procedure for entry and importance of the issues raised. Speaking about the implementation of the norms of international treaties on the territory of the republic, it is difficult to unequivocally state their strict implementation. There are certain difficulties in this regard. Naturally, like any other state, Kazakhstan, in the course of ensuring the fulfillment of its international obligations, strives to overcome existing problematic issues. These issues are related both to the imperfection of legal mechanisms and to the lack of political will [15, p.3].

The institution of the Commissioner for Human Rights was established in Kazakhstan in 2002 specifically for the purpose of ensuring guarantees for the protection of the rights and freedoms of citizens.

It is important to note that after the promulgation of the Paris Principles in 1991, regulating the processes of formation of national human rights institutions, ombudsman institutions appeared in many countries of Eastern Europe. The Maastricht Treaty of 1992 introduced the institution of Ombudsman into the system of bodies of the European Union. The Council of Europe has established the post of Commissioner for Human Rights of the Council of Europe.

The strengthening of the ombudsman idea in the world is a natural result of the democratization of society. The Ombudsman is an additional institution in relation to other human rights mechanisms, a guarantor against violations of citizens' rights by government bodies and officials. It represents a rare type of state legal institutions, which, without changing its basic nature and content, has the ability to be modified. Each ombudsman works in conditions specific to his country. Taking this into account, the organizations and methods of functioning of the ombudsman institution are different. The national characteristics of individual countries, original legal and administrative systems entail a variety of forms of this institution [21], however, since its inception, this institution has historically been associated with the concept of parliamentarism and is the implementation of the idea of representative democracy with its principle of separation of powers, the rule of law and the leading role parliament in the approval and development of relations of social justice and law and order.

Thus, summing up all of the above, we can conclude that personal security occupies a special place not only in the national security system of Russia, but also at the international level, and is the ultimate goal of all processes of ensuring state and public security.

Human security allows deviations towards increased protection of state or public values, but only if this does not violate the essence of constitutionally protected rights and freedoms and is temporary. Any restrictions on the constitutional rights and freedoms of man and citizen cannot be justified by the interests of public or state security if the security of the individual himself is lost.

Bibliography

1. Universal Declaration of Human Rights: adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948 // www.consultant.ru

2. Declaration of the Rights of Working and Exploited People [Adopted by the III All-Russian Congress of Soviets] // https://constitution.garant.ru/ history/act1600-1918/5320/?ysclid=lwx68vullm248241157

3. Constitution (Basic Law) of the RSFSR 1925 (as amended on May 18, 1929) // https: //constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/?ysclid= lwx6osf1ok543572489

4. Constitution (Basic Law) of the RSFSR 1937 // https: //constitution. garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/?ysclid= lwx6tzx9g3697782232

5. Constitution of the RSFSR 1978 // https: // consti-tution.garant.ru/ history/ ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a 1b705d/?ysclid=lwx6w86suq666703 464

6. USSR Law of December 25, 1958 “On Criminal Liability for State Crimes” // Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1958. No. 1. Art. 8.

7. Decree of the Council of People's Commissars (On the eight-hour working day) // https: //constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5306/?ysclid=lwx6 ecgmam 36-9157788

8. Decree of the Council of People's Commissars “On penalties for violation of labor protection regulations.” April 27, 1922 // Published in No. 101 of the News of the All-Russian Central Executive Committee of Soviets dated May 9, 1922 // https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351166

9. Criminal Code of the RSFSR of 1922 // https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf

10. “Criminal Code of the RSFSR” of 1960 (approved by the Supreme Court of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on July 30, 1996) // www.consultant.ru

11. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of December 16, 1966 // www.consultant.ru

12. “International Covenant on Civil and Political Rights” (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // www.consultant.ru

13. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on November 4, 1950) // www.consultant.ru

14. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house “Urayt”, 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).

15. Akhmetov A.A. Issues of implementation of norms of international treaties on the territory of the Republic of Kazakhstan: Author's abstract. diss. ...candidate of legal sciences. Almaty, 2008. 27 p.

16. Act on better ensuring the freedom of the subject and on preventing imprisonment overseas (Habeas Corpus Act) of May 26, 1679 // www.consultant.ru.

17. US Bill of Rights 1791 // www.consultant.ru.

18. Declaration of the Rights of Man and Citizen: adopted by the deputies of the States General on August 24, 1789 // www.consultant.ru.

20. Documents. England. Magna Carta: text // https: //vostlit.info/ Texts/ Dokumenty/Engl/XII/1120-1140/Charta_1136_1215/charta_1136_1215.phtml?id=1 2823&ysclid=lwx7a8bpie476152307

21. European Security Strategy “A Safe Europe in a Better World” // URL: http://www.consilium.europa.eu

22. Kalieva G.S. Administrative and legal basis for the activities of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan: Diss. Candidate of Legal Sciences. Almaty, 2009. 168 p.; Sagynbekova, G. M. International mechanisms for the protection of individual rights / G. M. Sagynbekova // Young scientist. 2010. No. 8 (19). T. 2. P. 91–93 // URL: https://moluch.ru/archive/19/1973/

23. Constitution of the Republic of Kazakhstan // https://www.akorda.kz/ru/official docu ments/constitution

24. Kotov A. Action and development of the Constitution of the Republic of Kazakhstan // Lawyer. 2004. No. 8. P. 26–29.

25. International acts on human rights: collection. documents / comp. and ed. entry Art. V. A. Kartashkin, E. A. Lukasheva. 2nd ed., add. Moscow: Norma: Infra-M, 2002. 944 p.

26. Basic Law of the Federal Republic of Germany (Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland) of May 23, 1949 // URL: http://www.gesetzesweb.de

27. Rudinsky F.M. Life and health of a Soviet person as an object of constitutional protection // Soviet State and Law. 1979. No. 1. P. 9–12.

28. German security strategy: decision of the Bundestag faction of May 6, 2008 // URL: http://www.cdu.de

29. Chistyakov, O. I. Constitution of the RSFSR 1918 / O. I. Chistyakov. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 224 p.

For citation: Shcherbakov M.V. Mechanisms of regulatory and legal support for personal security in Russia and foreign countries: article // Legal Thought. 2024. No. 1 (133). P. 91–101.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_79

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_102

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРАВО СУБЪЕКТА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ

И.И. Лис*

Аннотация. В статье рассматривается понятие человека, личности и дается определение специального права ей принадлежащего. Раскрываются виды специальных прав, основания лишения специального права как вида административного наказания. Автор считает, что лишение специального права на основе решения судебного органа, несомненно, характеризует его как вид особого административного наказания.

Ключевые слова: специальное право, виды прав, лишение права, административное правонарушение.

Понятие личности в различных отраслях права позволяет утверждать, что оно употребляется в качестве синонима понятия человек, что, охватывая все разнообразие индивидуумов, обеспечивает равную защиту их прав и интересов. Как справедливо отметил А.Г. Бережнов [22], понятия «личность» и «человек» отличаются друг от друга лишь как научные абстракции, и проводимая между ними грань условна, поскольку характеризует с разных сторон единый объект – человеческую личность, человека.

С.А. Комаров считает, что «понятия “человек” и «личность» отличаются друг от друга не по объему, а по содержанию в том смысле, что личность характеризуется переходом старого содержания (человек) на новый уровень самообогащения. Деятельность – вот что является самым существенным в индивидуальном процессе становления каждой личности. Причем не столько сама деятельность, сколько способность к ней, выступающая как способность жить и проявлять себя во всем как социальное существо. От человека зависит, как он использует предоставленные ему обществом воз-

* **Лис Игорь Иосифович**, магистрант, Московский финансово-юридический университет (МФЮА). E-mail: azk7@mail.ru

Научный руководитель – **Иванец Галина Ивановна**, доцент кафедры государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, кандидат юридических наук.

можности, каким образом он реализует эту свою способность к деятельности» [23, с. 191].

Взаимоотношения между государством и индивидом, между людьми фиксируются в юридической форме – в форме прав, свобод и обязанностей, образующих правовой статус человека – личности. Это одна из важнейших политико-юридических категорий, которая неразрывно связана с социальной структурой общества, состоянием законности, уровнем демократии.

Правовой статус личности представляет собой систему прав и обязанностей, законодательно закрепленную государством в Конституции Российской Федерации [1, 24] и иных нормативно-юридических актах. В правах и обязанностях не только фиксируются стандарты поведения, которые государство считает обязательными, полезными и целесообразными для нормальной жизнедеятельности социальной системы, но и раскрываются основные принципы взаимоотношений государства и личности. Четкая урегулированность и упорядоченность взаимоотношений государства и личности обусловлена особой важностью такого рода отношений для поддержания существующего строя и его нормального функционирования.

Правовой статус личности различается в зависимости от того, является ли она гражданином, иностранцем либо лицом без гражданства. Для большинства населения, находящегося под юрисдикцией данного государства, предпосылкой обладания правами и обязанностями является гражданство как определенное политико-правовое состояние человека, позволяющее пользоваться правами и свободами и выполнять установленные законом обязательства. Таким образом, личность в юридической науке рассматривается в качестве носителя прав и обязанностей.

Права и обязанности личности устанавливают общие рамки социально активной деятельности человека, и одновременно эти права и обязанности являются способом поощрения той деятельности, которая выгодна обществу. Права физических и юридических лиц по правовому источнику их возникновения делятся на две группы: права, возникающие непосредственно на основе нормативного акта, в частности, конституционные права граждан (право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, на жилище, на образование, на охрану здоровья и т.д.); права, основанные на индивидуальном юридическом акте, причем специальном индивидуальном акте управления, который предопределяет предоставление такого права.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод, что ***специальное право определяется, как право субъекта административно-правовых отношений заниматься определенной деятельностью, предоставленное ему индивидуальным юридическим актом органа управления.***

В то же время законодатель прямо указывает на то, что понятие лишение специального права применимо только в отношении физических лиц (статья 3.8 КоАП РФ): «1. Лишение физического лица, совершившего административное правонарушение, ранее предоставленного ему специального права устанавливается за грубое или систематическое нарушение порядка пользования этим правом в случаях, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.» [5].

Важно отметить, что лишение специального права как административное наказание представляет собой санкцию, обусловленную существенным вмешательством в правовую возможность индивидуума по реализации частных интересов в сфере отношений, публично-правовая предопределенность которых связана с назначением тех объектов материального мира, их использование сопряжено с повышенной опасностью для жизни и здоровья граждан, может затрагивать конституционные права и свободы, а также иные права и законные интересы личности, общества, а значит, и государства в целом. Отсюда можно утверждать, что законодатель не отразил это в определении рассматриваемой меры административной ответственности, данном в ч. 1 ст. 3.8 КоАП РФ [5].

Представляется более сущностным определение административного наказания в виде лишения специального права как лишение физического лица права на использование собственного имущества, представляющего собой источник повышенной опасности, ввиду грубого или систематического нарушения порядка пользования этим имуществом в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ [5]. При этом следует учесть, что такое лишение не влечет за собой переход права собственности на указанное имущество, хотя и ограничивает возможности нарушителя по его целевому использованию.

Рассмотрим более подробно виды специальных прав.

1. Право на охоту – право на осуществление деятельности, связанной с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой. Указанное право предоставляется гражданину, признанному охотником, при выполнении требований Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8].

Охотником признается физическое лицо, сведения о котором содержатся в государственном охотхозяйственном реестре, или иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и заключивший договор об оказании услуг в сфере охотничьего хозяйства [8].

Охотничий билет выдается физическим лицам, обладающим гражданской дееспособностью в соответствии с гражданским законодательством, не имеющим непогашенной или неснятой судимости за совершение умышленного преступления, и ознакомившимся с требованиями охотничьего минимума. Охотничий билет является документом единого федерального образца без ограничения срока и территории его действия, имеет учетные серию и номер.

Характеристика состава административного правонарушения, при котором применяется санкция в виде лишения специального права осуществлять охоту, изложена в ч.1 ст. 8.37 КоАП РФ [5].

2. Право на управление транспортным средством. Порядок оформления указанного права зависит от вида транспорта.

2.1. **Право на управление транспортным средством** (авто- и мототранспорт). Водители являются распространенной категорией среди субъектов административной ответственности. В соответствии с п. 1.2. По-

становления Правительства РФ «О Правилах дорожного движения» от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 02.06.2023 г.) [10] водителем является лицо, управляющее каким-либо транспортным средством, погонщик, ведущий по дороге вьючных, верховых животных или стадо. К водителю приравнивается обучающий вождению, у него должен быть путевой лист, который подтверждает прохождение предрейсового медосмотра.

Порядок получения гражданином специального права на управление транспортным средством определен Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» [6]. В соответствии с положением п. 2 статьи 25 данного Федерального закона, право на управление транспортными средствами предоставляется лицам, сдавшим соответствующие экзамены, при соблюдении условий, перечисленных в статье 26, с момента выдачи им водительских удостоверений. В соответствии с положением п. 4 статьи 25 право на управление транспортными средствами подтверждается водительским удостоверением [6].

Характеристика состава административного правонарушения, при котором применяется санкция в виде лишения специального права на управление транспортным средством изложена в ст.ст. 12.8 – 12.10; 12.12, 12.15, 12.16, 12.26, 12.27 КоАП РФ [5].

В соответствии с правовой позицией, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 20 от 25.06.2019 г. лишенным права управления транспортными средствами является лицо, которому на основании вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении назначено административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами (статья 3.8 КоАП РФ) либо в отношении которого имеется вступивший в законную силу приговор суда о назначении наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами (статья 47 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ) [15].

При этом лишение лица права управления транспортными средствами означает, что это лицо одновременно лишается права управления всеми транспортными средствами независимо от того, транспортным средством какой категории (подкатегории) оно управляло в момент совершения административного правонарушения.

По истечении срока назначенного административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами или наказания в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами лицо считается не лишенным права управления транспортными средствами.

Вместе с тем следует учитывать, что ч. 4 статьи 32.6 КоАП РФ установлены условия, выполнение которых необходимо для возврата ранее сданного удостоверения по истечении срока указанного административного наказания: проверка знаний Правил дорожного движения, уплата административных штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения, прохождение медицинского освидетельствования на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспорт-

ным средством в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 статьи 12.8, ч. 1 статьи 12.26 и ч. 3 статьи 12.27 КоАП РФ [5].

В связи с этим управление транспортным средством водителем, подвергнутым административному наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами и не выполнившим названных выше условий после истечения срока назначенного наказания, образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 статьи 12.7 КоАП РФ [5]. При этом выполнение таких условий необходимо и в тех случаях, когда лицо, в отношении которого вынесено постановление о назначении административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, заявило об утрате выданного ему удостоверения либо когда в течение срока лишения права управления транспортными средствами срок действия соответствующего удостоверения истек».

2.2. **Право на управление самоходными машинами** (трактор, снегоход и т.д.). Специальное право гражданина на управление самоходной машиной (допуск к управлению самоходными машинами) гражданин получает в порядке, определенном в Правилах допуска к управлению самоходными машинами и выдачи удостоверений тракториста-машиниста (тракториста), утвержденных Постановлением Правительства РФ от 12.07.1999 № 796 (в ред. от 21.05.2022 г.) [11], и Инструкции о порядке применения Правил допуска к управлению самоходными машинами и выдачи удостоверений тракториста-машиниста (тракториста), утвержденной Приказом Минсельхозпрода России от 29.11.1999 № 807 (ред. от 03.04.2013 г.) [16].

Характеристика состава административного правонарушения, при котором применяется санкция в виде лишения специального права на управление тракторами, самоходными, дорожно-строительными и иными машинами и оборудованием изложена в ст. 9.3 КоАП РФ [5].

2.3. **Право на управление воздушным судном**. Как следует из п. 1 статьи 53 Воздушного кодекса РФ [3], условием допуска к деятельности по управлению воздушным судном является наличие соответствующего свидетельства. Выдача свидетельств специалистам гражданской авиации осуществляется в соответствии с Приказом № 298 от 22.10.2014 г. Министерства транспорта Российской Федерации [17], с учетом корректив указанных в Постановлении Правительства РФ от 04.05.2023 г. № 695 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 193 и признании утратившим силу пункта 1 изменений, которые вносятся в Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 193, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 1581» [13].

Основанием для выдачи свидетельств является решение соответствующей квалификационной комиссии – Высшей квалификационной комиссии Федеральной антимонопольной службы России, региональных квалификационных комиссий и местных квалификационных комиссий.

Постановлением Правительства РФ от 13.05.2022 г. № 858 внесены поправки в Правила проведения проверки соответствия лиц, претендующих на получение свидетельств, позволяющих выполнять функции членов экипажа и функции специалистов по техническому обслуживанию гражданского воздушного судна, на основании которого определен порядок приостановления действия и аннулирования вышеназванных свидетельств [14].

2.4. **Право управления судном морского и внутреннего водного транспорта**. В соответствии с ч. 1 статьи 54 Кодекса торгового мореплавания РФ [4], к занятию должностей членов экипажа судна, за исключением должностей членов экипажа судна, используемого для промысла водных биологических ресурсов, допускаются лица, имеющие дипломы и квалификационные свидетельства. В соответствии с ч. 6 статьи 54 Кодекса торгового мореплавания РФ порядок выдачи дипломов и квалификационных свидетельств членов экипажей судов, подтверждений, предусмотренных п. 3 этой статьи, в форме электронных документов, а также порядок их централизованного учета в электронном виде, информирования заинтересованных лиц по их запросам о статусе дипломов, квалификационных свидетельств и подтверждений утверждается федеральным органом исполнительной власти в области транспорта.

В силу ч. 4 статьи 54 Кодекса торгового мореплавания РФ дипломы и квалификационные свидетельства могут быть изъяты или аннулированы либо их действие может быть приостановлено капитаном морского порта, выдавшим диплом или квалификационное свидетельство, в случаях прямой угрозы жизни людей, сохранности имущества на море или причинения ущерба морской среде вследствие некомпетентности, действий или бездействия членов экипажей судов при исполнении ими обязанностей в соответствии с их дипломами и квалификационными свидетельствами, а также в целях предотвращения обмана [4].

2.5. **Право на управление маломерными судами** предоставляется согласно нормам, предусмотренным Правилами пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации, утвержденными Приказом МЧС России от 29.06.2005 № 502 [18] и Правилами аттестации судоводителей на право управления маломерными судами, поднадзорными Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденными Приказом МЧС России от 27 мая 2014 г. № 262 [19].

3. **Право на участие в обороте гражданского оружия.** В настоящее время к гражданам РФ, имеющим право на владение оружием, относятся не только охотники. Указанное право предоставлено Федеральным законом «Об оружии» [7] владельцам оружия самообороны, спортсменам, коллекционерам оружия, где в ст. 13 устанавливаются права граждан на приобретение оружия при соблюдении определенных условий – достижения возраста, состояния здоровья, отсутствия судимости за совершение умышленного преступления, наличия постоянного места жительства и т.д. Постановлением Правительства РФ «О мерах по регулированию оборота

гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» от 21.07.1998 № 814 (ред. от 29.05.2023) право выдачи разрешительных документов предоставлено органам внутренних дел [12].

Процедура оформления и выдачи гражданам разрешительных документов на совершение определенных действий с оружием (лицензий на приобретение оружия, разрешений на: хранение оружия, хранение и ношение оружия, транспортировку оружия и т.д.) закреплена в инструкции, утвержденной приказом МВД России от 12.04.1999 № 288 (ред. от 19.06.2018) «О мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 21.07.1998 г. № 814 [20], а также «Административными регламентами» МВД РФ [21].

В соответствии с положением Приказа МВД РФ от 29 июня 2012 г. № 646 [21], основания для начала процедуры аннулирования лицензий и разрешений предусмотрены статьей 26 Закона «Об оружии» [7], при установлении которых должностным лицом ГУОООП МВД России, ГУТ МВД России или территориального органа МВД России, выдавшего лицензию или разрешение, готовится заключение об аннулировании лицензии или разрешения (приложение № 20 к настоящему Административному регламенту) либо в случаях, предусмотренных статьей 26 Закона «Об оружии», исковое заявление с необходимыми материалами направляется в суд [7].

4. Право на оказание охранных услуг гражданином в составе негосударственных охранных структур. В соответствии с действующим Федеральным законом «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [2] лицензия на осуществление частной охранной деятельности выдается только юридическим лицам, специально созданным для осуществления данной деятельности. Гражданин может оказывать охранные услуги только в составе негосударственного охранного предприятия. При этом он должен обладать определенной квалификацией и правовым статусом, подтвержденным удостоверением частного охранника.

Согласно статьи 11.1 закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» право на приобретение правового статуса частного охранника предоставляется гражданам, прошедшим профессиональное обучение для работы в качестве частного охранника и сдавшим квалификационный экзамен, и подтверждается удостоверением частного охранника [2]. Порядок сдачи квалификационного экзамена и выдачи удостоверения частного охранника определен Постановлением Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» (ред. 19.01.2024 г.) [9].

Удостоверение частного охранника аннулируется в случае:

1) привлечения частного охранника к административной ответственности за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо повторного привлечения в течение одного года частного охранника к административной ответственности за совершение административных правонарушений против порядка управления, административных правонарушений, посягающих на институты государственной

власти или общественный порядок и общественную безопасность, либо административных правонарушений в области оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, за исключением административных правонарушений, связанных с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача;

2) возникновения обстоятельств, при которых гражданин не может претендовать на приобретение правового статуса частного охранника;

3) окончания срока действия удостоверения частного охранника, добровольного отказа от такого удостоверения либо смерти гражданина, которому было выдано такое удостоверение [2].

Удостоверение частного охранника аннулируется по решению федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере частной охранной деятельности, или его территориального органа. Порядок изъятия удостоверения частного охранника устанавливается федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере частной охранной деятельности.

Лишение специального права занимает особое место среди административных взысканий и играет значительную роль в борьбе с административными правонарушениями.

Гражданин может быть лишен ранее предоставленного ему специального права за совершенные административные проступки.

Часть 1 статьи 3.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях определяет, что лишение физического лица, совершившего административное правонарушение, ранее предоставленного ему специального права устанавливается за грубое или систематическое нарушение порядка пользования этим правом в случаях, предусмотренных статьями особенной части настоящего кодекса [5].

Лишение физического лица ранее предоставленного ему специального права устанавливается также за уклонение от исполнения иного административного наказания, назначенного за нарушение порядка пользования этим правом, в случаях, предусмотренных статьями особенной части настоящего кодекса. Лишение специального права назначается судьей.

Суть этого административного взыскания состоит в лишении правонарушителя ранее официально предоставленного ему специального права заниматься определенной деятельностью за нарушение порядка осуществления данного права. Обычно такое нарушение создает угрозу жизни и здоровью самого нарушителя, окружающих лиц, объектам собственности, природе.

Применение указанной санкции связано с ограничением правовой сферы виновного лица, с лишением его на время определенного субъективного права, и отвечает нормам законодательства об административных правонарушениях, изложенными в статье 1.2 КоАП РФ: «Задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита лич-

ности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений.» [5].

Цели ограничений прав и свобод человека и гражданина установлены Конституцией РФ [1, 24], где закреплено, что права и свободы человека гражданина могут быть ограничены федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Следует подчеркнуть, что лишение специального права, как административно-правовая санкция, имеет ряд особенностей, которые с одной стороны, отличают ее от других наказаний, указанных в ст. 3.2 КоАП РФ [5], а с другой стороны – ставят в один ряд с ними.

Первой особенностью лишения специального права является его *санкционный* характер. Безусловно, эта особенность раскрывается и в других видах административных наказаний, но в лишении специального права она выражена более четко. Наложение данного наказания является лишением права за уже совершенное правонарушение. Определенные ограничения, стеснение субъективных прав оказывают на наказуемого определенное воздействие.

Например, гражданин, лишенный водительского удостоверения, испытывает естественное для него желание снова сесть за руль, и поэтому в дальнейшем будет стараться не нарушать правила дорожного движения, законодательные нормы, не допускать управления автомобилем в нетрезвом состоянии, а это и есть достижение такой цели административного наказания как воспитание нарушителя в духе соблюдения закона и правопорядка.

Поэтому второй особенностью лишения специального права является *воспитательный* характер данной санкции. Эта мера наказания, как, впрочем, и другие, ставит своей целью с максимальной эффективностью воздействовать на сознательно-волевые качества правонарушителя, направить его на путь исправления и перевоспитания.

Третья особенность данного наказания состоит в том, что лицо, совершившее административное правонарушение, может быть лишено только тех прав, которые предоставлены индивидуальным административным актом.

Четвертая особенность состоит в том, что лишение специального права есть санкция основная (ст. 3.3 КоАП РФ) [5].

Пятой особенностью рассматриваемого наказания является то, что лишение специального права представляет собой длящееся наказание. В отличие от разовых, единовременных наказаний (предупреждение, штраф), лишение специального права растянуто во времени.

Подчеркнем, что важным аспектом в процедуре лишения специального права, является то, что оно осуществляется на основе решения судебного органа, а это, несомненно, характеризует его как вид особого административного наказания.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru.

2. Закон Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 25.12.2023) // www.consultant.ru.

3. «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // www.consultant.ru.

4. «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // www.consultant.ru.

5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // www.consultant.ru.

6. Федеральный закон "О безопасности дорожного движения" от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // www.consultant.ru.

7. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 25.12.2023 № 664-ФЗ, с изменениями, внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 29.06.2012 № 16-П) // www.consultant.ru.

8. Федеральный закон "Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // www.consultant.ru.

9. Постановление Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» (ред. 19.01.2024 г.) // www.consultant.ru.

10. Постановление Правительства РФ «О Правилах дорожного движения» от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 02.06.2023 г.) // www.consultant.ru.

11. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил допуска к управлению самоходными машинами и выдачи удостоверений тракториста-машиниста (тракториста)» от 12.07.1999 № 796 (ред. от 21.05.2022 г.) // www.consultant.ru.

12. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 (ред. от 29.05.2023) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») // www.consultant.ru.

13. Постановление Правительства РФ от 04.05.2023 г. № 695 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 193 и признании утратившим силу пункта 1 изменений, которые вносятся в Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 193, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 1581» // www.consultant.ru.

14. Постановление Правительства РФ от 13.05.2022 г. № 858 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. № 193» // www.consultant.ru.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 20 от 25.06.2019 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // www.consultant.ru.

16. Приказ Минсельхозпрода России от 29.11.1999 № 807 (ред. от 03.04.2013 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке применения Правил допуска к управлению самоходными машинами и выдачи удостоверений тракториста – машиниста (тракториста)» // www.consultant.ru.

17. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 22 октября 2014 г. № 298 «Об утверждении Административного регламента Федерального агентства воздушного транспорта предоставления государственной услуги по выдаче свидетельств лицам из числа специалистов авиационного персонала гражданской авиации, допускаемым к выполнению функции членов экипажа воздушного судна, сотрудников по обеспечению полетов гражданской авиации, функции по техническому обслуживанию воздушных судов и диспетчерскому обслуживанию воздушного движения // www.consultant.ru.

18. Приказ МЧС РФ от 29.06.2005 № 502 (ред. от 21.07.2009) «Об утверждении Правил пользования маломерными судами на водных объектах Российской Федерации» // www.consultant.ru.

19. Приказ МЧС России от 27 мая 2014 № 262 (с изм. от 23.10.2018) «Об утверждении Правил аттестации на право управления маломерными судами, поднадзорными Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // www.consultant.ru.

20. Приказ МВД России от 12.04.1999 № 288 (ред. от 19.06.2018) «О мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 (вместе с "Инструкцией по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации")» // www.consultant.ru.

21. Приказ МВД РФ от 29 июня 2012 г. № 646 (ред. от 27.11.2015) «Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по контролю за оборотом гражданского, служебного и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, сохранностью и техническим состоянием боевого ручного стрелкового и служебного оружия, находящегося во временном пользовании у граждан и организаций, а также за соблюдением гражданами и организациями законодательства Российской Федерации в области оборота оружия» // www.consultant.ru.

22. *Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др.* Теория государства и права: Учебник для вузов /Под ред. М.Н. Марченко. – М.: "Зерцало", 2004. – 800 с.

23. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 528 с. – (Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс).

24. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2024. – 333 с.

Для цитирования: *Лис И.И.* Специальное право субъекта административно-правового отношения: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 102–112.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_102

SPECIAL LAW OF THE SUBJECT OF ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONS

Igor I. Lis*

Annotation. The article examines the concept of a person, an individual, and gives a definition of the special right belonging to it. The types of special rights and the grounds for deprivation of special rights as a type of administrative punishment are revealed. The author believes that deprivation of a special right based on a decision of a judicial body undoubtedly characterizes it as a type of special administrative punishment.

Key words: special law, types of rights, deprivation of rights, administrative offense.

The concept of personality in various branches of law allows us to assert that it is used as a synonym for the concept of person, which, covering the entire diversity of individuals, ensures equal protection of their rights and legitimate interests. As rightly noted by A.G. Berezhnov [22], the concepts of "personality" and "person" differ from each other only as scientific abstractions, and the line drawn between them is arbitrary, since it characterizes a single object from different sides – the human personality, a person.

S.A. Komarov believes that "the concepts of "person" and "personality" differ from each other not in volume, but in content in the sense that personality is characterized by the transition of the old content (person) to a new level of self-enrichment. Activity is what is most essential in the individual process of development of each personality. And not so much the activity itself, but the ability to do it, which acts as the ability to live and express oneself in everything as a social being. It depends on a person how he uses the opportunities provided to him by society, how he realizes this ability to act" [23, p. 191].

The relationship between the state and the individual, between people, is fixed in legal form – in the form of rights, freedoms and responsibilities that form the legal status of a person – an individual. This is one of the most important political and legal categories, which is inextricably linked with the social structure of society, the state of legality, and the level of democracy.

The legal status of an individual is a system of rights and obligations legislated by the state in the Constitution of the Russian Federation [1, 24] and other normative legal acts. Rights and responsibilities not only fix standards of behavior that the state considers mandatory, useful and appropriate for the normal functioning of the social system, but also reveal the basic principles of the relationship between the state and the individual. The clear regulation and orderliness of the relationship between the state and the individual is due to

* **Lis Igor Iosifovich,** master's student, Moscow Finance and Law University (MFLA). E-mail: azk7@mail.ru

Scientific supervisor – **Ivanets Galina Ivanovna**, associate professor of the department of state-legal and financial-legal disciplines of the Moscow University of Finance and Law, Candidate of Legal Sciences.

the special importance of this kind of relationship for maintaining the existing system and its normal functioning.

The legal status of an individual differs depending on whether he is a citizen, a foreigner or a stateless person. For the majority of the population under the jurisdiction of a given state, a prerequisite for possessing rights and responsibilities is citizenship as a certain political and legal state of a person, which allows them to enjoy rights and freedoms and fulfill obligations established by law. Thus, a person in legal science is considered as a bearer of rights and obligations.

The rights and responsibilities of the individual establish the general framework for socially active human activity, and at the same time, these rights and responsibilities are a way to encourage those activities that are beneficial to society. The rights of individuals and legal entities according to the legal source of their occurrence are divided into two groups: rights arising directly on the basis of a normative act, in particular, the constitutional rights of citizens (the right to life, to freedom and personal security, to housing, to education, to health protection, etc.); rights based on an individual legal act, moreover, a special individual act of management, which predetermines the granting of such a right.

Taking into account the above, we can conclude that **a special right is defined as the right of a subject of administrative-legal relations to engage in certain activities, granted to him by an individual legal act of a governing body.** At the same time, the legislator directly indicates that the concept of deprivation of a special right is applicable only in relation to individuals (Article 3.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation): "1. Deprivation of an individual who has committed an administrative offense of a special right previously granted to him is established for a gross or systematic violation of the procedure for using this right in cases provided for in the articles of the Special Part of this Code." [5].

It is important to note that deprivation of a special right as an administrative punishment is a sanction caused by a significant interference in the legal ability of an individual to realize private interests in the sphere of relations, the public legal predetermination of which is associated with the purpose of those objects of the material world, their use is associated with an increased danger to the life and health of citizens, and may affect constitutional rights and freedoms, as well as other rights and legitimate interests of the individual, society, and therefore the state as a whole. Hence, it can be argued that the legislator did not reflect this in the definition of the measure of administrative responsibility under consideration, given in Part 1 of Art. 3.8 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5].

It seems more essential to define administrative punishment in the form of deprivation of a special right as the deprivation of an individual of the right to use his own property, which represents a source of increased danger, due to gross or systematic violation of the procedure for using this property in cases provided for in the articles of the Special Part of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5]. It should be taken into account that such deprivation does not entail a transfer of ownership of

the specified property, although it limits the violator's ability to use it for its intended purpose.

Let us consider in more detail the types of special rights.

1. Right to hunt – the right to carry out activities related to the search, tracking, pursuit of hunting resources, their extraction, primary processing and transportation. This right is granted to a citizen recognized as a hunter upon fulfilling the requirements of the Federal Law "On Hunting and the Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" [8].

A hunter is an individual whose information is contained in the state hunting register, or a foreign citizen who is temporarily staying in the Russian Federation and has entered into an agreement for the provision of services in the field of hunting [8].

A hunting license is issued to individuals who have civil legal capacity in accordance with civil legislation, who do not have an outstanding or unexpunged conviction for committing an intentional crime, and who have become familiar with the hunting minimum requirements. A hunting license is a document of a single federal standard without limitation of the period and territory of its validity, and has a registration series and number.

The characteristics of the administrative offense, in which a sanction is applied in the form of deprivation of the special right to hunt, is set out in Part 1 of Art. 8.37 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5].

2. The right to drive a vehicle. The procedure for obtaining this right depends on the type of transport.

2.1. **The right to drive a vehicle** (auto and motorcycle transport). rivers are a common category among subjects of administrative responsibility. In accordance with clause 1.2. Decree of the Government of the Russian Federation "On the Rules of the Road" dated October 23, 1993 No. 1090 (as amended on June 2, 2023) [10] a driver is a person driving a vehicle, a driver leading pack and riding animals along the road or herd. A driving instructor is treated like a driver; he must have a waybill that confirms he has passed a pre-trip medical examination.

The procedure for a citizen to obtain a special right to drive a vehicle is determined by the Federal Law "On Road Traffic Safety" [6]. In accordance with the provisions of paragraph 2 of Article 25 of this Federal Law, the right to drive vehicles is granted to persons who have passed the relevant exams, subject to the conditions listed in Article 26, from the moment they are issued a driver's license. In accordance with the provisions of paragraph 4 of Article 25, the right to drive vehicles is confirmed by a driver's license [6].

The characteristics of the administrative offense in which a sanction is applied in the form of deprivation of the special right to drive a vehicle are set out in Art. 12.8 – 12.10; 12.12, 12.15, 12.16, 12.26, 12.27 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5].

In accordance with the legal position set out in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 20 dated June 25, 2019, a person deprived of the right to drive vehicles is a person who, on the basis of a decision that has entered into legal force in a case of an administra-

tive offense, has been assigned an administrative penalty in the form of deprivation of the right driving vehicles (Article 3.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) or in respect of which there is a court verdict that has entered into legal force imposing a penalty in the form of deprivation of the right to engage in the activity of driving vehicles (Article 47 of the Criminal Code of the Russian Federation, hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) [15].

At the same time, depriving a person of the right to drive vehicles means that this person is simultaneously deprived of the right to drive all vehicles, regardless of what category (subcategory) vehicle he was driving at the time of committing the administrative offense.

After the expiration of the imposed administrative punishment in the form of deprivation of the right to drive vehicles or punishment in the form of deprivation of the right to engage in activities related to driving vehicles, the person is considered not deprived of the right to drive vehicles.

At the same time, it should be taken into account that Part 4 of Article 32.6 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation establishes the conditions that must be met in order to return a previously surrendered license after the expiration of the specified administrative penalty: testing knowledge of the Traffic Rules, payment of administrative fines for administrative offenses in the region – road traffic, undergoing a medical examination for the presence of medical contraindications to driving a vehicle in the event of committing administrative offenses provided for in Part 1 of Article 12.8, Part 1 of Article 12.26 and Part 3 of Article 12.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5].

In this regard, driving a vehicle by a driver subjected to administrative punishment in the form of deprivation of the right to drive vehicles and who has not fulfilled the above conditions after the expiration of the imposed punishment forms the objective side of the administrative offense provided for in Part 1 of Article 12.7 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5]. At the same time, the fulfillment of such conditions is also necessary in cases where a person in respect of whom a decision was made to impose an administrative penalty in the form of deprivation of the right to drive vehicles, declared the loss of the certificate issued to him or when, during the period of deprivation of the right to drive a vehicle, – by means of transport, the validity period of the corresponding certificate has expired."

2.2. **The right to drive self-propelled vehicles** (tractor, snowmobile, etc.). A citizen receives a special right of a citizen to drive a self-propelled machine (admission to drive self-propelled machines) in the manner specified in the Rules for admission to drive self-propelled machines and the issuance of tractor driver (tractor operator) certificates, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of July 12, 1999 No. 796 (as amended . dated 05.21.2022) [11], and the Instructions on the procedure for applying the Rules for admission to driving self-propelled machines and issuing tractor operator (tractor driver) licenses, approved by Order of the Ministry of Agriculture of Russia dated November 29, 1999 No. 807 (as amended on April 3, 2013). g.) [16].

The characteristics of the administrative offense in which a sanction is applied in the form of deprivation of the special right to drive tractors, self-propelled, road-building and other machines and equipment are set out in Art. 9.3 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5].

2.3. **The right to fly an aircraft.** As follows from paragraph 1 of Article 53 of the Air Code of the Russian Federation [3], a condition for admission to the activity of operating an aircraft is the presence of an appropriate certificate. The issuance of certificates to civil aviation specialists is carried out in accordance with Order No. 298 of October 22, 2014 of the Ministry of Transport of the Russian Federation [17], taking into account the adjustments specified in the Decree of the Government of the Russian Federation of May 4, 2023 No. 695 “On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation” Federation of February 17, 2022 No. 193 and invalidating paragraph 1 of the amendments made to the Decree of the Government of the Russian Federation of February 17, 2022 No. 193, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of September 8, 2022 No. 1581" [13].

The basis for issuing certificates is the decision of the relevant qualification commission – The Higher Qualification Commission of the Federal Antimonopoly Service of Russia, regional qualification commissions and local qualification commissions.

Decree of the Government of the Russian Federation dated May 13, 2022 No. 858 amended the Rules for conducting compliance checks of persons applying for certificates that allow them to perform the functions of crew members and the functions of civil aircraft maintenance specialists, on the basis of which the procedure for suspension is determined validity and cancellation of the above certificates [14].

2.4. **The right to operate a vessel of sea and inland water transport.** In accordance with Part 1 of Article 54 of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation [4], persons with diplomas and qualification certificates are allowed to occupy positions as crew members of a vessel, with the exception of positions as crew members of a vessel used for harvesting aquatic biological resources. In accordance with Part 6 of Article 54 of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation, the procedure for issuing diplomas and qualification certificates for ship crew members, confirmations provided for in paragraph 3 of this article, in the form of electronic documents, as well as the procedure for their centralized recording in electronic form, informing interested parties upon their requests about the status of diplomas, qualification certificates and confirmations is approved by the federal executive body in the field of transport.

By virtue of Part 4 of Article 54 of the Merchant Shipping Code of the Russian Federation, diplomas and qualification certificates can be withdrawn or annulled, or their validity can be suspended by the captain of the seaport who issued the diploma or qualification certificate, in cases of a direct threat to the lives of people, the safety of property at sea or damage. marine environment due to incompetence, actions or inaction of ship crew members in the performance of their duties in accordance with their diplomas and qualification certificates, as well as in order to prevent fraud [4].

2.5. **The right to operate small boats** is provided in accordance with the standards stipulated by the Rules for the use of small vessels on water bodies of the Russian Federation, approved by Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated June 29, 2005 No. 502 [18] and the Rules for the certification of boat masters for the right to operate small vessels supervised by the State Inspectorate for Small Vessels of the Ministry of the Russian Federation for Civil Affairs defense, emergency situations and liquidation of the consequences of natural disasters, approved by Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated May 27, 2014 No. 262 [19].

3. The right to participate in the circulation of civilian weapons. Currently, citizens of the Russian Federation who have the right to own weapons include not only hunters. This right is granted by the Federal Law "On Weapons" [7] to owners of self-defense weapons, athletes, weapons collectors, where in Art. 13 establishes the rights of citizens to purchase weapons subject to certain conditions – reaching age, state of health, absence of a criminal record for committing an intentional crime, having a permanent place of residence, etc. By Decree of the Government of the Russian Federation "On measures to regulate the circulation of civilian and service weapons and ammunition on the territory of the Russian Federation" dated July 21, 1998 No. 814 (as amended on May 29, 2023), the right to issue permits was granted to internal affairs bodies [12].

The procedure for registering and issuing permits to citizens to perform certain actions with weapons (licenses to purchase weapons, permits to store weapons, store and carry weapons, transport weapons, etc.) is enshrined in instructions approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 12, 1999 No. 288 (as amended on June 19, 2018) "On measures to implement the Decree of the Government of the Russian Federation dated July 21, 1998 No. 814 [20], as well as the "Administrative Regulations" of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [21].

In accordance with the provisions of Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated June 29, 2012 No. 646 [21], the grounds for starting the procedure for revocation of licenses and permits are provided for in Article 26 of the Law "On Weapons" [7], when established by an official of the GUOOOP of the Ministry of Internal Affairs of Russia, The State Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia or the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia that issued the license or permit prepares a conclusion on the revocation of the license or permit (Appendix No. 20 to these Administrative Regulations) or, in cases provided for in Article 26 of the Law "On Weapons," a statement of claim with the necessary materials sent to court [7].

4. The right to provide security services by a citizen as part of non-state security structures. In accordance with the current Federal Law "On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation" [2], a license to carry out private security activities is issued only to legal entities specifically created to carry out this activity. A citizen can provide security services only as part of a non-state security company. At the same time, he must have certain qualifications and legal status, confirmed by the certificate of a private security guard.

According to Article 11.1 of the Law of the Russian Federation “On Private Detective and Security Activities in the Russian Federation,” the right to acquire the legal status of a private security guard is granted to citizens who have undergone professional training to work as a private security guard and have passed a qualification exam, and is confirmed by a private security guard certificate [2]. The procedure for passing the qualification exam and issuing a private security guard certificate is determined by Decree of the Government of the Russian Federation of August 14, 1992 No. 587 “Issues of private detective (detective) and private security activities” (as amended on January 19, 2024) [9].

A private security guard's certificate is revoked in the following cases:

1) bringing a private security guard to administrative responsibility for the consumption of narcotic drugs or psychotropic substances without a doctor’s prescription or repeatedly bringing a private security guard to administrative responsibility within one year for committing administrative offenses against the order of management, administrative offenses encroaching on institutions state power or public order and public safety, or administrative offenses in the field of trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues or precursors, plants containing narcotic drugs or psychotropic substances or their precursors, or their parts containing narcotic drugs drugs or psychotropic substances or their precursors, with the exception of administrative offenses related to the consumption of narcotic drugs or psychotropic substances without a doctor’s prescription;

2) the occurrence of circumstances in which a citizen cannot apply for the acquisition of the legal status of a private security guard;

3) expiration of the private security guard’s certificate, voluntary refusal of such a certificate, or death of the citizen to whom such a certificate was issued [2].

The certificate of a private security guard is canceled by decision of the federal executive body authorized in the field of private security activities, or its territorial body. The procedure for withdrawing a private security guard's certificate is established by the federal executive body authorized in the field of private security activities.

Deprivation of special rights occupies a special place among administrative penalties and plays a significant role in the fight against administrative offenses.

A citizen may be deprived of the special right previously granted to him for administrative offenses committed.

Part 1 of Article 3.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation determines that the deprivation of an individual who has committed an administrative offense of a special right previously granted to him is established for a gross or systematic violation of the procedure for using this right in cases provided for in the articles of the special part of this code [5].

Deprivation of an individual of a special right previously granted to him is also established for evading the execution of another administrative penalty imposed for violating the procedure for using this right, in cases provided for

by the articles of the special part of this code. Deprivation of a special right is ordered by a judge.

The essence of this administrative penalty is to deprive the violator of the special right previously officially granted to him to engage in certain activities for violating the procedure for exercising this right. Typically, such a violation creates a threat to the life and health of the violator himself, surrounding persons, property, and nature.

The application of this sanction is associated with the limitation of the legal sphere of the guilty person, with depriving him of a certain subjective right for a time, and meets the norms of the legislation on administrative offenses set out in Article 1.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: "The objectives of the legislation on administrative offenses are to protect the individual , protection of human and civil rights and freedoms, protection of citizens' health, sanitary and epidemiological well-being of the population, protection of public morality, environmental protection, the established procedure for the exercise of state power, public order and public safety, property, protection of legitimate economic interests of individuals and legal entities individuals, society and the state from administrative offenses, as well as the prevention of administrative offenses." [5].

The goals of restricting the rights and freedoms of man and citizen are established by the Constitution of the Russian Federation [1, 24], which stipulates that the rights and freedoms of a citizen can be limited by federal law and only to the extent necessary in order to protect the foundations of the constitutional system, morality, health, rights and legitimate interests of other persons, ensuring the defense of the country and state security.

It should be emphasized that deprivation of a special right, as an administrative-legal sanction, has a number of features that, on the one hand, distinguish it from other punishments specified in Art. 3.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [5], and on the other hand, they are put on a par with them.

The first feature of deprivation of a special right is its sanctioning nature. Of course, this feature is also revealed in other types of administrative penalties, but in the deprivation of a special right it is more clearly expressed. The imposition of this punishment is a deprivation of the right for an already committed offense. Certain restrictions and restrictions on subjective rights have a certain impact on the person being punished.

For example, a citizen who has been deprived of a driver's license experiences a natural desire for him to get behind the wheel again, and therefore in the future he will try not to violate traffic rules, legal norms, and to prevent driving while intoxicated, and this is an achievement such a goal of administrative punishment as educating the offender in the spirit of compliance with the law and law and order.

Therefore, the second feature of deprivation of a special right is the educational nature of this sanction. This measure of punishment, as well as others, aims to influence with maximum efficiency the conscious-volitional qualities of the offender, to direct him towards the path of correction and re-education.

The third feature of this punishment is that a person who has committed an administrative offense can be deprived only of those rights that are granted by an individual administrative act.

The fourth feature is that deprivation of a special right is the main sanction (Article 3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) [5].

The fifth feature of the punishment under consideration is that deprivation of a special right is a lasting punishment. Unlike one-time, one-time punishments (warning, fine), deprivation of a special right is extended over time.

We emphasize that an important aspect in the procedure for depriving a special right is that it is carried out on the basis of a decision of a judicial authority, and this, undoubtedly, characterizes it as a type of special administrative punishment.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru.

2. Law of the Russian Federation "On private detective and security activities in the Russian Federation" dated March 11, 1992 No. 2487-1 (as amended on December 25, 2023) // www.consultant.ru.

3. "Air Code of the Russian Federation" dated March 19, 1997 No. 60-FZ (as amended on January 30, 2024) // www.consultant.ru.

4. "Code of Merchant Shipping of the Russian Federation" dated April 30, 1999 No. 81-FZ (as amended on October 19, 2023) // www.consultant.ru.

5. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on March 11, 2024) // www.consultant.ru.

6. Federal Law "On Road Safety" dated December 10, 1995 No. 196-FZ (as amended on December 25, 2023) // www.consultant.ru.

7. Federal Law of December 13, 1996 No. 150-FZ "On Weapons" (as amended by No. 664-FZ of December 25, 2023, as amended by the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2012 No. 16-P) // www.consultant.ru.

8. Federal Law "On Hunting and on the Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 24, 2009 No. 209-FZ (as amended on June 13, 2023) // www.consultant.ru.

9. Decree of the Government of the Russian Federation of August 14, 1992 No. 587 "Issues of private detective (detective) and private security activities" (ed. 01/19/2024) // www.consultant.ru.

10. Decree of the Government of the Russian Federation "On Traffic Rules" dated October 23, 1993 No. 1090 (as amended on June 2, 2023) // www.consultant.ru.

11. Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the Rules for admission to driving self-propelled machines and issuing tractor operator (tractor operator) licenses" dated 07/12/1999 No. 796 (as amended on 05/21/2022) // www.consultant.ru.

12. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 21, 1998 No. 814 (as amended on May 29, 2023) "On measures to regulate the circulation of civilian and service weapons and ammunition for them on the territory of the Russian Federation" (together with the "Rules for the circulation of civilian and service weapons and cartridges for it on the territory of the Russian Federation", "Regulations on the

maintenance and publication of the State Cadastre of civil and service weapons and cartridges for it") // www.consultant.ru.

13. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/04/2023 No. 695 "On introducing amendments to Decree of the Government of the Russian Federation dated February 17, 2022 No. 193 and declaring as invalid paragraph 1 of the changes made to the Decree of the Government of the Russian Federation dated February 17, 2022 . No. 193, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of September 8, 2022 No. 1581" // www.consultant.ru.

14. Decree of the Government of the Russian Federation of May 13, 2022 No. 858 "On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of February 17, 2022 No. 193" // www.consultant.ru.

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 20 of June 25, 2019 "On some issues arising in judicial practice when considering cases of administrative offenses provided for by Chapter 12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // www.consultant.ru.

16. Order of the Ministry of Agriculture and Food of Russia dated November 29, 1999 No. 807 (as amended on April 3, 2013) "On approval of the Instructions on the procedure for applying the Rules for admission to driving self-propelled machines and issuing licenses for a tractor driver – driver (tractor driver)" // www. consultant.ru.

17. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated October 22, 2014 No. 298 "On approval of the Administrative Regulations of the Federal Air Transport Agency for the provision of state services for issuing certificates to persons from among civil aviation personnel specialists allowed to perform the functions of aircraft crew members, provision of civil aviation flights, functions for aircraft maintenance and air traffic control // www.consultant.ru.

18. Order of the Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation dated June 29, 2005 No. 502 (as amended on July 21, 2009) "On approval of the Rules for the use of small vessels on water bodies of the Russian Federation" // www.consultant.ru.

19. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated May 27, 2014 No. 262 (as amended on October 23, 2018) "On approval of the Rules for certification for the right to operate small vessels supervised by the State Inspectorate for Small Vessels of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergency Situations and Consequence Elimination natural disasters" // www.consultant.ru.

20. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated April 12, 1999 No. 288 (as amended on June 19, 2018) "On measures to implement the Decree of the Government of the Russian Federation dated July 21, 1998 No. 814 (together with the "Instructions for organizing the work of internal affairs bodies to control turnover of civilian and service weapons and ammunition for them on the territory of the Russian Federation")" // www.consultant.ru.

21. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated June 29, 2012 No. 646 (as amended on November 27, 2015) "On approval of the Administrative Regulations for the execution by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the state function of controlling the circulation of civilian, service and award weapons, ammunition, cartridges to weapons, the safety and technical condition of combat hand-held small arms and service weapons that are in temporary use by citizens and organizations, as well as compliance by citizens and organizations with the legislation of the Russian Federation in the field of weapons circulation" // www.consultant.ru.

22. Berezhnov A.G., Vorotilin E.A., Kenenov A.A. and others. Theory of State and Law: Textbook for Universities / Ed. M.N. Marchenko. Moscow: "Zertsalo", 2004. 800 p.

23. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate students / S. A. Komarov. 10th ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 528 p. (Series: Bachelor and Master. Academic course).

24. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing House “Urayt”, 2024. 333 p.

For citation: Lis I.I. Special law of the subject of administrative legal relations: article // Legal Thought. 2024. No. 1 (133). P. 113–123.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_102

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 342.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_124

ПОНЯТИЕ И ПРИРОДА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Р.Л. Ручкин*

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и природа института несостоятельности (банкротства) юридических лиц в настоящее время.

За последние несколько десятков лет институт банкротства стремительно развивается в Российской Федерации. Но в рамках арбитражного, гражданского и уголовного законодательства существует масса проблем относительно применения норм Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 № 127-ФЗ. Например, большой объем существования множества различного рода постановлений Верховного Суда Российской Федерации усложняет применение норм данного закона в гражданско-правовых отношениях, но не сами по себе, а ввиду несовершенства самого закона.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, банкротство, несостоятельность, юридические лица, правовая сущность банкротства.

Реформирование российской экономики в связи с переходом к рыночным отношениям в 1992 году сопровождалось развитием кризисных явлений. Отказ государства от контроля и регулирования цен, приватизация, структурная перестройка экономики, кризис сбыта негативно сказались на платежеспособности предприятий, многие оказались несостоятельными. Это определило необходимость создания и развития института несостоятельности (банкротства). К приоритетным задачам института банкротства относится с одной стороны – финансовое оздоровление субъектов хозяйствования, помощь в восстановлении платежеспособности предприятий, с другой – исключение из числа участников рыночных отношений неэффективных предприятий, которые не обладают необходимыми ресурсами и потенциалом для ведения прибыльной деятельности.

* **Ручкин Родион Леонидович** – магистрант кафедры теории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: rrodion@yandex.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, Заслуженный работник науки и образования РАЕ, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Следует согласиться с тем, что «Законодательство Российской Федерации и иных стран постсоветского пространства, действующее в настоящее время, содержит целый комплекс законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с процедурой банкротства. Совершенно понятно, что недостаточная взаимосвязь и взаимообусловленность правовой теории и практики приводит, в частности, к тому, что правоприменители вынуждены оперировать такими юридическими понятиями и конструкциями, смысл которых неоднозначен, что в свою очередь вносит рассогласованность в надлежащее функционирование правового механизма» [12, с. 3].

Рассмотрим историю становления и развития норм о несостоятельности (банкротстве), а также определим их влияние на формирование норм действующего законодательства.

Институт банкротства, регламентирующий несостоятельность, берет свое начало в римском праве. Именно в Древнем Риме впервые в исполнительное производство был введен процесс удовлетворения требований кредитора при недостаточности имущества должника. Мнения ученых относительно данной процедуры разделились. Одни считают, что она очень схожа с современным конкурсным правом [15, с. 31], другие уверены, что у данной процедуры нет с ним ничего общего [21]. На наш взгляд, нормы того временного периода были еще недостаточно детально проработаны и находились на этапе своего становления, поэтому и не могли охватывать весь объем полномочий должников и кредиторов, участвующих в конкурсном праве. Это позволяет с уверенностью утверждать, что сложно сравнивать только что зарождающиеся нормы о несостоятельности и полностью проработанные, входящие в состав конкурсного права.

По сути, можно считать, что в эпоху римского права зародился отдельный институт исполнительного производства, который определял возможность разрешения конфликта между кредитором и должником при недостаточности у последнего имущества. Несомненно, зарождение данных правил поведения имело очень большое значение для последующего становления норм о несостоятельности (банкротстве) не только в нашем государстве, но и в других странах. После распада Римской империи выработанные основы римского конкурсного права постепенно стали переходить к народам стран Европы [24, с. 349].

В нашей стране институт банкротства имеет очень длительную историю развития. Становление данного института началось еще в древние времена. Первое упоминание о нем можно встретить еще в Русской Правде [17]. В данном документе банкротство рассматривалось с двух сторон: виновное банкротство, которое возникало по вине должника, и невиновное, происходившее не по его вине. Если несостоятельность возникала по вине самого должника, то на него возлагалась личная ответственность, которая падала на конкретное лицо, а не на его имущество [5, с. 463–464]. При невозможности должника возместить свою несостоятельность в денежном эквиваленте он мог быть продан с публичных торгов. Русская Правда предусматривала также возможность банкротства такого сословия, как купцы.

В Русской Правде был заложен дифференцированный подход к оценке несостоятельности и определен порядок удовлетворения требований. У иностранных кредиторов существовало определенное преимущество перед местными. И удовлетворение их требований было первичным. Однако нормы данного правового акта не регулировали отношения, при которых должник укрывал свое имущество с целью умышленного создания видимости своей несостоятельности [20, с. 21].

Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, «...замечательным представляется то явление, что чем более отдаляется развитие права от первоначальной эпохи, тем слабее становятся черты несостоятельности» [26, с. 54].

Итак, в качестве основных критериев конкурсного процесса того времени можно определить следующие:

– недостаточность имущества должника;

– наличие нескольких кредиторов, имеющих требование к одному должнику;

– определенный порядок удовлетворения требований кредиторов [19, с. 4].

Особенность банкротства того временного периода заключалась в обращении исполнения на личность самого должника. Если должник не мог возвратить долг кредитору, то он был обязан его отработать или поступить к нему в рабство, а при нескольких кредиторах должника продавали на торгах и вырученную сумму распределяли между ними пропорционально их требованиям («в деле») [27, с. 71].

Анализ норм такого исторического источника, как Русская Правда, позволяет с уверенностью говорить о том, что уже тогда институт банкротства существовал, более того уже были хорошо проработаны нормы, касающиеся правового статуса должника и кредитора, закон закреплял очередность списания долгов, а также определял основные критерии процедуры банкротства. По сути, основной порядок несостоятельности, закрепленный в Русской Правде, прослеживался и в более поздних нормативно-правовых актах, впоследствии изменялось и усложнялось правовое регулирование отдельных этапов и процедур банкротства. Однако некоторые положения оставались очень сложными для понимания и исполнения, что, несомненно, не могло не вызывать дискуссии ученых и практиков. Все это оказало существенное влияние на дальнейшее формирование норм о несостоятельности.

Интересным этапом в истории развития законодательства о банкротстве является период принятия Соборного уложения 1649 г. Этот важный правовой документ послужил основой для формирования уникальных правовых принципов, которые впоследствии оказали значительное влияние на данный институт.

Одной из ключевых особенностей Соборного уложения было установление нового порядка конкуренции прав в связи с банкротством должника. До этого акта порядок удовлетворения требований кредиторов был в значительной степени неструктурированным и не отвечал современным представлениям о справедливости. Однако с принятием Соборного уложения был закреплен принцип, в соответствии с которым иностранные кредито-

ры получали преимущественное право на удовлетворение своих требований перед кредиторами из России.

Кроме того, Соборное уложение установило особый статус для государственной казны, предоставив ей приоритет перед гражданами государства в вопросах удовлетворения требований в процедурах банкротства. Это положение было важным шагом в развитии законодательства о банкротстве, подчеркивая важность защиты государственных интересов.

В целом, можно сказать, что Соборное уложение 1649 г. стало важным этапом в истории формирования законодательства о банкротстве. Установленные в нем принципы в значительной степени определили основные тенденции развития законодательства в этой сфере, многие из которых сохраняют свою актуальность и в настоящее время [16, с. 78]. Именно в данном правовом акте отразились основополагающие принципы несостоятельности (банкротства), которые впоследствии только дорабатывались и усложнялись в соответствии с требованиями современных реалий. Однако в остальном, в важных концептуальных моментах, необходимо признать, что данный акт, по сути, повторял положения Русской Правды [4, с. 7].

Советский период российской государственности явился следующим этапом в развитии модели банкротства юридических и физических лиц в России. В условиях командно-административной экономической системы банкротство рассматривалось как институт, не совместимый с идеологией социалистической доктрины. С установлением советской власти несостоятельность вне торговой сферы отрицалась, однако переход к новой экономической политике потребовал восстановления норм, регулирующих банкротство [9, с. 76]. Таким образом, институт несостоятельности в советский период не применялся и не рассматривался.

Современные научные труды ученых в области права содержат в целом положительную оценку нововведений в действующее законодательство о банкротстве, с акцентом на возрастающую роль института банкротства в разрешении конфликта противопоставленных частных и публичных интересов [28], но, вместе с тем, общепризнанным фактом является традиционно сложившаяся практика низкой эффективности результатов реализации процедур банкротства, несоответствие внешней формы прокредиторской модели банкротства предпринимательских структур в России его реальному чисто декларативному характеру, не защищающему интересы независимых кредиторов компании-банкрота [22], а также недостаточностью норм правового регулирования, направленных на повышение эффективности выявления признаков криминальных банкротств в целях обоснованного привлечения ответственных лиц к уголовной ответственности [3].

Заслуживают внимания предложения ученых в области банкротства о необходимости введения в законодательство о банкротстве специфических механизмов банкротства общественно значимых организаций [11], а также инструментов процессуального упрощения реализации процедур банкротства [25]. Актуальным проблемам финансово-экономической составляющей реализации правовых процедур несостоятельности посвящены труды современных российских ученых, которые обращают внимание на наиболее остро проявляющиеся проблемы, связанные с недостатками про-

ведения анализа финансового состояния должника [14], выявления признаков преднамеренного и/или фиктивного банкротства [7], осуществления судебных и внесудебных экономических экспертиз и объективности оценки имущества должника в конкурсном производстве [18].

Таким образом, сущность банкротства традиционно рассматривается в зависимости от критериев его наступления в юридическом и финансовом аспекте.

С правовой точки зрения критерием банкротства выступает признание судом экономической несостоятельности субъекта хозяйствования. Должник отказывается уплатить долг (погасить обязательства) в связи с отсутствием средств.

Экономические аспекты банкротства связаны с несоответствием финансовых потоков предприятия, потерей ликвидности и финансовой неустойчивостью. Критерием банкротства в данном случае выступает фактическое состояние имущества субъекта хозяйствования.

В научной, учебной литературе существует множество определений банкротства. Наиболее часто под банкротством понимают прекращение хозяйственной деятельности в связи с невозможностью восстановить платежеспособность в порядке, установленном законодательством [6].

В соответствии с российским законодательством понятия банкротства и несостоятельности не дифференцируются. Несостоятельность (банкротство) определяется как «признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [1].

При этом в современных научных исследованиях прослеживается устойчивое стремление к разграничению понятий несостоятельности и банкротства. Критерии могут быть различны: причинно-следственные связи, уголовный закон, признак неоплатности и пр. Специальное внимание уделяется видам незаконных банкротств и особенностям правового регулирования в таких случаях [8].

Например, по мнению одних ученых, термин банкротство следует использовать в отношении совершенных действий уголовного характера, в результате которых был нанесен ущерб кредиторам. По мнению Глуховой О.Ю. и Шевякова А.Ю. между исследуемыми терминами имеется иерархическая зависимость: на практике в деятельности предприятия всегда сначала наступает несостоятельность, которая впоследствии приводит к банкротству [6].

Ле Хоа в своих работах отмечает, что несостоятельность – это неплатежеспособность, которая характеризуется невозможностью должника погасить свои обязательства в установленной форме и срок. Если период несостоятельности является длительным, то можно говорить об абсолютной неплатежеспособности должника, при которой финансовое состояние уже не может быть восстановлено. Такая организация переходит в категорию банкротов [10].

При рассмотрении ситуаций несостоятельности (банкротства) должников можно разделить на группы (категории) исходя из характера причинения вреда кредиторам:

– полностью добросовестные должники;

– должники, которые не знали о противоправном поведении отдельных субъектов в процессе банкротства;

– должники, которые нарушили нормы законодательства, а также должники, с ведома которых кредиторы (либо третьи лица) предпринимали противозаконные действия.

Соответственно, независимо от характера причинения вреда все должники называются несостоятельными лицами (банкротами).

В качестве причин банкротства предприятий часто рассматривается несоответствие системы управления требованиям внешней среды, несоответствие профиля деятельности компании с ее подготовкой руководства, небольшой опыт управленческого опыта у руководителей, недостаточный опыт в действующей области, неисполнение обязательств, форс-мажорные обстоятельства. Отдельно следует выделить причины криминальных банкротств. Это может быть уклонение от уплаты долговых обязательств, смена собственников или хищение имущества, денежных средств.

Если предприятие входит в процедуру банкротства, следовательно, оно является несостоятельным (неплатежеспособным). Отсутствие возможности погашать обязательства, как правило, затрагивает две категории лиц:

– работников организации;

– кредиторов (в лице предприятий и банковских учреждений).

Размер заработной платы на предприятии в этот период может снижаться, одновременно имеют место задержки в ее своевременной выплаты. Как следствие, в рамках макроэкономических процессов наблюдается ухудшение материального положения граждан, снижение их покупательской способности.

Выплаты по обязательствам кредиторов также не производятся, что в свою очередь может послужить причиной их финансовых затруднений, в отдельных случаях – банкротства (несостоятельности).

В ходе процедуры банкротства, как правило, происходит оптимизация деятельности предприятия, структуры активов, проводятся мероприятия по сокращению расходов. В таких случаях, если на балансе предприятия имеются какие-либо объекты социальной сферы (детские лагеря, культурные центры и т.д.) все их стараются передать в ведение местных органов власти.

В случае, если в результате реализации процедуры банкротства реабилитационные процедуры не было эффективны и юридическое лицо должно быть ликвидировано, то последствия следует рассматривать в более развернутом виде.

Во-первых, если предприятие-банкрот осуществляло производственную деятельность, занималось оказанием услуг, выполнением работ, то соответственно, их предложение на рынке сократится, что может привести к росту цен.

Во-вторых, с точки зрения государства юридическое лицо – субъект налогообложения, следовательно, следует ожидать сокращение налоговых поступлений в бюджет.

В-третьих, ликвидация предприятий связана с массовыми сокращениями, что ведет к разрушению квалификационного, образовательного, а в ряде

случаев и научного потенциала рабочей силы, особенно в производящих отраслях экономики, снижению производительности труда в целом.

Необходимо отметить, что рассмотренная совокупность последствий банкротства предприятий, в случаях их массового характера под влиянием внутренних и внешних факторов, негативно скажется не только на жизни каждого отдельно взятого гражданина, но и государства в целом, создавая угрозу его экономической безопасности [13].

Анализ статистических данных показывает, что количество дел о банкротстве юридических лиц, принятых к производству в 2021 г., существенно возросло относительно предыдущих лет и особенно по сравнению с 2020 г., когда работал мораторий на банкротство в связи кризисом COVID-19.

Обращает на себя внимание многократное превышение количества дел, по которым принято решение о введении процедуры конкурсного производства по сравнению с восстановительными процедурами несостоятельности, что подтверждает устойчивую тенденцию ликвидационной направленности реализации процедур банкротства.

Зачастую должники оказываются вообще без имущества, и банкротство заканчивается ликвидацией бизнеса без каких-либо шансов кредиторов на погашение их долгов.

Например, по данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве в 2021 г. доля дел о банкротстве, по результатам которых кредиторы остались без удовлетворения своих требований, составила 58,4%15, что подтверждает крайне низкий уровень полезной для общества отдачи от функционирования института банкротства в России. При этом имеются банкротства, когда компании попадают в безвыходную ситуацию из-за экономических проблем внешнего и внутреннего характера, но, тем не менее, добросовестные руководители стремятся рассчитаться по своим долгам. Однако количество недобросовестных банкротств значительно превосходят их число по естественным и объективным причинам. Такое положение дел обусловлено, с одной стороны, несовершенством законодательства, а с другой стороны, недостатками в формировании доказательной базы при рассмотрении дел о несостоятельности должников умышленным действиями контролирующими бизнес лицами по доведению управляемой компании до банкротства, поскольку любой бизнес вправе действовать рационально или нерационально по своей воле с целью обеспечения своих интересов, на свое усмотрение и на свой риск, если того требует его стратегия, в том числе и при распоряжении собственными средствами, что следует учитывать суду при оценке представленных арбитражным управляющим или другими участниками дела о банкротстве доводов о нерациональности, нецелесообразности, неэффективности спорных сделок.

Сложность выявления умышленных действий и схем в ущерб кредиторам несостоятельной организации предопределила законодательно закрепленная в Законе о банкротстве возможность привлечения экспертов, обладающих специальными знаниями в этой области. Наряду с ростом конфликтов интересов в делах о банкротстве, в настоящее время в судебной практике наблюдается тенденция роста привлечения экспертов и специалистов для обеспечения объективности судебного разбирательства несмотря на то, что инструменты

и механизм в целом проведения экономической экспертизы недостаточно проработаны, как теоретически, так и методически. Представляется важным обеспечить приоритет двойной юридической и экономической компетенции лиц, привлекаемых к экспертизе в делах о банкротстве, что требует при экспертизе дел, связанных с выявлением наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства включения в состав экспертной комиссии должны входить не менее двух специалистов, один из которых с подтвержденной квалификацией экономиста, другой – юриста в области банкротства.

Еще одним направлением повышения степени защиты добросовестных участников дела о банкротстве является тенденция ограничения участия аффилированных (по формальным и/или фактическим признакам) с должником лиц, как на законодательном уровне, так и в рамках судебной практики [23].

В этом направлении судебная практика уже выработала комплекс мер при разрешении споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований аффилированных с должником лиц.

В частности, Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики (утвержденной 29.01.2020) разъяснил судам, что, установив, при каких обстоятельствах предоставлялось финансирование, следует определить очередность удовлетворения требования контролирующего лица, а не отказывать во включении в реестр требований кредиторов, и ввел понятие «очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты».

Например, в рамках дела о банкротстве АО «ПРОГРЕСС» рассматривалось заявление АО «ОМГ» о включении задолженности в размере 45 696 848,91 руб. в реестр требований кредиторов должника по договору займа. Конкурсный управляющий ходатайствовал о понижении в очередности в связи с тем, что Должник и Кредитор являются аффилированными по отношению друг к другу лицами и входят в одну группу компаний. Кроме того, сам договор займа был заключен в период имущественного кризиса заемщика, а заимодавец не принимал мер к истребованию в разумный срок задолженности и не обращался в суд в исковом порядке с целью восстановления нарушенного права, что не соответствует экономической разумности. Суд признал требования АО «ОМГ» о включении задолженности в размере 45 696 848,91 руб. обоснованными и подлежащими удовлетворению в порядке очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты [2].

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день банкротство юридических лиц довольно распространенное явление, которое оказывает заметное влияние не только на экономику, но и социальную составляющую жизни общества. При этом, само понятие банкротства нельзя признать устоявшимся. Среди ученых продолжается активное обсуждение сущности банкротства, выработка его признаков, определение соотношения категорий банкротства и несостоятельности. В связи с этим возникает необходимость проведения дополнительной проработки теоретических основ понятия банкротства на законодательном уровне.

Библиографический список

1. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) // www.consultant.ru

2. Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-334323/19-38-419Б от 24.08.2021 // www.consultant.ru

3. *Абрамов А.М.* Юридический анализ новых субъектов криминальных банкротств // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство, право и управление. – 2021. – № 11 (138). – С. 82–84.

4. *Брежнев В. Э.* Закон о несостоятельности (банкротстве) – проблемы применения в рыночных отношениях. – Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 1999. – 129 с.

5. *Владимирский-Буданов О. И.* Обзор истории русского права. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.

6. *Глухова О.Ю., Шевяков А.Ю.* Несостоятельность (банкротство) как правовая и экономическая категории / О.Ю. Глухова, А.Ю. Шевякова // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 166–172.

7. *Городилов М.А., Беляев А.С.* Выявление признаков преднамеренного банкротства: экономико-аналитический аспект: Монография. – Пермь: Из-центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2021. – 144 с.

8. *Добровлянина О.В., Кондратьева К.С., Патырбаева К.В.* Виды незаконных банкротств в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования / О.В. Добровлянина, К.С. Кондратьева, К.В. Патырбаева // Право. – Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 34–49.

9. *Иванова С. П., Земляков Д. Н., Баранников А. Л.* Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учеб. пособие. – М.: Юстиция, 2018. – 200 с.

10. *Иголкина Т.Н., Матюхин С.С.* Несостоятельность и банкротство предприятий в трактовке отечественных и зарубежных ученых / Т.Н. Иголкина, С.С. Матюхин // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – № 3 (43). – С. 184–188.

11. *Карелина С.А., Карелина А.А.* Устойчивое развитие территорий и институт несостоятельности: правовые аспекты взаимодействия // Право и экономика. – 2022. № 3 (409). – С. 5–12.

12. *Комаров В.С.* Гражданско-правовые средства предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций: [монография] / В. С. Комаров, Т. Л. Комарова; Юрид. ин-т (Санкт-Петербург), Колом. гос. пед. ин-т. – СПб.: Издво Юрид. ин-та, 2003. – 171 с.

13. *Коноваленко С.А., Трушина Н.Н.* Экономическая безопасность: в 2-х частях. Часть 1 / С.А. Коноваленко, Н.Н. Трушина. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. – 146 с.

14. *Крылов Д.Б.* Вопросы проведения финансового анализа арбитражными управляющими // Аудитор. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 37–44.

15. *Малышев К. И.* Исторический очерк конкурсного процесса. – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1871. – 238 с.

16. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. Т. 2 / под ред. С. А. Карелиной. – М.: Статут, 2019. – 846 с.

17. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – 430 с.

18. *Ряховский Д.И., Акулов А.Я.* Доказательственное значение отчетов об оценке имущества должника в конкурсном производстве: ожидания и реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 8 (251). – С. 77–86.

19. *Свириденко О. М.* Российское законодательство о банкротстве: к истории становления: монография. – М.: Норма, 2005 (ООО Тип. Полимаг). – 62 с.

20. *Тарасенко Ю. А.* Эволюция института фиктивного банкротства в российском дореволюционном законодательстве // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 21–28.

21. *Туткевич Д. В.* Что есть торговая несостоятельность: (Опыт построения определения в связи с изложением признаков для объявления торговой несостоятельности судом). – СПб.: Тип. Д. В. Чичинадзе, 1896. – 38 с.

22. *Фролов И.В.* Дефекты рациональности действующей концепции правового регулирования несостоятельности (банкротства) и необходимость перемен // Право и экономика. – 2022. – № 10 (416). – С. 33–42.

23. *Чащина А.А.* Формирование судебной практики субординации требований кредиторов // Юридическая наука. – 2021. – № 5. – С. 89–92.

24. *Челахсаева С. И.* История становления и развития института несостоятельности (банкротства) в странах Европы // Современная научная мысль. – 2017. – № 6. – С. 339–347.

25. *Шеншин В.М., Зудин Д.С., Тиханова Ю.Ю.* О некоторых проблемах развития института несостоятельности (банкротства) // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 4 (101). – С. 52–62.

26. *Шершеневич Г. Ф.* Учение о несостоятельности. – Казань: Тип. ун-та, 1890. – 446 с.

27. *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсный процесс. – М.: Статут, 2000. – 475 с.

28. *Шувалов И.И.* Институт банкротства и его роль в период социально-экономического кризиса // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 12. – С. 98–107.

Для цитирования: *Ручкин Р.Л.* Понятие и природа несостоятельности (банкротства) юридических лиц: история и современность: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 1 (133). – С. 124–133.

DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_124

THE CONCEPT AND NATURE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF LEGAL ENTITIES: HISTORY AND MODERNITY

Rodion L. Ruchkin*

Annotation. The article discusses the concept and nature of the institution of insolvency (bankruptcy) of legal entities at the present time.

Over the past few decades, the institution of bankruptcy has been rapidly developing in the Russian Federation. But within the framework of arbitration, civil and criminal legislation, there are a lot of problems regarding the application of the norms of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated October 26, 2002 No. 127-FZ. For example, the large volume of existence of many different kinds of decisions of the Supreme Court of the Russian Federation complicates the application of the norms of this law in civil law relations, but not in themselves, but due to the imperfections of the law itself.

Key words: Civil Code of the Russian Federation, bankruptcy, insolvency, legal entities, legal essence of bankruptcy.

* **Ruchkin Rodion Leonidovich –** master’s student of the Department of Theory of State and Law of the Private educational institution of higher education “Law Institute” (St. Petersburg). E-mail: rrodion@yandex.ru

Scientific supervisor – **Komarov Sergey Aleksandrovich**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Director of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Honored Worker of Science and Education RAE, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

The reform of the Russian economy in connection with the transition to market relations in 1992 was accompanied by the development of crisis phenomena. The state's refusal to control and regulate prices, privatization, structural restructuring of the economy, and the sales crisis negatively affected the solvency of enterprises; many turned out to be insolvent. This determined the need to create and develop the institution of insolvency (bankruptcy). The priority tasks of the bankruptcy institution include, on the one hand, the financial recovery of business entities, assistance in restoring the solvency of enterprises, and on the other, the exclusion from participants in market relations of ineffective enterprises that do not have the necessary resources and potential to conduct profitable activities.

It should be agreed that “The legislation of the Russian Federation and other countries of the post-Soviet space, currently in force, contains a whole range of legislative and by-laws governing relations related to the bankruptcy procedure. It is absolutely clear that the insufficient interconnection and interdependence of legal theory and practice leads, in particular, to the fact that law enforcers are forced to operate with such legal concepts and structures, the meaning of which is ambiguous, which in turn introduces inconsistency in the proper functioning of the legal mechanism" [12, p. 3].

Let us consider the history of the formation and development of rules on insolvency (bankruptcy), and also determine their influence on the formation of the rules of current legislation.

The institution of bankruptcy, which regulates insolvency, has its origins in Roman law. It was in Ancient Rome that the process of satisfying the creditor's claims in case of insufficiency of the debtor's property was first introduced into enforcement proceedings. Scientists' opinions regarding this procedure are divided. Some believe that it is very similar to modern competition law [15, p. 31], others are sure that this procedure has nothing in common with it [21]. In our opinion, the norms of that time period were not yet worked out in sufficient detail and were at the stage of their formation, and therefore could not cover the entire scope of powers of debtors and creditors participating in bankruptcy law. This allows us to confidently assert that it is difficult to compare newly emerging insolvency rules and fully developed ones that are part of bankruptcy law.

In fact, it can be considered that in the era of Roman law a separate institution of enforcement proceedings arose, which determined the possibility of resolving a conflict between a creditor and a debtor if the latter had insufficient property. Undoubtedly, the emergence of these rules of conduct was very important for the subsequent establishment of rules on insolvency (bankruptcy) not only in our state, but also in other countries. After the collapse of the Roman Empire, the developed foundations of Roman bankruptcy law gradually began to pass to the peoples of European countries [24, p. 349].

In our country, the institution of bankruptcy has a very long history of development. The formation of this institution began in ancient times. The first mention of it can be found in Russian Pravda [17]. In this document, bankruptcy was considered from two sides: culpable bankruptcy, which arose through the fault of the debtor, and innocent bankruptcy, which occurred

through no fault of his. If insolvency arose through the fault of the debtor himself, then he was assigned personal responsibility, which fell on a specific person, and not on his property [5, p. 463–464]. If the debtor is unable to compensate for his insolvency in monetary terms, he could be sold at public auction. Russian Truth also provided for the possibility of bankruptcy of such a class as merchants.

The Russian Pravda laid down a differentiated approach to assessing insolvency and determined the procedure for satisfying claims. Foreign lenders had a certain advantage over local ones. And satisfying their demands was primary. However, the norms of this legal act did not regulate relations in which the debtor concealed his property in order to deliberately create the appearance of his insolvency [20, p. 21].

As G.F. Shershenevich noted, "...it seems remarkable that the further the development of law moves away from the original era, the weaker the features of insolvency become" [26, p. 54].

So, the following can be identified as the main criteria for the competitive process at that time:

– insufficiency of the debtor's property;
– the presence of several creditors who have claims against one debtor;
– a certain procedure for satisfying creditors' claims [19, p. 4].

The peculiarity of bankruptcy of that time period was that the execution was directed to the personality of the debtor himself. If the debtor could not repay the debt to the creditor, then he was obliged to work it off or become his slave, and with several creditors, the debtor was sold at auction and the proceeds were distributed among them in proportion to their demands ("in the case") [27, p. 71].

An analysis of the norms of such a historical source as Russkaya Pravda allows us to say with confidence that even then the institution of bankruptcy existed; moreover, the norms relating to the legal status of the debtor and creditor were already well developed, the law established the order of debt write-off, and also determined the main criteria bankruptcy procedures. In fact, the basic insolvency procedure enshrined in the Russian Pravda was also traced in later regulatory legal acts; subsequently, the legal regulation of individual stages and bankruptcy procedures changed and became more complicated. However, some provisions remained very difficult to understand and implement, which, undoubtedly, could not but cause discussion among scientists and practitioners. All this had a significant impact on the further formation of insolvency rules.

An interesting stage in the history of the development of bankruptcy legislation is the period of adoption of the Council Code of 1649. This important legal document served as the basis for the formation of unique legal principles, which subsequently had a significant impact on this institution.

One of the key features of the Council Code was the establishment of a new procedure for competition of rights in connection with the bankruptcy of the debtor. Before this act, the process for satisfying creditors' claims was largely unstructured and did not meet modern ideas of fairness. However, with the adoption of the Council Code, the principle was established according to

which foreign creditors received a preferential right to satisfy their claims over creditors from Russia.

In addition, the Council Code established a special status for the state treasury, giving it priority over citizens of the state in matters of satisfying claims in bankruptcy procedures. This provision was an important step in the development of bankruptcy law, emphasizing the importance of protecting public interests.

In general, we can say that the Council Code of 1649 became an important stage in the history of the formation of bankruptcy legislation. The principles established in it have largely determined the main trends in the development of legislation in this area, many of which remain relevant today [16, p. 78]. It was this legal act that reflected the fundamental principles of insolvency (bankruptcy), which were subsequently only refined and complicated in accordance with the requirements of modern realities. However, in other respects, in important conceptual points, it is necessary to recognize that this act, in fact, repeated the provisions of Russian Pravda [4, p. 7].

The Soviet period of Russian statehood was the next stage in the development of the model of bankruptcy of legal entities and individuals in Russia. Under the conditions of a command-administrative economic system, bankruptcy was viewed as an institution incompatible with the ideology of the socialist doctrine. With the establishment of Soviet power, insolvency outside the trade sphere was denied, but the transition to a new economic policy required the restoration of rules governing bankruptcy [9, p. 76]. Thus, the institution of insolvency was not applied or considered during the Soviet period.

Modern scientific works of scientists in the field of law contain a generally positive assessment of innovations in the current bankruptcy legislation, with an emphasis on the increasing role of the institution of bankruptcy in resolving the conflict of opposing private and public interests [28], but at the same time, traditionally established practice is a generally accepted fact low efficiency of the results of the implementation of bankruptcy procedures, the discrepancy between the external form of the pro-creditor model of bankruptcy of business structures in Russia and its real purely declarative nature, which does not protect the interests of independent creditors of the bankrupt company [22], as well as the insufficiency of legal regulations aimed at increasing the efficiency of identifying signs of criminal bankruptcies in order to reasonably bring responsible persons to criminal liability [3].

The proposals of scientists in the field of bankruptcy on the need to introduce into bankruptcy legislation specific mechanisms for the bankruptcy of socially significant organizations [11], as well as tools for procedural simplification of the implementation of bankruptcy procedures [25], deserve attention. The works of modern Russian scientists are devoted to current problems of the financial and economic component of the implementation of legal insolvency procedures, who draw attention to the most acute problems associated with the shortcomings of analyzing the financial condition of the debtor [14], identifying signs of deliberate and/or fictitious bankruptcy [7], implementing judicial and extrajudicial economic examinations and objectivity in assessing the debtor's property in bankruptcy proceedings [18].

Thus, the essence of bankruptcy is traditionally considered depending on the criteria for its occurrence in the legal and financial aspects.

From a legal point of view, the criterion for bankruptcy is the recognition by the court of the economic insolvency of a business entity. The debtor refuses to pay the debt (settle obligations) due to lack of funds.

The economic aspects of bankruptcy are associated with the discrepancy in the financial flows of the enterprise, loss of liquidity and financial instability. The criterion for bankruptcy in this case is the actual state of the property of the business entity.

There are many definitions of bankruptcy in the scientific and educational literature. Most often, bankruptcy is understood as the cessation of economic activity due to the inability to restore solvency in the manner prescribed by law [6].

In accordance with Russian legislation, the concepts of bankruptcy and insolvency are not differentiated. Insolvency (bankruptcy) is defined as “the inability of the debtor, recognized by the arbitration court, to fully satisfy the claims of creditors for monetary obligations and (or) to fulfill the obligation to make mandatory payments” [1].

At the same time, modern scientific research shows a steady desire to distinguish between the concepts of insolvency and bankruptcy. The criteria can be different: cause-and-effect relationships, criminal law, signs of non-payment, etc. Special attention is paid to the types of illegal bankruptcies and the peculiarities of legal regulation in such cases [8].

For example, according to some scientists, the term bankruptcy should be used in relation to committed acts of a criminal nature, as a result of which damage was caused to creditors. According to Glukhova O.Yu. and Shevyakova A.Yu. There is a hierarchical relationship between the terms under study: in practice, in the activities of an enterprise, insolvency always occurs first, which subsequently leads to bankruptcy [6].

Le Hoa in his works notes that insolvency is insolvency, which is characterized by the inability of the debtor to repay his obligations in the prescribed form and time frame. If the period of insolvency is long, then we can talk about the absolute insolvency of the debtor, in which the financial condition can no longer be restored. Such an organization goes into the category of bankrupt [10].

When considering situations of insolvency (bankruptcy), debtors can be divided into groups (categories) based on the nature of harm to creditors:

– completely bona fide debtors;

– debtors who were not aware of the illegal behavior of individual entities during the bankruptcy process;

– debtors who violated the law, as well as debtors with whose knowledge creditors (or third parties) took illegal actions.

Accordingly, regardless of the nature of the harm, all debtors are called insolvent persons (bankrupts).

The reasons for the bankruptcy of enterprises are often considered to be the inconsistency of the management system with the requirements of the external environment, the discrepancy between the profile of the company’s activ-

ities and its management training, little management experience among managers, insufficient experience in the current field, failure to fulfill obligations, and force majeure circumstances. The causes of criminal bankruptcies should be highlighted separately. This could be evasion of debt payments, change of owners or theft of property or funds.

If a company enters bankruptcy proceedings, it is therefore insolvent (insolvent). The inability to repay obligations usually affects two categories of persons:

– employees of the organization;
– creditors (represented by enterprises and banking institutions).

The amount of wages at the enterprise during this period may decrease, and at the same time there are delays in its timely payment. As a result, within the framework of macroeconomic processes, there is a deterioration in the financial situation of citizens and a decrease in their purchasing power.

Payments on the obligations of creditors are also not made, which in turn can cause their financial difficulties, and in some cases, bankruptcy (insolvency).

During the bankruptcy procedure, as a rule, the company's activities and asset structure are optimized, and measures are taken to reduce costs. In such cases, if the enterprise has any social facilities on its balance sheet (children's camps, cultural centers, etc.), they try to transfer all of them to the jurisdiction of local authorities.

If, as a result of the implementation of the bankruptcy procedure, the rehabilitation procedures were not effective and the legal entity must be liquidated, then the consequences should be considered in a more detailed form.

Firstly, if the bankrupt enterprise carried out production activities, was engaged in providing services, performing work, then, accordingly, their supply on the market will decrease, which can lead to an increase in prices.

Secondly, from the point of view of the state, a legal entity is a subject of taxation, therefore, a reduction in tax revenues to the budget should be expected.

Thirdly, the liquidation of enterprises is associated with massive layoffs, which leads to the destruction of the qualification, educational, and in some cases scientific potential of the workforce, especially in the manufacturing sectors of the economy, and a decrease in labor productivity in general.

It should be noted that the considered set of consequences of bankruptcy of enterprises, in cases of their massive nature under the influence of internal and external factors, will negatively affect not only the life of each individual citizen, but also the state as a whole, creating a threat to its economic security [13].

Analysis of statistical data shows that the number of bankruptcy cases of legal entities accepted for proceedings in 2021 has increased significantly compared to previous years and especially compared to 2020, when there was a moratorium on bankruptcy due to the COVID-19 crisis.

Noteworthy is the multiple excess in the number of cases in which a decision was made to introduce bankruptcy proceedings compared to restorative insolvency procedures, which confirms the steady trend of liquidation-oriented implementation of bankruptcy procedures.

Often, debtors find themselves without any property at all, and bankruptcy ends with the liquidation of the business without any chance for creditors to repay their debts.

For example, according to the Unified Federal Register of Information on Bankruptcy in 2021, the share of bankruptcy cases, as a result of which creditors were left without satisfaction of their claims, amounted to 58.4%15, which confirms the extremely low level of useful return for society from the functioning of the bankruptcy institution in Russia. At the same time, there are bankruptcies when companies find themselves in a hopeless situation due to economic problems of an external and internal nature, but, nevertheless, conscientious managers strive to pay off their debts. However, the number of dishonest bankruptcies significantly exceeds their number for natural and objective reasons. This state of affairs is due, on the one hand, to the imperfection of the legislation, and on the other hand, to shortcomings in the formation of the evidence base when considering cases of insolvency of debtors by deliberate actions by persons controlling the business to bring the managed company to bankruptcy, since any business has the right to act rationally or irrationally in its own way. will in order to ensure his interests, at his own discretion and at his own risk, if required by his strategy, including when disposing of his own funds, which should be taken into account by the court when assessing the arguments about irrationality and inexpediency presented by the arbitration manager or other participants in the bankruptcy case, ineffectiveness of controversial transactions.

The difficulty of identifying deliberate actions and schemes to the detriment of creditors of an insolvent organization predetermined the possibility, legislatively enshrined in the Bankruptcy Law, of attracting experts with special knowledge in this area. Along with the growth of conflicts of interest in bankruptcy cases, currently in judicial practice there is a tendency to increase the involvement of experts and specialists to ensure the objectivity of the trial, despite the fact that the tools and mechanism in general for conducting economic examination are not sufficiently developed, both theoretically and methodically. It seems important to ensure the priority of the dual legal and economic competence of persons involved in the examination in bankruptcy cases, which requires, when examining cases related to identifying the presence (absence) of signs of deliberate bankruptcy, inclusion in the expert commission must include at least two specialists, one of which with a confirmed qualification as an economist, the other as a lawyer in the field of bankruptcy.

Another direction for increasing the degree of protection of bona fide participants in a bankruptcy case is the tendency to limit the participation of persons affiliated (on formal and/or factual grounds) with the debtor, both at the legislative level and within the framework of judicial practice [23].

In this direction, judicial practice has already developed a set of measures for resolving disputes related to the establishment in bankruptcy procedures of the claims of persons affiliated with the debtor.

In particular, the Supreme Court of the Russian Federation in the Review of Judicial Practice (approved on January 29, 2020) explained to the courts that, having established under what circumstances financing was provided, it

is necessary to determine the priority of satisfying the claim of the controlling person, and not refuse to include it in the register of creditors' claims, and introduced the concept of "priority preceding the distribution of the liquidation quota".

For example, as part of the bankruptcy case of PROGRESS JSC, the application of OMG JSC to include debt in the amount of 45,696,848.91 rubles was considered. in the register of claims of the debtor's creditors under the loan agreement. The bankruptcy trustee petitioned for a reduction in priority due to the fact that the Debtor and the Creditor are affiliated persons with respect to each other and are part of the same group of companies. In addition, the loan agreement itself was concluded during a period of the borrower's property crisis, and the lender did not take measures to collect the debt within a reasonable period of time and did not file a lawsuit in order to restore the violated right, which does not correspond to economic reasonableness. The court recognized the demands of OMG JSC to include debt in the amount of RUB 45,696,848.91. justified and subject to satisfaction in the order of priority preceding the distribution of the liquidation quota [2].

So, based on all of the above, we can conclude that today bankruptcy of legal entities is a fairly common phenomenon, which has a significant impact not only on the economy, but also on the social component of society. At the same time, the very concept of bankruptcy cannot be considered established. Among scientists, there continues to be an active discussion of the essence of bankruptcy, the development of its characteristics, and the determination of the relationship between the categories of bankruptcy and insolvency. In this regard, there is a need to further study the theoretical foundations of the concept of bankruptcy at the legislative level.

Bibliography

1. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on December 25, 2023, as amended on March 19, 2024) // www.consultant.ru

2. Determination of the Moscow Arbitration Court in case No. A40-334323/19-38-419B dated 08.24.2021 // www.consultant.ru

3. Abramov A.M. Legal analysis of new subjects of criminal bankruptcies // Science and education: economy and economics; entrepreneurship, law and management. 2021. No. 11 (138). Pp. 82–84.

4. Brezhnev V. E. Law on insolvency (bankruptcy) – problems of application in market relations. Kursk: Kursk. state tech. univ., 1999. 129 p.

5. Vladimirsky-Budanov O.I. Review of the history of Russian law. Moscow: Publishing house "Territory of the Future", 2005. 800 p.

6. Glukhova O.Yu., Shevyakov A.Yu. Insolvency (bankruptcy) as a legal and economic category / O.Yu. Glukhova, A.Yu. Shevyakova // Socio-economic phenomena and processes. 2017. T. 12. No. 5. P. 166–172.

7. Gorodilov M.A., Belyaev A.S. Identification of signs of deliberate bankruptcy: economic and analytical aspect. Monograph. Perm: Iz-center of Perm State National Research University, 2021. 144 p.

8. Dobroblyanina O.V., Kondratyeva K.S., Patyrbaeva K.V. Types of illegal bankruptcies in the Russian Federation: some problems of legal regulation / O.V. Do-

brovlyanina, K.S. Kondratyeva, K.V. Patyrbaeva // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2017. No. 3. P. 34–49.

9. Ivanova S.P., Zemlyakov D.N., Barannikov A.L. Insolvency (bankruptcy) of legal entities and individuals: textbook. allowance. Moscow: Justice, 2018. 200 p.

10. Igolkina T.N., Matyukhin S.S. Insolvency and bankruptcy of enterprises in the interpretation of domestic and foreign scientists / T.N. Igolkina, S.S. Matyukhin // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2012. No. 3 (43). Pp. 184–188.

11. Karelina S.A., Karelina A.A. Sustainable development of territories and the institution of insolvency: legal aspects of interaction // Law and Economics. 2022. No. 3 (409). Pp. 5–12.

12. Komarov V.S. Civil law means of preventing insolvency (bankruptcy) of credit organizations: [monograph] / V. S. Komarov, T. L. Komarova; Legal Institute (St. Petersburg), Kolom. state ped. int. St. Petersburg: Publishing House Legal. Institute, 2003. 171 p.

13. Konovalenko S.A., Trushina N.N. Economic security: in 2 parts. Part 1 / S.A. Konovalenko, N.N. Trushina. Ryazan: Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2015. 146 p.

14. Krylov D.B. Issues of financial analysis by arbitration managers // Auditor. 2022. T. 8. No. 2. P. 37–44.

15. Malyshev K.I. Historical sketch of the competitive process. St. Petersburg: Type. t-va "Society" Benefit", 1871. 456 p.

16. Insolvency (bankruptcy): training course: in 2 volumes. T. 2 / ed. S. A. Karelina. Moscow: Statute, 2019. 846 p.

17. Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 volumes. T. 1: Legislation of Ancient Rus' / edited by ed. O.I. Chistyakova. Moscow: Legal literature, 1984. 430 p.

18. Ryakhovsky D.I., Akulov A.Ya. Evidentiary value of reports on the assessment of the debtor's property in bankruptcy proceedings: expectations and reality // Property relations in the Russian Federation. 2022. No. 8 (251). pp. 77–86.

19. Sviridenko O. M. Russian legislation on bankruptcy: to the history of formation: monograph. Moscow: Norma, 2005. 62 p.

20. Tarasenko Yu. A. Evolution of the institution of fictitious bankruptcy in Russian pre-revolutionary legislation // Journal of Russian Law. 2020. No. 2. pp. 21–28.

21. Tutkevich D.V. What is commercial insolvency: (Experience in constructing a definition in connection with the presentation of the signs for declaring commercial insolvency by the court). St. Petersburg: Type. D. V. Chichinadze, 1896. 38 p.

22. Frolov I.V. Defects in the rationality of the current concept of legal regulation of insolvency (bankruptcy) and the need for change // Law and Economics. 2022. No. 10 (416). Pp. 33–42.

23. Chashchina A.A. Formation of judicial practice of subordination of creditors' claims // Legal science. 2021. No. 5. Pp. 89–92.

24. Chelakhsaeva S. I. History of the formation and development of the institution of insolvency (bankruptcy) in European countries // Modern scientific thought. 2017. No. 6. P. 349–347.

25. Shenshchin V.M., Zudin D.S., Tikhanova Yu.Yu. On some problems in the development of the institution of insolvency (bankruptcy) // Bulletin of Arbitration Practice. 2022. No. 4 (101). Pp. 52–62.

26. Shershenevich G. F. The doctrine of insolvency. Kazan: Type. University, 1890. P.54.

27. Shershenevich G. F. Competitive process. Moscow: Statute, 2000. P.71.
28. Shuvalov I.I. The institution of bankruptcy and its role during the period of socio-economic crisis // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 12. Pp. 98–107.

For citation: Ruchkin R.L. The concept and nature of insolvency (bankruptcy) of legal entities: history and modernity: article // Legal Thought. 2024. No. 1 (133). P. 133–142.
DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_133_124

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре.** Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте **(в отпечатанном виде)** и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House "Law Institute" (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author),** indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru**; **komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- гражданско-правовая;
- государственно-правовая;
- международно-правовая;
- уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***диплом государственного образца о высшем образовании***

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим (неюридическим) образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ
по научным специальностям:

5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
5.1.2.– Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: http://lawinst-spb.ru/magazine
http://matgip.ru
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 27.09.2023. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 10,44. Усл. п.л. 17,70. Тираж 100 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru